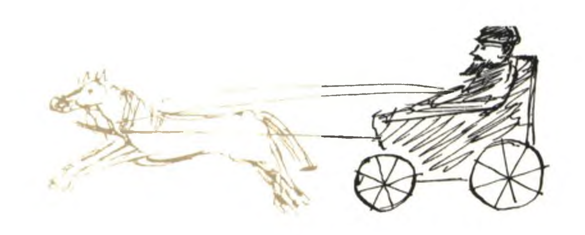
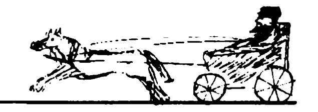

Иван Ювачев

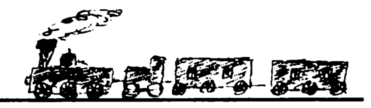
Дни и годы моей жизни

Иван Павлович Ювачев

Дни и годы моей жизни

По материалам
Государственного архива Тверской области

Москва
2017

УДК 821.161.1.09+929Ювачев
ББК Ш33(2=411.2)53-8Ювачев,2ю14
Ю14

Ю14 **Ювачев И. П.** Дни и годы моей жизни (по материалам Государственного архива Тверской области) / предисловие, подготовка текста, вступительные статьи и комментарии Е. Н. Строгановой. – М.: РИО РГУ им. А. Н. Косыгина, 2017. – 236 с.

ISBN 978-5-87055-545-4

Книга посвящена жизни и судьбе Ивана Павловича Ювачева (1860–1940), флотского офицера, народовольца, политкаторжанина, мемуариста, религиозного публициста, отца Даниила Хармса. В основу положены материалы Государственного архива Тверской области: дневники И. П. Ювачева, фрагменты его переписки с женой, составленный на каторге сборник стихотворений, письма Дани Ювачева к отцу и другие документы. Впервые представлена библиография работ Ювачева.

Для научных работников, музейных сотрудников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, для всех интересующихся историей общественно-политической и духовной жизни России второй половины XIX – начала XX века.

В оформлении книги использованы материалы из фондов
Государственного архива Тверской области.

УДК 821.161.1.09+929Ювачев
ББК Ш33(2=411.2)53-8Ювачев,2ю14

ISBN 978-5-87055-545-4

Оглавление

Иван Ювачев: Судьба идеалиста

В 1935 году в день своего 30-летия Даниил Иванович Ювачев, более известный как Даниил Хармс, получил в подарок от отца книгу стихов Велимира Хлебникова с надписью: «Моему чокнутому сыну Даниилу книгу чокнутого поэта Велимира – в день его 30-летия. Бывший и нынешний каторжник Иван Ювачев»[1]. Неординарностью адресата объясняется экстравагантность надписи. Но необычна и автохарактеристика дарителя. Необычна была и судьба этого человека[2].

Иван Павлович Ювачев (23.02.1860–17.05.1940) был седьмым ребенком в семье придворного полотера Павла Ивановича Ювачева и Дарьи Харлампиевны, урожденной Фокиной. Истинная фамилия его отца – Ивачев, но к моменту определения в 1840 году на службу в придворную полотерную команду, заменив первую букву, он стал Ювачевым[3]. В 1845 году Павел Иванович женился на сестре своего приятеля, тоже придворного полотера, Александра Фокина. В семье Ювачевых родилось одиннадцать детей, но первенец Пелагея и старший сын Петр умерли в раннем возрасте. Своему последнему

[1] Цит. по: Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / Сост. А. Крусанов // Хармс Даниил. Случаи и вещи / Сост. и примеч. А. Дмитренко и В. Эрля. – СПб.: Вита Нова. 2003. С. 468.

[2] В статье использованы материалы публикаций: *Строганова Е. Н.* Из сахалинских встреч А. П. Чехова (по материалам Государственного архива Тверской области) // Чеховские чтения в Твери. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 32–40; *Ее же.* «Искать в себе, а не вне себя…» Л. Н. Толстой и И. П. Ювачев // Материалы Толстовский чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого / Отв. ред. Л. В. Гладкова; сост. Л. Г. Гладких, Ю. В. Прокопчук. – М.: Оригинал-макет, 2015. С. 236–242; *Ее же.* Иван Ювачев: Личное и публичное // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2017. VIII/1. С. 91–99.

[3] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 10. Л. 2, 2а, 4, 6. Далее ссылки на архивные документы даются в тексте с указанием единицы хранения, части (если есть) и листа.

Владимирское уездное училище

ребенку родители также дали имя Петр, поэтому Ювачев в семейной летописи именует своих братьев Петр I и Петр II.

Сведения о детских годах Ювачева довольно скудны. Воспитывался он в традиционном патриархальном духе, мальчиком был религиозен, иногда «пел на клиросе»[4]. Его первоначальное обучение носило бессистемный характер. В дневниковой записи под названием «Дни и годы моей жизни» Ювачев отметил: «Около 1867 года стал учиться читать. Около 1868 г. ходил в пансион Амалии Ивановны. Около 1869 года ходил в пансион к Елизавете [нрзб.]» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 20 об.). С 1870 по 1874 год он обучался во Владимирском уездном училище и, как сказано в свидетельстве об окончании, «в преподаваемых предметах оказал успехи», но «отлично» имел только по поведению и чистописанию (Ед. хр. 13. Л. 2). Зато очень любил читать и особенно увлекался произведениями Густава Эмара и Майн-Рида: «...моя воспаленная фантазия часто витала в девственных лесах Америки. Удивительные приключения, отважная борьба с дикими животными, мужественные отражения хитрых врагов, великодушие к пленным, благородное и честное поведение, верность в своем слове, – все это представлялось крайне заманчивой картиной и сильно влекло на Дальний запад к краснокожим. <...>

---

4 *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. С. 50.

Эти думы были первым побуждением сделаться моряком и уехать в Америку»[5]. И действительно, в 1874 году Ювачев решил поступить в Техническое училище морского ведомства. Подробности поступления известны в передаче И. И. Горбунова-Посадова: «Тогда приемный экзамен был довольно трудный. На двести экзаменующихся было всего сорок вакансий. Но мысль о морской карьере воодушевила и напрягла все его юношеские силы. „Не выдержу, – убегу в Америку“ ... »[6] Экзамен Ювачев выдержал отлично.

В училище он не только постигал азы морской профессии, но, подобно другим воспитанникам, приобщался к современным идеям и по-юношески горячо откликался на события общественной жизни, о чем впоследствии вспоминал: «...все мы искали тогда подвига, все жаждали проявить особое геройство». Горячее сочувствие у молодежи 1870-х годов вызвал поступок Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, который в нарушение закона отдал приказ о порке политического заключенного. Ювачев намеревался даже повесить ее портрет в своей комнате вместо иконы[7]. В 1878 году он окончил училище в звании кондуктора корпуса флотских штурманов и был назначен в заграничное плавание, но, поддавшись на уговоры товарища, записался в Черноморский флот, штаб которого находился в Николаеве. Молодой моряк надеялся участвовать в боевых действиях, но ему пришлось выполнять исключительно мирную работу: заниматься съемкой северной части Черного моря на шхуне «Казбек», плавать старшим штурманским офицером на шхуне «Келасуры», заведовать метеорологической станцией в Николаеве.

В эти годы Ювачев начал приобщаться к литературной работе: вместе с женой судового врача Н. А. Есипова Натальей Павловной[8]

---

[5] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 80.

[6] *Горбунов-Посадов И. И.* Несколько слов от издателя // Ювачев И. П. (Миролюбов И. П.). Шлиссельбургская крепость.– М.: Посредник, 1907. С. IV.

[7] *Ювачев И. П.* Из воспоминаний старого моряка // Морской сборник. 1927. № 10. С. 75. Автор вспоминает об учебе в Техническом училище и первых годах службы во флоте, акцентируя внимание на революционных настроениях молодежи и своих товарищах, которые пострадали в ходе политических репрессий конца 1870-х – 1880-х годов.

[8] Судя по дневниковым записям Ювачева, в Николаеве у него был роман с Н. П. Есиповой.

он переводил французский роман «из жизни русских эмигрантов» и «самостоятельно писал ежедневно статьи по женскому вопросу»[9]. О его сочувствии идеям женской эмансипации свидетельствует неопубликованный рассказ «Из семейной драмы», один из персонажей которого – «чистейший идеалист», «сентиментальный и чувствительный» – «горячо стоял за эмансипацию женщин» (Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 5. Л. 14 об.)[10]. Этот персонаж, так же как и герой другого рассказа Ювачева – «То было раннею весною...»[11], имеет автопсихологические черты и дает представление о психо-эмоциональном облике автора: «любознательный ум, ищущий света истины <...> доброе сердце, нежное как у женщины», готовность подымать «знамя истины, добра, красоты»[12].

В. Н. Фигнер

Часть морской молодежи Николаева увлекалась либеральными идеями, пропаганда которых «велась довольно свободно»[13]. Познакомившись с подполковником Ю. Н. Ашенбреннером, членом военной организации «Народной воли», Ювачев по его заданию собрал кружок морских офицеров (В. А. Бубнов, Н. Д. Толмачев, А. Д. Афанасьев, В. А. Лебединцев, М. И. Степанов, К. В. Богданов[14]) и, как писала впоследствии В. Н. Фигнер, оказался одним из тех, кто отличался «стремительностью революционной пропаганды» среди моряков[15].

---

[9] *Ювачев И. П.* Из воспоминаний старого моряка. С. 80.

[10] Рассказ впервые публикуется в этой книге.

[11] В названии использована неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого.

[12] *М. Л.* То было раннею весною... / И. П. Ювачев. – [Б. м.], [1915]. С. 11.

[13] *Ювачев И. П.* Из воспоминаний старого моряка. С. 81.

[14] *Ювачев И. П.* Из воспоминаний старого моряка. С. 83.

[15] *Фигнер Вера.* Избранные произведения: В 4 т. Запечатленный труд. – М.: Изд-во Всесозн. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Т. 2. С. 96.

Петропавловская крепость

Члены кружка «признали себя солидарными с программою исполнительного комитета, а кружок свой – составною частью военной организации народовольческого общества»[16].

1880-е годы ознаменовались целой серией судебных процессов над народовольцами. Под наблюдением находились все, кто так или иначе был связан с организацией. Летом 1883 года Ювачев приехал Петербург, чтобы подготовиться к поступлению в Морскую академию, но 13 августа был арестован в селе Шувалове, на даче у родителей (Ед.хр. 13. Л. 6). Тринадцать месяцев до суда он содержался в Петропавловской крепости. Осенью 1884 года состоялся закрытый военный суд над четырнадцатью народовольцами – «процесс 14-ти». Ювачев обвинялся «в принадлежности к тайному сообществу, именовавшемуся „партиею народной воли“, и в организации отдельного революционного кружка между морскими офицерами в городе Николаеве». 28 сентября был оглашен приговор: восемь подсудимых, в их числе Ювачев, приговаривались к смертной казни через повешение. 6 октября по «приговору государя» участь шести осужденных была смягчена, Ювачеву казнь заменялась пятнадцатью годами каторжных работ (Ед. хр. 13. Л. 24 об.–25; Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 20 об.).

[16] *Глинский Б.Б.* Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки) // Исторический вестник. 1911. Т. 126. С. 737.

Шлиссельбургская крепость

Почти четыре года – до суда и после него – Ювачев провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Не желая «препираться и браниться с часовыми, обманывать их, лгать, притворяться», он отказался от единственно возможного способа общения с товарищами – перестукивания и тем самым «добровольно обрек себя на абсолютное одиночество»[17]. В. И. Засулич писала, что первые четыре года заключения в Шлиссельбурге народовольцы боролись с «инструкцией» – тюремными правилами[18], но, в отличие от других, Ювачев этим правилам подчинился. Отказавшись от борьбы, он выбрал другой путь: после многих лет юношеского «отступничества» произошло его возвращение к религии. Читая ежедневно по одной странице Библии, он вел счет дням[19]. Перечитывая тексты Священного Писания[20], начал составлять примечания к Евангелиям и впоследствии

[17] *Миролюбов И. П.* В заточении // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 184.

[18] *Засулич В.* Предисловие // 13 лет в Шлиссельбургской крепости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейн / С предисл. В. И. Засулич. – СПб.: Новый мир, [1906]. С. V.

[19] *Миролюбов И. П.* В заточении. С. 202.

[20] В 1885 году в Шлиссельбурге он «изъявил желание изучать греческое писание» и в январе 1886 года получил Библию на греческом языке. По его подсчетам, эта Библия была с ним «приблизительно 7 месяцев» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 26).

Л. А. Волкенштейн

не прекращал этих занятий[21]. В этот период, видимо, изменяется и его отношение к «женскому вопросу»: главным «украшением женщины» он теперь полагает «смирение, кротость, чистоту», о чем наставительно будет писать сестре Анне уже с Сахалина (Ед. хр. 3. Ч. 3. Л. 4 об.).

Со времени заточения и на протяжении всей жизни Ювачев был склонен к религиозной экзальтации и отличался мистической настроенностью, которую культивировал в себе. Ему была свойственна чрезвычайная интенсивность религиозного переживания, определявшая общее восприятие жизни. В письме к родным от 19 мая 1887 года есть фраза: «Я так думаю, что верующий человек, внимательно относясь к своей жизни, видит непрестанно множество чудес» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 2). Он непрестанно ищет совпадения, предвещания и предначертания в собственной судьбе, проецируя события своей жизни на Священную историю: «Итого со дня ареста сидел в Петроп.<авловской> крепости 430 дней, по числу лет пребывания Израиля в Египте» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 20 об). Товарищи по заключению воспринимали его истовую религиозность как помешательство. Л.А. Волкенштейн, Фигнер, Ашенбреннер называли Ювачева в числе тех, кто в неволе потерял рассудок (правда, последний уточнял, что он «поправился»)[22].

[21] По поводу этих занятий Ювачева на Сахалине Бронислав Пилсудский замечал в письме к отцу от 23 марта 1888 года: «...будучи религиозным фанатиком, мечтал о переводе или исправлении русских переводов Библии» (цит. по: *Вуйцек Збигнев.* Из неизвестной переписки ссыльного Бронислава Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. 1998. № 5. С. 353).

[22] 13 лет в Шлиссельбургской крепости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейн. СПб.: Новый мир, [1906]. С. 18, 31; *Фигнер Вера.* Указ. соч. С. 18; *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904 гг.) / Ред. Н. С. Тютчев. – М.: [Б. и.], 1924. С. 114.

Почти все выжившие шлиссельбуржцы вспоминали о том, что многие из их товарищей не выдержали одиночного заключения. Н. А. Морозов писал: «Благодаря вечному одиночеству и невозможности чем-либо заниматься, вследствие отсутствия книг в продолжение первых нескольких лет заключения многие <...> тогда уже сошли с ума, другие лишили себя жизни или умерли в цинге и чахотке»[23]. По словам Ашенбреннера, был период, когда среди заключенных «началось повальное сумасшествие»[24]. Ювачев тоже вспоминал о товарищах, которые не выдержали пытки одиночеством. Сам он, опасаясь за свой рассудок, выработал систему правил самосохранения: «стараясь дисциплинировать свой ум», читал вслух лекции по любимым предметам – математике, физике, астрономии, переводил с английского и французского, занимался классическими языками[25]. Постоянные умственные занятия, подкрепляемые истовой религиозностью, помогли ему выстоять и в одиночном заключении, и в условиях сахалинской каторги.

27 мая 1887 года Ювачева и еще четырех народовольцев, покушавшихся на жизнь Александра III и осужденных по процессу «Второе 1 марта», – Б. О. Пилсудского, П. С. Горкуна, С. А. Волохова и М. Н. Канчера[26] – отправили из Петербурга в Москву, где неделю содержали в пересыльной тюрьме, а 2 июня поездом через Киев повезли в Одессу. Ювачев был освобожден «от позорного бритья головы» (Ед. хр. 13. Л. 6), то есть избавлен от унизительного выбривания половины головы, что являлось тяжелым психическим испытанием для осужденных на каторжные работы[27]. В Одессе ссыльнокаторжных погрузили в трюм парохода Добровольного флота «Нижний Новгород», и 9 июня началось их 55-дневное «путешествие». «... Нераз-

[23] *Морозов Николай.* Памяти В. А. Караулова (Из личных воспоминаний) // Речь. 1910. 22 декабря. С. 2.

[24] *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 114.

[25] *Миролюбов И. П.* В заточении. С. 193.

[26] Все они были членами «Террористической фракции».

[27] Товарищ Ювачева по этапу Пилсудский писал отцу 10 июля 1887 года: «Кандалы 17-го, сейчас при въезде в Красное море нам сняли; многих, однако, больше радует то, что головы не бреют, видя в этом физическом обезображении – самое страшное для себя наказание» (*Иноуэ Киноити.* «Дорогой отец». Письма Бронислава Пилсудского отцу // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 14. – Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2010. С. 24).

лучно живу со 110 человеками», – писал Ювачев родным (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 6). Основной контингент составляли уголовные, в которых политические боялись возбудить «зависть и неприязнь» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 4 об.). Опасения эти не оправдались, более того – среди уголовных нашлись люди, близкие Ювачеву по духу и настроению. В одном из писем он просит родных выслать денег двоим из них, «отчасти» напоминавшим ему отца и брата: «Оба верующие искренно в Бога <...> с хорошим сердцем, люди тихой семейной жизни по расположению» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 13)[28]. В письма к родным он включает свои стихи, сопровождая их комментариями: «Теперь пишу в Средиземном море. Кругом Святые места возбуждают священные воспоминания; но условия нашей жизни едва позволили выразить состояние души, когда проходили мимо Афона – Святой Горы Божией Матери» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 6 об.). 17 июня в Чермном (Красном) море произошло памятное событие: каторжников «освободили от оков». В подзаголовке одного из стихотворений Ювачев напишет: «...освободили от кандалов и в первый раз вывели омыться и подышать чистым воздухом наверху» (Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 3. Л. 10 об.). Пребывание в Красном море было особенно невыносимым: «Жара (благодаря окружающим пескам Африки и Аравии больше, чем под экватором) и качка измучили нас. Но вдобавок нашим страданиям появились на теле вереда, или чирья, и вообще тело покрылось разнообразною сыпью. Приписывают это морской воде. Я тоже много страдал: вереда были по всему телу. Жара, духота и, как бы от огня, боль от вередов не давали нам покоя ни днем, ни ночью» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 10 об.). 3 августа пароход прибыл к месту назначения – для Ювачева и четырех его товарищей это был 69-й день пути. В «столице» сахалинской каторги Александровске их встречали жившие там политические, которые желали подбодрить собратьев по несчастью и помочь им адаптироваться в новых условиях. Один из встречавших вспоминал впоследствии, что четверо политических были молоды, а пятый – «пожилой мужчина с ме-

[28] В мемуарах Ювачев также упоминает о них: плотник Егор Павлов («Я его любил за кроткий нрав и за множество услуг, оказанных им мне на пароходе») и некий «смирный деревенский парень», которого он учил грамоте на пароходе (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 4, 12).

Сахалинские ссыльные

ланхоличным и одушевленным взглядом»[29]. Этому пятому – Ювачеву – в то время было 27 лет[30].

В одном из первых сахалинских писем Ювачев успокаивал родных: «Не печальтесь: часто мы не подозреваем, что служит нам на пользу. Может быть, Сахалин принесет мне и здоровье физическое и покой души» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 15 об.). Его сахалинское заточение длилось восемь лет – с 1887 по 1895 год – и все это время он педантично фиксировал каждый прожитый день в дневнике: свое умственное, духовное и физическое состояние, особенности своего быта и поведения окружавших его людей. Дневники каторжного периода стали источником для написания мемуарного текста – воспоминаний «Восемь лет на Сахалине», но это не отменяет их самостоятельного значения и ценности. Сахалинские дневники важны не только как общественно значимый документ, воссоздающий будни каторги, но и как памятник интимный, передающий напряженность внутренней жизни автора,

[29] *Плоский Эдмунд.* О Брониславе Пилсудском. Вступительное слово / Подгот. текста, публ. и примеч. В.М. Латышева // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2005. № 9. С. 113–138 [http://www.icrap.org/ru/Ploski-9-1.html] [1.07.2017].

[30] Ювачев также вспоминала, что первое время его «считали пожилым человеком, перешедшим сорокалетний возраст» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 42).

тяжесть его страданий, глубину религиозных чувствований. Дневники дают наиболее полное представление о личности пишущего, так как, в отличие от воспоминаний, где личность говорящего раскрывается в форме *я для других*, в дневниковых текстах в большей степени происходит самораскрытие – *я для себя*. Поэтому дневники Ювачева ни в коей мере не поглощаются его мемуарной публицистикой и могут рассматриваться как самостоятельный текст[31].

Подытоживая свое сахалинское восьмилетие, Ювачев писал: «Я был в лучших условиях, чем другие: лучше обеспечен, пользовался вниманием и покровительством начальства, имел в своем распоряжении казенный дом среди цветущего сада, а главное – у меня были разнообразные занятия...»[32] Это не должно удивлять современного читателя: сахалинское начальство использовало ссыльных, в том числе политических[33], в тех видах деятельности, которые требовали специальной подготовки или образованности. В. Дорошевич заметил, что «всякий мало-мальски интеллигентный человек, прибыв на Сахалин, сейчас же получает место писаря, учителя, заведующего метеорологической станцией, статистика и что-нибудь подобное»[34]. Привилегированное же положение Ювачева обеспечивалось не только его профессиональными знаниями, но и личными качествами – тем безусловным смирением, с которым он переносил выпавшие на его долю испытания. Страдания других людей он принимал близко к сердцу, но укрощал свой ропот молитвой. Как-то раз по дорогу в мастерские увидел орудия наказания – кобылу и розги: «Эти розги напомнили мне, что каждый день утром люди кричат от боли. Я бросился в Церковь молиться, но в притворе лежал надзиратель. Я домой и помолился о рабочих» (Ед.хр. 4а. Дн. 2. Л. 34). Признавая, что «весь мир лежит во зле» (1 Иоан. 5:19), Ювачев больше не верил в возможность радикальных преобразований и уповал лишь на личное совершенствование. Об изменении его взглядов В. Фиг-

[31] В настоящее время сахалинские дневники Ювачева опубликованы: *Ювачев Иван*. Собрание дневников в десяти книгах. Книга первая. Письма(1887–1891). Дневники (1890–1892) / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н.М. Кавина. – М.: Галеев-Галерея, 2016; Книга вторая (1892–1896). – М.: Галеев-Галерея, 2016.

[32] *Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 286.

[33] В 1890 году на Сахалине отбывали наказание около 40 политических ссыльных (*Семанова М.Л.* Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными? // Русская литература. 1972. № 1. С. 148).

[34] *Дорошевич В.М.* Сахалин: В 2 ч. – М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1903. Ч. 1. С. 334.

нер писала: «...из борца, завоевателя свободы насильственным путем он превратился в миролюбца в духе Толстого»[35].

Через пять месяцев после прибытия Ювачева в селение Рыковское (ныне село Кировское), где он отбывал наказание, его назначили наблюдателем на метеорологическую станцию. Работа эта была ему хорошо знакома по службе в Николаеве. К наблюдениям над климатом Сахалина Ювачев относился со всей присущей ему серьезностью и занимался этой деятельностью самоотверженно и с любовью. Заслуги Ювачева были отмечены Императорской Академией Наук, в 1899 году утвердившей его корреспондентом Главной физической обсерватории (Ед. хр. 17. Л. 11).

Самым значительным событием сахалинской жизни Ювачева стала его встреча с Марией Антоновной Кржижевской, акушеркой и фельдшерицей, которая заведовала метеорологической станцией. На Сахалин она приехала осенью 1885 года по доброй воле, решив «пожертвовать собою для несчастных ссыльных людей»[36] и «умереть с каторжными»[37]. Ювачев вспоминал: «...ее деятельность была изумительна. Кроме ежедневных работ в аптеке и в лазарете в качестве фельдшерицы, она, как акушерка, неустанно ходила из одного угла селения в другой по роженицам. <...> Ее ничто не могло остановить, если она знала, что люди нуждаются в ее помощи. <...> Конечно, это даром не могло пройти, и на другой год по приезде на Сахалин она сильно простудилась и заболела чахоткой»[38]. 8/20 июня 1892 года в возрасте 38 лет Кржижевская умерла. Безутешный после ее кончины, он записывает в дневнике: «Мне кажется, я люблю ее и любил ее искренно, даже страстно. Мысленно я не чувствую полового влечения ни к одной женщине, даже к красивой, кроме как к ней только единственной, даже до сего дня. Одним словом, я в нее *влюблен*. Всегда искренно желал ей добра; хотел, чтобы она была лучше и нравственно и физически, ревновал ее. Она всего этого не понимала и сердилась на меня, принимала все поступки мои за оскорбление себя»[39] (28 сентября/10 октября 1892. –

[35] *Фигнер Вера*. Указ. соч. С. 97.
[36] Фельдшер. 1893. № 10. 15 мая. Стб. 308.
[37] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 68.
[38] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 68.
[39] См., например, запись от 18/30 марта 1890 года: «М.<ария> Ант.<оновна> немного не в духе. Рассердилась на мои обличения» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 13).

Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 19 об.). В тоске он ест снег с ее могилы и, целуя могилу, оставляет на снегу свою «маску» (9/21 ноября 1892. – Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 28). Глубоко переживая утрату и постоянно рефлектируя по поводу своих отношений с Марией Антоновной, он неизменно возвращается к мыслям о ней: «...думал о том, что Мария Ант.<оновна> меня не любила и не могла любить физически. Я для нее был только симпатичный молодой человек сначала, а потом привыкла ко мне и оказывала внимание, как ближнему по заповеди Христа» (9/21 ноября 1892. – Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 28); «Писал и читал о Магомете. Нашел сходство в смерти Магомета и Марии Антоновны (чрез 1260 лет)» (5/17 января 1894. – Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 105 об.) и мн. др. По дневниковым записям раскрывается история их отношений. И едва ли не самым романическим моментом оказывается память о Марии Антоновне после ее кончины. Убежденный в том, что «верующий человек, внимательно относясь к своей жизни, видит непрестанно множество чудес», Ювачев отыскивает в своей жизни всевозможные совпадения, и узловым моментом для таких построений становится смерть Марии Антоновны. Все дневники испещрены карандашными пометами, соотносящими то или иное событие с кризисными периодами болезни Марии Антоновны и ее смертью, рядом с прежними записями появляется множество нумерологических заметок такого рода: «Чрез 666 пох.<ороны> М.<арии> Ант.<оновны>» (рядом с записью от 16/28 августа 1890. – Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 40 об.). Спустя годы она продолжает являться ему во сне: «... видел во сне М.<арию> Ант. <оновну>» (26 апреля 1895. – Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 155 об.); «Видел во сне Марию Антоновну и бабушку Веру» (7 июля 1895. – Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 156) и др.

Память о Кржижевской Ювачев свято чтил и после женитьбы. 4 сентября 1903 года, через несколько месяцев после свадьбы, жена пишет ему, что отслужила панихиду по его родителям и Марии Антоновне: «...все они мне дороги, так же как и мои родные, даже гораздо больше, так как ты, мой хороший, для меня все на свете...» (Ед. хр. 2. Ч. 4. Л. 23 об.). Почти двадцать лет спустя после своего сахалинского заточения, в июле 1913 года, Ювачев по делам службы оказался на Сахалине и побывал в Рыковском. В дневнике он подробно описал могилу Марии Антоновны: «Удивительно сохранилась могила Марии Антоновны Кржижевской. Точно дерн положен в прошлом году. Углы могилы острые. Крест здоровый еще, но покачнулся к могиле. На кресте написано на верхней перекладине крупно: „Спаси и сохрани“,

а поверх этого в две строки белилами: „Надеющиеся на Господа, яко гора Сион“. Кто это написал? Может быть, и я сам. На большой перекладине: „Мария Антоновна Кржижевская, 1892 г<од>“. На нижней – „Яви нам, Господи, милость Твою“. Две стороны ограды – восточная и южная – хорошо держатся. Западная с дверями несколько покачнулась, а северная верхнею частью отделилась от восточной, и столбики рассыпались. Но они все сохранились. Можно легко поправить. В NE и SE углах мною посаженный кустарный дуб. По сторонам могилы – 2 елочки. В головах береза и черемуха. В ногах – осины. Сад разросся великолепный». В тот же день он заказал панихиду и, уезжая, оставил денег на поправку могилы[40]. Один из сахалинских дневников Ювачева содержит его переписку с Кржижевской – этот своеобразный эпистолярный роман мы публикуем в книге.

С самого начала жизни на Сахалине Ювачев сознательно нагружал себя работой, помогавшей отвлекаться от горьких мыслей и тяжелых впечатлений. К тому же и начальство, особенно в летние месяцы, постоянно находило для него занятия, требовавшие профессиональных знаний и навыков: «...сделать съемку населенной местности или промер морской бухты, обновить <...> казенный пароходик и сделать объезды кругом Сахалина, составить лоцию Татарского пролива или помочь приезжему ученому сделать магнитные и астрономические наблюдения» и т. д.[41] Но его внутреннему складу и настроению более всего отвечали занятия, связанные с религиозной рефлексией и церковной жизнью. Он постоянно читал духовные сочинения, много размышлял над библейскими текстами, писал собственные «толкования на Библию» и принимал активное участие в церковном обиходе как староста и помощник регента. Один из сахалинских знакомых Ювачева вспоминал: «...выписал себе с десяток различных единых библий и евангелий, разложил их на доске вдоль самой длинной стены комнаты и целыми часами изучал и сравнивал тексты разноязычных библий. Пятницу или субботу тщательно постился, а в воскресенье пел в церковном хоре и лишь после службы принимался за еду»[42].

---

[40] Цит. по: *Ювачев Иван.* [Из дневников 1913 года] / Публ. Н.М. Кавина // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 17. – Южно-Сахалинск, 2013. С. 266–267, 270.

[41] *Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 104.

[42] *Плоский Эдмунд.* Указ. соч.

В 1890 году на Сахалине побывал Чехов, описавший свою поездку в книге «Остров Сахалин», где он упоминает и Ювачева: «В Рыковском есть школа, телеграф, больница и метеорологическая станция <...> которою неофициально заведует привилегированный ссыльный, бывший мичман, человек замечательно трудолюбивый и добрый; он исправляет еще также должность церковного старосты»[43]. Замечание о Ювачеве находим и в письме Чехова к Д. Л. Манучарову от 21 марта 1896 года, где перечисляются занятия, позволенные политическим ссыльным: «...несут обязанности писарей, надзирателей <...> смотрителей метеорологических станций; один при мне был церковным старостой...»[44] Присутствие Ювачева, хотя и безымянное, в текстах Чехова наводит на мысль о личном знакомстве. В текстах Ювачева нет прямых свидетельств такого рода, но его дневник проясняет характер их знакомства.

30 июня/12 июля 1890 года Ювачев вместе с директором Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории Э. В. Штеллингом выехал из Рыковского в Александровск, где провел восемь дней, и 9/21 июля отправился в обратный путь (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 30–30 об.). Чехов приехал в Александровку 11 июля[45], на два дня разминувшись с Ювачевым. Последующие передвижения Чехова по Сахалину детально прослежены исследователями, но дневник Ювачева дает не зафиксированную в других источниках дату его приезда в селение Рыковское – 16 августа. Интересен контекст, в котором появляется эта информация: «Рассматривал по Библии цифру 400. Читал толкования Влад.<имира> Соловьева на Евангелие Иоанна (Правосл.<авное> Обозр.<ение> 1883). После наблюдений у М.<арии> Ант.<оновны> воспоминания о моих сношениях с женщинами. Починка зонтика. С 3 до 6 ч. читал со слезами в Церкви Акафист Иисусу Христу, а перед этим пел панихиду: девочку хронили на кладбище. Когда кончил Акафист и сказал последнее Аминь – свечка (двусоставная из белого и желтого огарков) догорела до конца, что я и желал заранее. Писал Церковную Летопись. Мария Антоновна говорила с начальником о прогонных деньгах. Огорчилась

---

[43] *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. – М.: Наука, 1978. Т. 14–15. С. 160.

[44] *Чехов А. П.* Указ. соч. Письма. Т. 6. С. 133.

[45] *Семанова М. Л.* Вступительная статья к примечаниям // *Чехов А. П.* Указ. соч. Сочинения. Т. 14–15. С. 753.

на меня. Приехал вечером Г-н Чехов» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 40 об.). В перечислении повседневных занятий и впечатлений запись о приезде Чехова имеет сугубо фиксирующий характер. Сам Ювачев Чехова еще не видел и только передает слух о его появлении. Других записей, имеющих отношение к Чехову, в дневнике нет. Но некоторые косвенные аргументы свидетельствуют о том, что Ювачев встречался и беседовал с Чеховым.

В своей книге Чехов касается вопроса о «духовной жизни» каторги, «об удовлетворении потребностей высшего порядка»[46] – речь идет о церковной жизни Сахалина и сахалинских священниках: с некоторыми он встречался лично, о других знал понаслышке. Обобщая свои наблюдения и известные ему факты, Чехов пишет: «...сахалинские священники всегда держались в стороне от наказания и относились к ссыльным не как к преступникам, а как к людям, и в этом отношении проявляли больше такта и понимания своего долга, чем врачи или агрономы, которые часто вмешивались не в свое дело»[47]. После этого фрагмента должна была следовать фраза, которая осталась в черновиках: «Священники, с которыми я был знаком на Сахалине, производили впечатление не чиновников, а обыкновенных батюшек»[48]. Это суждение корреспондирует с ювачевскими высказываниями. В дневниках Ювачева сохранились заметки об истории сахалинских церквей и характеристики священников. Нередко встречаются субъективные отзывы о священнослужителях, в частности об о. Ираклии, буряте, который принял православие и стал «горячим прозелитом». С ним была связана значительная часть сахалинской жизни Ювачева, о нем он напишет и в своих мемуарах. Этот священник пользовался на Сахалине любовью чиновничества «за веселый нрав», а ссыльным нравился «как доступный батюшка». Ювачев признавал, что о. Ираклия ценят как «веселого и приятного собеседника, умеющего хорошо уживаться с людьми» (Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 13 об.). Сам Ювачев порой бывал им недоволен, но, несмотря на это, считал исключением из общей массы сахалинских священников, в которых видел «гражданских чиновников в рясе»[49]. Это замечание возвращает нас к оставшейся в чернови-

[46] *Чехов А. П.* Указ. соч. Сочинения. Т. 14–15. С. 300.
[47] *Чехов А. П.* Указ. соч. Сочинения. Т. 14–15. С. 301.
[48] *Чехов А. П.* Указ. соч. Сочинения. Т. 14–15. С. 645.
[49] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 52.

ках чеховской фразе и дает основание говорить, что личная встреча могла иметь место. О. Ираклий покидал Сахалин вместе с Чеховым и по приезде в Москву некоторое время жил у него в доме[50]. Человек уже почтенного возраста, он некоторыми чертами своего характера мог повлиять на создание образа молодого смешливого дьякона в повести «Дуэль», работа над которой была начата сразу же по возвращении с Сахалина. Очень вероятно, что бывший сахалинский священник послужил для Чехова информантом о своих прихожанах, в том числе и о Ювачеве[51].

Комментатор чеховского «Рассказа неизвестного человека» Е.М. Сахарова находила в его герое, бывшем народовольце, некоторые черты Ювачева, однако ее утверждение, будто бы «Чехов не только встретился с Ювачевым, но и имел возможность довольно хорошо узнать его»[52], сомнительно. Во-первых, Чехову вовсе не обязательно было «хорошо» узнавать Ювачева, вполне достаточно было недолгого общения и той информации, которой он мог располагать, а во-вторых,

---

[50] См.: *Чехов А.П.* Указ. соч. Письма. Т. 4. С. 144–145 (письмо М.П. Чехова к брату Ивану от 10 декабря 1890 года); также: *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. *Е.М. Чехова.* Воспоминания. – М.: Худож. лит., 1981. С. 146–147.

[51] М.Л. Семанова обратила внимание на то, что чеховское упоминание о Кржижевской в черновиках было несколько иным, чем в окончательном тексте (*Семанова М.Л.* Работа над очерковой книгой // В творческой лаборатории Чехова. – М.: Наука, 1974. С. 122). Более патетически определялась причина, побудившая фельдшерицу приехать на «холодный» или «далекий» Сахалин, – идея посвятить свою жизнь «исключительно страждущему человечеству» (*Чехов А.П.* Указ. соч. Сочинения. Т. 14–15. С. 662). Отбросив высокий слог, Чехов написал просто: «людям, которые страдают» (Там же. С. 321). Возвышенностью тона, не свойственной Чехову, первоначальные наброски близки звучанию рассказа о Кржижевской в воспоминаниях Ювачева. Это позволяет думать, что Иван Павлович был одним из тех, от кого Чехов, наверняка встречавшийся и с самой Марией Антоновной, мог знать о ее жизни и судьбе. Было бы заманчиво предположить появление подобного типа героини в произведениях Чехова, и, как кажется, близка ему Наталья Гавриловна, героиня рассказа «Жена», написанного осенью 1891 года, через год после возвращения Чехова с Сахалина и как раз в тот период, когда он работал над книгой о Сахалине и «Рассказом неизвестного человека».

[52] *Сахарова Е.М.* Примечания // Чехов А.П. Указ. соч. Сочинения. Т. 8. С. 467–468. Подобное суждение встречаем и в статье этого автора, где сказано, что взгляды Ювачева не были близки Чехову, «не сложились и личные отношения между ними» (*Сахарова Е.М.* Судьба революционера и ее отражение в творчестве Льва Толстого и Чехова // В творческой лаборатории Чехова. – М.: Наука, 1974. С. 174).

не было условий для формирования личных отношений[53]. Встречи Чехова с политическими ссыльными происходили в весьма специфической обстановке. Разрешение посещать тюрьмы и поселения было дано с условием, что он не будет «иметь никакого общения с политическими»: «С политическими мне приходилось говорить очень мало и то лишь при свидетелях-чиновниках (из которых некоторые играли при мне роль шпионов), и мне известно из их жизни очень немногое»[54].

Цензурными условиями можно объяснить и отсутствие записи о встрече с Чеховым в дневнике Ювачева: письма заключенных просматривались, и, опасаясь шпионства, Ювачев даже в дневнике старался «касаться сахалинских событий настолько, насколько они отражались» в его личной жизни[55]. К тому же он не мог не знать, что Чехову запрещено общение с политическими ссыльными, и дневниковые записи оказались бы нежелательной уликой. Поэтому предполагать сколько-нибудь интенсивного общения не приходится. Однако о том, что Ювачев мог рассказать больше, чем написал в дневнике, свидетельствует вложенный в него отдельный листок со столбиком более поздних карандашных записей, одна из которых – «16 авг.<уста>. Чехов» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 41 а). Заметка эта явно предполагала быть развернутой.

Сахалинская каторга Ювачева благодаря его ходатайствам, хлопотам родных, благоприятным отзывам сахалинского начальства и амнистиям длилась меньше установленных приговором пятнадцати лет. «Именным Высочайшим указом» 1891 года с 17 августа ему на одну треть был сокращен срок каторжных работ. 5 июня 1893 года он был переведен в разряд ссыльнопоселенцев[56]. Указом 11 мая 1894 года Юва-

[53] Прочитав «Остров Сахалин», Ювачев увидел одну неточность, но не адресовался непосредственно к автору, а передал замечание через своего старого друга М. О. Меньшикова, который писал Чехову 15 июля 1895 года: «Мой товарищ Ювачев, политический ссыльный на Сахалине, просит передать Вам, что в отзыве об А. А. фон Фрикене Вы впали в небольшую ошибку, что он, Фрикен, не имеет высшего агрономического образования. Новоалександровский институт, где Фрикен учился, есть будто бы (я наверное не знаю) *высшее* учебн<ое> заведение» (цит. по: Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / Сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А. С. Мелковой. – М.: Русский путь, 2005. С. 69).

[54] *Чехов А. П.* Указ. соч. Письма. Т. 6. С. 133.

[55] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 74.

[56] Более низкая степень наказания, предназначавшаяся для ссыльнокаторжных, отбывших каторгу.

О. П. Вяземский

чев получил статус «сосланного на житье[57] в Сибирь, при этом ему было предоставлено право по прошествии 15 лет со дня вступления приговора в силу свободно избирать места жительства «в пределах Европейской и Азиатской России, кроме столиц и столичных губерний» (Ед. хр. 13. Л. 25). Но все это легко перечисляется на бумаге, действительное же положение Ювачева, особенно после смерти Марии Антоновны, становилось невыносимым, он все более ощущал себя «вычеркнутым из жизни человеком»[58]. Ему так остро не хватало общения с близкими людьми, что в одном из дневников он составляет перечень писем, которые отправил родным и знакомым в 1892–1895 годах, и писем, полученных от них (Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 214 об.).

В мае 1895 года Ювачеву наконец удалось покинуть Сахалин. Он переехал во Владивосток, где 1 июля 1895 года начал службу чертежником в техническом отделе управления по строительству Уссурийской железной дороги (Ед. хр. 13. Л. 56). С 1 апреля 1896 по апрель 1897 года «плавал командиром на казенном колесном пароходе „Инженер“» и проявил себя как умелый и энергичный специалист. В аттестате, подписанном начальником работ инженером О. П. Вяземским, сказано: «Спустив новый пароход, в две недели приготовил его к плаванию, обучил команду на пароходе и восьми баржах и организовал непрерывную перевозку срочных железнодорожных грузов. Командир Ювачев отлично изучил фарватер рек Имана и Уссури и буксировал по три-четыре баржи без лоцмана» (Ед. хр. 13. Л. 58). Некоторым

[57] Сосланные на житье имели возможность приписаться к крестьянскому или мещанскому сословию, но без получения соответствующих прав. Ювачев был приписан к мещанской управе Владивостока (Ед. хр. 13. Л. 19).
[58] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 76.

Владивосток

эпизодам, связанным со спецификой местной жизни, а именно борьбе с нападениями хунхузов[59], посвящен один из очерков Ювачева[60]. Живя во Владивостоке, он сотрудничал в газете «Владивосток», но к этому периоду его литературной деятельности исследователи пока не обращались и публикации этого времени не собраны.

20 февраля 1897 года Ювачеву был сокращен оставшийся срок ссылки, и он получил право жительства в европейских губерниях России, кроме столичных (Ед. хр. 13. Л. 25). В апреле он покинул Владивосток, теперь уже почти свободным человеком, и завершил свое начавшееся 10 лет назад кругосветное путешествие. В дневнике отмечены вехи пути: «Великий Океан, Иокагама, Токио, Гонолулу, Сандвичевы острова, Америка, Сан-Франциско, Чикаго, Буфало, Нью-Йорк, Атлантический океан, Англия, Ливерпуль, Лондон, Qeenboro, Флисенген, Берлин, Вержболово, Вильно, Гатчина, Тосна, Любань»[61] (Ед. хр. 4. Дн. 2. Л. 1а). Впоследствии, в очерке «Через два океана», Ювачев писал: «Свое кругосветное путешествие я со-

[59] Хунхузы (*кит.* красная борода) – члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае и прилегающих территориях во второй половине XIX – начале XX века.

[60] *Ювачев И.* Борьба с хунхузами на манчжурской границе // Исторический вестник. 1900. Т. 82. № 10. С. 177–206; № 11. С. 538–564.

[61] Все названия даны в авторском написании.

вершил в два приема: сначала поехал из С.-Петербурга кругом Азии во Владивосток; а чрез десять лет из Владивостока через Америку вернулся в С.-Петербург. Первую половину путешествия, т. е. через Одессу и далее морем вокруг Индии и Китая, пришлось делать при таких необычных условиях, что я нашел нужным его описание выделить в отдельный очерк. Здесь же предлагаю вниманию читателей рассказ о второй половине моего путешествия – из Владивостока по Великому океану, мимо Кореи, Японии, Сандвичевых островов, в Америку и далее назад через Атлантический океан в Европу»[62].

15/27 июня 1897 года Ювачев прибыл в Нижегородскую губернию на станцию Любань[63], где находилась дача родителей. На станции его никто не ждал, но уже по дороге к дому он начал встречать родных: «Слезы, поцелуи, объятия. <...> Опять поцелуи, слезы. Папа говорит: „а я уже думал, что не увижу тебя“» (Ед. хр. 4. Дн. 2. Л. 27об.). В набросках автобиографии Ювачев писал: «За 12 лет отчуждения от родной семьи <...> измучился ожиданием возврата на родину». Но отношения в семье складывалось непросто. Не все родные могли понять и принять то стремление к «святости», которое Ювачев сделал нормой своей жизни. Ожидали его и длительные хлопоты о полном помиловании и возвращении прав, в том числе и права проживания в Петербурге. Лишь 22 января 1899 года было даровано ему полное помилование и возвращены «утраченные по суду права, с тем, чтобы он считался уволенным со службы прапорщиком и с разрешением <...> повсеместного в Империи жительства» (Ед. хр. 13. Л. 25 об.).

В июле 1899 года Ювачев поступил десятником в службу пути и зданий Николаевской железной дороги (Ед. хр. 13. Л. 70, 78, 79). В 1900–1901 годах по приглашению инженера Вяземского, ранее возглавлявшего строительство Уссурийской железной дороги, он работал на строительстве Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Ювачев принимал участие в экспедиции «для исследования судоходности реки Сыр-Дарьи и выбора пристаней на Аральском море». Как обычно, он в высшей степени умело справился со своим делом и, по словам Вяземского, «хорошо и притом чрезвычайно быстро» завершил все работы «относительно съемки и промера, как на реке, так и на море»

[62] *Ювачев Ив.* Через два океана // Отдых христианина. 1914. № 1. С. 60.

[63] По другим материалам датой приезда на станцию Любань значится 17 июня 1897 года (Ед. хр. 13. Л. 19).

(Ед. хр. 13. Л. 71). Еще недавно бесправный каторжник, он теперь едет по служебной надобности как персона привилегированная, и старостам почтовых станций предписано отпускать ему «по три почтовые лошади без задержания и преимущественно пред проезжающими по частной надобности» (Ед. хр. 13. Л. 74). Но техническая работа не позволяла в полной мере отдаваться сотрудничеству в духовных журналах – той литературной деятельности, которую Ювачев полагал соответствующей его «способностям и настроению» (Ед. хр. 13. Л. 40). В 1903 году по протекции

Обложка книги «Паломничество в Палестину к Гробу Господню»

статс-дамы Е. А. Нарышкиной[64] он поступил на службу в Управление государственными сберегательными кассами, подписавшись хранить в тайне информацию о вкладах и не состоять в тайных обществах и масонских ложах (Ед. хр. 13. Л. 85). В этом ведомстве Ювачев прошел путь от помощника делопроизводителя до ревизора I разряда. Начав службу губернским секретарем в чине XII класса, он закончил ее в 1917 году коллежским советником, т. е. в чине VI класса (Ед. хр. 13. Л. 87).

В 1901 году Ювачев совершил паломничество в Палестину, описав его в серии очерков, первоначально напечатанных в журналах и составивших книгу «Паломничество в Палестину к Гробу Господню»[65]. В предисловии к отдельному изданию он писал: «...я старался выразить в своих очерках преимущественно личные впечатления от виден-

[64] См. в письме Н. И. Колюбакиной от 22 февраля 1903 года: «Ждите скорого вызова Вас на службу, более ничего не скажу, не приказано» (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 10).

[65] *Ювачев И. П.* Паломничество в Палестину к Гробу Господню. Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. – СПб.: Александро-Невск. об-во трезвости, 1904.

ного своими глазами и слышанного своими ушами за два месяца путешествия на Восток»[66]. Эти очерки характерны для публицистики Ювачева, который строил свое повествование как информативно насыщенный живой рассказ от первого лица. Следуя традиции жанра паломнического путешествия, он включает описания пути, пейзажные зарисовки, географическую и историческую информацию. Его тексты отличаются скрупулезным знанием библейской истории, но кроме того содержат множество сцен и диалогов, характеристику разных типов паломников, массу бытовых деталей. Рассказчик смотрит пытливым взглядом сведущего человека, порой давая критическую оценку увиденному. Особое внимание он уделяет жизни и деятельности русских на Ближнем Востоке и внедрению православного элемента в жизнь арабов. Автор недвусмысленно противопоставляет православие протестантизму, идеализируя политику России на Ближнем Востоке: «Дай Бог, конечно, всякого успеха русским труженикам в Сирии! Они не преследуют здесь никаких политических, экономических и других скрытых целей; их задача одна: внести христианский свет истины в среду православных арабов»[67]. Это было справедливо в отношении «русских тружеников», но несколько наивно в политическом смысле, поскольку Россия, подобно другим государствам, преследовала на Ближнем Востоке собственные цели. Однако Ювачев закрывает на это глаза и с гордостью пишет о том, что арабы предпочитают обучать детей в русских школах: «Например, в Рахбэ и Джиброиле дети покинули протестантские школы с открытием русских. В других же селах жители упорно отказываются от назойливых предложений латинян и терпеливо ждут православных школ»[68].

Преданность православной вере и следование канонам ортодоксальной церкви уживались у Ювачева с еретическим желанием самостоятельно познать Слово Божие. Истово соблюдая церковные ритуалы и воспринимая учение Христа как прямое руководство к действию, он был склонен к религиозной рефлексии и интересовался течениями, альтернативными православию. В 1890 году, находясь на Сахалине, Ювачев записал в дневнике: «Читая о Валаамском мо-

[66] *Ювачев И. П.* Паломничество в Палестину. С. V.
[67] *Ювачев И. П.* Паломничество в Палестину. С. 47.
[68] *Ювачев И. П.* Паломничество в Палестину. С. 37.

настыре[69], я прихожу к следующим мыслям: Валаам с очевидностью показывает, что если бы люди жили по закону в мире и любви, не ища своего, но что служит на общую пользу; если бы исполняли празднование „субботы“, т. е. 7 день посвящали бы Богу; тогда бы Господь благословил их дела. Земля бы давала обильные урожаи, простые люди были гениальными мастерами. Но хорошо ли это для христианина? Это похоже как бы на искание царства на земле (да так и озаглавил Немирович-Данченко: «Крестьянское царство»), тогда как Христос говорит: Царство мое не от мира сего. <...> Прославленные святые нашего русского народа жили в нищете...» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 37 об.–38)[70]. Впоследствии в своей публицистике он уделял немало внимания старообрядчеству и различным сектантским течениям, призывая все христианские конфессии к единству. В одном из очерков серии «Да будут все едино!» он писал: «В настоящее время Церковь находится в борьбе: Она и падает и подымается. Но в конце концов ей предрешена победа»[71].

В Петербурге Ювачев посещал собрания Религиозно-философского Общества, где его идеи не были восприняты всерьез. В 1902 году он передал одно из своих сочинений В. В. Розанову и получил весьма нелицеприятный ответ: «Напрасно, многоуважаемый Иван Павлович Вы у меня отнимали время на прочтение Вашего „добра и зла“. Все Ваше рассуждение не выходит из рамок и не поднимается над уровнем „священной истории Ветх.<ого> и Нов.<ого> Завета“ Рудакова или Соколова[72] [?] И *грусть* значит, начавшаяся *после* грехопадения,

---

[69] Эти размышления были связаны с чтением очерков В. И. Немировича-Данченко: *Немирович-Данченко В. И.* Крестьянское царство. Очерки и впечатления летней поездки на Валаам // Русская мысль. 1881. № 1–2, 4–5.

[70] Свои не вполне традиционные взгляды Ювачев пытался излагать в статьях. 12 февраля 1911 года жена сообщала ему о ситуации со статьей, отосланной в журнал «Отдых христианина»: редактор П. А. Миртов уже сдал статью в набор, но после того как прочитал в письме Ювачева, что он «не считает вселенскую церковь непогрешимой, смутился и хочет просмотреть статью, так как считает это недопустимым» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 16).

[71] *Ювачев Ив. Павл.* Да будут все едино! – СПб.: Тип. Александро-Невск. об-ва трезвости, 1911. С. 10.

[72] *Рудаков А. П.* Краткие рассказы о важнейших событиях Священной истории Ветхого и Нового Завета. – СПб., 1900. – 8-е изд.; *Соколов Александр, прот.* Священная история в простых рассказах для чтения в школах и дома. Ветхий и Новый завет. – СПб.: Тип. Дома Призрения Малолетних Бедных, 1896.

тоже печать греха! Да здравствуют лентяи на ряду с девственниками. И как написав целую книгу и будучи взрослым, заниматься такими наивностями. Значит, все наши рел.<игиозно> фил.<ософские> собрания прошли мимо Вас даром. Ваш В. Розанов»[73].

Одним из наиболее близких Ювачеву писателей был Толстой. В автоанкете 1893 года своей любимой литературной героиней он называет Наташу Ростову. В мемуарах пишет о том, как «жадно упивался» «Крейцеровой сонатой»[74]. В творчестве Толстого Ювачев находил созвучие собственным мыслям. Будучи сторонником «православной догматики», он не одобрял поддержку церковью «существующих форм государственной жизни» и писал автору по поводу романа «Воскресение»: «Ни одна современная книга не сказала так полно и в такой силе все, что сам бы громко провозгласил...»[75]

О том, что Толстой был чрезвычайно авторитетен для Ювачева, свидетельствуют и письма жены. 4 июня 1904 г. Н. И. Ювачева замечает по поводу записок И. Н. Захарьина-Якунина об Александре Андреевне Толстой: «Много интересного сообщает и о Л. Толстом, взятое им из их переписки» (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 52 об.). 1 ноября 1910 года, не скрывая своего отношения, она пишет: «Граф-то Толстой отличился, ушел из дому совсем. Вероятно, ты уже знаешь это из газет, и потому подробностей писать не буду» (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 80). В тверских материалах, к сожалению, нет дневников и писем Ювачева за 1910 г., поэтому его реакция на уход и смерть Толстого неизвестна. Из писем жены выясняется, что как раз в начале ноября Ювачев в Люблине заболел тифом и попал в больницу, поэтому, разумеется, он не мог быть на похоронах Толстого. Но поскольку архив Ювачева рассредоточен, его отклики на смерть Толстого могут обнаружиться в хранилищах Петербурга, Москвы или в частных собраниях.

Безграничное уважение Ювачева к Толстому проявилось и в такой своеобразной форме, как дарение его портретов свояченице. Старшая сестра его жены Наталья Ивановна Колюбакина была горячей почита-

---

[73] ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 6. Конв. № 3. Л. 1. Печатается с сохранением грамматических особенностей оригинала. Квадратными скобками отмечен зачеркнутый Розановым вопросительный знак. Некоторые не вполне понятно написанные слова разобраны и надписаны Ювачевым. После письма помета: «Получено 9 дек.<абря> 1902. СПб».

[74] *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 142.

[75] Цит. по: *Сахарова Е. М.* Судьба революционера... С. 174.

тельницей Толстого. В письме жены от 4 февраля 1912 г. читаем: «Ната благодарит тебя за открытку с Толстым...» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 173). В письме от 25 августа того же года: «У Наши такая масса портретов Толстого, что, по-моему, не следует их прибавлять, лучше книгу ей купи...» (Ед.хр. 2. Ч. 3. Л. 291). На сохранившихся фотографиях кабинета Н.И. Колюбакиной можно увидеть множество портретов Толстого, и надо полагать, что не один них был подарен Ювачевым. Вспоминая о Наталье Ивановне, ее ученица подчеркивала, что «стены в ее квартире в Детском Селе были украшены многочисленными фотографиями Льва Толстого», и объясняла это знакомством Ювачева с Толстым[76].

Кабинет Нат. И. Колюбакиной

Встреча с Толстым произошла в 1905 году. 27 ноября Ювачев побывал в Ясной Поляне и чрезвычайно расположил к себе ее обитателей. «...Один из самых милых людей, которых я видел в Ясной Поляне», – признавался семейный врач Д.П. Маковицкий[77]. Он оставил довольно подробное описание визита Ювачева, приехавшего «поговорить о вере». Записи Маковицкого сохранили рассказы Ювачева о перипетиях его жизни, о Сахалине, о протестном движении уральских казаков, о ситуации в Петербурге, суждения о религии и искусстве. Уже на следующий день у Маковицкого состоялся разговор с Толстым по поводу сходства Ювачева с героем рассказа «Божеское и человеческое»,

[76] «Дело в том, что отец Хармса, Иван Павлович Ювачев, был лично знаком с великим писателем, приезжал в Ясную Поляну в год рождения сына, писал ему письма» [http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/kolyubjakina-natalja-ivanovna-1868-1945.html#.VhNq7G4sB9k] [14.11.2014].

[77] Литературное наследство. Т. 90. У Толстого (1904–1910). «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 1 (1904–1905). – М.: Наука, 1979. С. 475.

и Толстой прокомментировал религиозные взгляды своего недавнего гостя: «Ювачев православный, у него теория с запинкой, как была у Хомякова. Мне его теория православия очень нравится. Согласно его учению, после Христа были две церкви – иудейская и христианская. Иудейская разрушилась, когда богу было угодно, когда был разрушен храм 70 в году (sic!)[78]. Теперь же есть православная церковь и церковь свободных христиан; существуют одна возле другой. Православная разрушится, когда богу будет угодно; нападать на нее не надо»[79].

Толстому импонировала не только ювачевская «теория православия», но была симпатична сама его личность. Маковицкий свидетельствует: «Зашла речь о Ювачеве <…>. Л.Н. о нем с приятными воспоминаниями говорил» (запись 4 апреля 1906 г.)[80]. Более всего Толстого привлекало отсутствие в Ювачеве озлобленности, то, что «о притеснителях, палачах, тюремщиках» он писал «с любовью»[81]. Личные усилия Ювачева были направлены на самосовершенствование, он не искал виновных вовне, придерживаясь близкого Толстому принципа «все в табе»[82] и Толстой видел и ценил это стремление «искать в себе, а не вне себя…»[83]

В 1907 году Толстой заметил: «Ювачев, хотя я разрушаю его веру, относится ко мне очень хорошо»[84]. Но ювачевскую веру он не разрушил. Ювачев не стал его последователем, о толстовцах же был не очень высокого мнения, признавая их ограниченность. Примечателен его отзыв о толстовце Юрии Осиповиче Якубовском: «Обед у Юрия Осип.<овича> Якубовского (вегетарианский). У него, говорят, сожительница, она уж и кухарка и все. Сектант! Узкий человек. Толстой – святыня!» (Ед.хр. 46. Дн. 2. Л. 69 об., запись 17 сентяб-

---

[78] Второй Иерусалимский Храм (Храм Зороваведя, 516 до н. э. – 70 н. э.). В отличие от Первого Храма (Храм Соломона), который просуществовал 364 года (950–586 до н. э.), Второй храм простоял 586 лет. Период, когда храм оставался разрушенным, составляет 70 лет.

[79] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. С. 476.

[80] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 98.

[81] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 475.

[82] Эта формула принадлежит самобытному религиозному мыслителю – новоторжскому крестьянину Василию Кирилловичу Сютаеву, чьи идеи были близки Толстому и которого он чрезвычайно уважал.

[83] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 489.

[84] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 475.

ря 1916 г.). Испытывая огромное уважение к Толстому и разделяя его социально-этический пафос, Ювачев оставался верен себе и шел своим путем.

Свои литературные труды Ювачев посылал Толстому, впервые – в феврале 1900 года, когда отправил журнальные оттиски воспоминаний «Восемь лет на Сахалине». После личного знакомства интерес к Ювачеву самого Толстого и его близких естественно возрос. 27 февраля 1906 года Маковицкий отметил, что Ювачев прислал оттиски публикаций «о своем заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях»[85]. Их читали вслух, и «все внимательно слушали», а Толстой сказал: «Как хорошо, просто написано, сердечно!»[86] 28 февраля Софья Андреевна записывает в дневнике: «Вечером читали вслух: Шлиссельбургская крепость и Монастырские тюрьмы Ювачева. Хорошо»[87]. Статьи Ювачева, видимо, настолько заинтересовали Толстого, что после общего чтения он перечитывал их «для себя»[88]. В Ясной Поляне читали вслух и более поздние произведения Ювачева. В дневнике находим запись С. А. Толстой от 6 апреля 1909 г.: «Прочли вслух Ювачева Небесный суд»[89].

Обложка книги «Шлиссельбургская крепость»

[85] Книга «Шлиссельбургская крепость» была опубликована в 1907 году издательством «Посредник»: *Ювачев И. П. (Миролюбов).* Шлиссельбургская крепость. М.: Посредник, 1907. Рец.: *Новорусский* М. И. П. Ювачев (И. П. Миролюбов). Шлиссельбургская крепость. Книгоиздательство «Посредник». Москва. 1907 года // Товарищ. 1907. 13 апреля. № 241 (вырезка сохранилась в архиве Ювачева: Ед. хр. 15. Л. 94–95).

[86] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 64.

[87] *Толстая* С. А. Дневники: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. С. 246.

[88] Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 65.

[89] *Толстая* С. А. Дневники. Т. 2. С. 283.

С молодых лет Ювачев ощущал в себе проповедническое призвание. Занимаясь революционной пропагандой, он увлекал своих собеседников освободительными идеями. Впоследствии, раскаиваясь, считал, что товарищи пострадали по его вине, и посильно стремился нести свет религиозного учения. В его сахалинских дневниках нередко встречаются записи вроде «сегодня много проповедовал». Желание, чтобы эту проповедь услышали многие люди, привело к созданию стихотворного сборника, который публикуется в этой книге.

В литературной деятельности страсть Ювачева к религиозному проповедничеству получила самый полный выход. Печататься он начал, еще будучи на Сахалине, позже сотрудничал в газете «Владивосток», но наиболее активно занялся писательским трудом по возвращении в европейскую Россию. Он печатался в журналах «Русский паломник», «Душеполезное чтение», «Отдых христианина», «Исторический вестник» и др., многие его работы выходили отдельными изданиями[90]. Свои публикации Ювачев подписывал собственным именем или псевдонимом *Миролюбов*, составленным из девиза «Мир и Любовь». Этот девиз, написанный по-древнееврейски на обложке одного из дневников, он использовал как начальную формулу в письмах к Кржижевской и к родным. Этими словами он заканчивает и свою стихотворную «надпись на Библию»: «И не бойся, когда ты читаешь Правду вечную Божиих слов: Помолись, потерпи и узнаешь – В ней скрываются *мир* и *любовь*» (Ед. хр. 4а. Дн. 1. Л. 43).

Сам переживший тюремное заключение и каторгу, Ювачев по возвращении в Петербург стремился помогать узникам и поддерживал отношения с людьми, занимавшимися тюремной благотворительностью. Видимо, одна из них, княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова, познакомила его с будущей женой – Надеждой Ивановной Колюбакиной (26.09.1869 – 18.02.1929), начальницей Убежища для женщин, освободившихся из тюремного заключения[91]. Биографические сведения о ней восстанавливаются лишь в общих чертах.

Надежда Ивановна родилась в Хвалынском уезде Саратовской губернии, где у ее родителей было имение Дворянская Терешка.

[90] См. материалы к библиографии Ювачева.

[91] См.: Весь Петербург на 1904 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.]: Изд. А. С. Суворина, [1904]. Стб. 968.

Дворянская Терешка

В Петербурге она оказалась в 1891 или 1892 году. Это следует из свидетельства Ювачева, относящегося к 1909 году, что его жена постоянно проживает в Петербурге 17 лет (правда, рядом он ставит знак вопроса)[92]. В семействе Колюбакиных было пятеро детей: Леонид, Наталья, Надежда, Мария и Николай (четверо других умерли в раннем возрасте). Леонид служил в Хвалынске в чине коллежского секретаря, потом титулярного советника; в 1895 году был секретарем уездной земской управы Хвалынского уезда, а в 1902-м – членом городского присутствия по квартирному налогу[93]. Николай также остался в Са-

[92] Написано после рождения дочери Елизаветы в 1909 году, в сведениях для статического отделения, где также указано, что это была пятая беременность (Ед. хр. 14. Л. 57). После Елизаветы, 13 мая 1912 года, появилась на свет умершая в раннем возрасте Наташа.

[93] Адрес-календарь Саратовской губернии на 1890 год. – Саратов: Тип. губ. правл., 1890. С. 312, 313; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 год / Сост. Ф.С. Шиманский. – Саратов: Паровая скоропечатня губ. правл., 1895. С. 347; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 год / Под ред. Ф. Шиманского. – Саратов: Паровая скоропечатня губ. правл., 1898. С. 402, 403; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 год. – Саратов: Паровая скоропечатня губ. правл., 1901. С. 248, 249, 250; Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. – Саратов: Паровая скоропечатня губ. правл., 1910. С. 224; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 год. – Саратов: Паровая скоропечатня губ. правл., 1914. С. 225, 230. Благодарю за справку Елену Генриховну Елину и ее учениц.

Нат. И. Колюбакина

ратовской губернии. Сёстры Колюбакины со временем обосновались в Петербурге. Более других известно имя Натальи Ивановны (1868–1945), которая служила в Николаевском женском училище[94], а позже была директором Царскосельской Мариинской женской гимназии (после 1917 года – 2-й Детскосельской Единой трудовой школы)[95]. Мария Ивановна (1882–1943?) жила в Саратове, в 1895 году служила помощницей смотрительницы 1-го Мариинского приюта[96], но, видимо, после переезда старшей сестры в Царское Село поселилась вместе с ней. Она часто бывала у Ювачевых и помогала Надежде Ивановне в воспитании детей. 25 июля 1917 года Ювачева писала мужу об отъезде сестры в Саратовскую губернию: «Я со слезами проводила Машу, она незаменима во всех отношениях, не говорю уже о детях, которые ее обожают» (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 53).

Из эпистолярия Ювачевых выясняется, что по роду службы Надежда Ивановна близко соприкасалась с председательницей Санкт-Петербургского дамского тюремного благотворительного комитета статс-дамой Елизаветой Алексеевной Нарышкиной, постоянно общалась с ней и пользовалась ее личным расположением. В дневнике 1917 года Нарышкина с большой симпатией отзывается о своей сотруднице: «Утром была Надежда Ивановна, милая и умная, как всегда» (6/19 февраля); «Ночью повторные сердечные припадки. <...>

94 См.: Весь Петербург на 1895 год. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. – [СПб.]: Изд. А. С. Суворина, [1895]. С. 111.

95 См. о ней: [http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/kolyubjakina-natalja-ivanovna-1868-1945.html#.VPSKfSznlh8; http://www.russkije.lv/ru/pub/read/pokrovskoe-cemetry/lica-28.html] [2.03.2015].

96 Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 год. С. 253.

Пришла моя добрая Надежда Ивановна и провела со мной весь день и всю ночь...» (24 февраля /9 марта); «Милейшая Надежда Ивановна добралась до меня, не считаясь с опасностью...» (6/19 марта); «Великая суббота, причащалась с ними (царской семьей. – *Е. С.*), быть может, в последний раз. <...> По возвращении нашла в своей комнате великолепную сирень. Ее мне привезли из убежища вместе с милым письмом от Надежды Ивановны. Очень тронута» (1/14 апреля) и т. д.[97]

Знакомство Ювачева и Колюбакиной произошло в апреле 1902 года, а спустя год, 16 апреля 1903 года, они поженились. Совместная жизнь оказалась далека от идиллической. Судьба свела двух незаурядных людей, у каждого из которых была своя личная драма, и при всем их искреннем расположении друг к другу и обоюдном желании мира и согласия отношения порой принимали конфликтные формы. Человек добрый и мягкий, Иван Павлович, как можно судить по переписке, был эмоционально сдержан в отношениях с женой и пытался играть наставническую роль. Надежда Ивановна, женщина самостоятельная и сильная, горячо любила мужа, трогательно заботилась о нем, но стремилась сохранить свою независимость. Так, по письмам можно проследить, как разворачивалась полемика о курении Надежды Ивановны. Иван Павлович, строго следуя своим принципам, категорически отвергал «курение бесам». Незадолго до свадьбы он отправил невесте крайне резкое письмо, где в очередной раз повторил свои условия. В ответ Надежда Ивановна, не давая буквальных обещаний, писала, что всем сердцем любит своего избранника и может легко отказаться от пагубной привычки. Однако если она и бросала курить, то продолжалось это недолго. В 1911 году, обсуждая состояние своего здоровья, она замечает, что курила всю жизнь и бросать ей уже поздно.

Литературные занятия и привычки Ювачева требовали уединения, и он, живя вместе с семьей, нанимал еще и отдельную комнату. Не в последнюю очередь это было связано с нередкими размолвками. Мы публикуем – в некоторых случаях полностью, в других фрагментарно – письма наших героев до и после женитьбы, которые дают представление о радостях и сложностях их совместного существования.

---

[97] *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей / Вступ. статья, подгот. текста, перевод и коммент. Е. В. Дружининой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 404, 408, 410, 422 и др. Жаль только, что комментатор, не установив фамилию неоднократно поминаемой Надежды Ивановны, именует ее Ковалевой (С. 404, 623).

Начало семейной жизни было омрачено горестным событием – смертью новорожденного первенца, которого назвали Павлом. В смерти сына Надежда Ивановна винила себя: «...мне трудно быть покойной, зная, что я сама сгубила нашего крошку, не могу примириться с этой мыслею» (Ед. хр. 2. Ч. 2. Л. 1). Пытаясь успокоить жену, Иван Павлович в свойственном ему духе христианского смирения и веры в высшую справедливость писал ей в больницу 13 февраля 1904 года: «Ведь мы добровольно не отдали бы своего первенца Богу. У Тебя и в мыслях этого не было. А между тем так полагается: первого посвящать Богу. <...> Верю, что Господь и нас утешит и даст нам хорошего сына» (Ед. хр. 1. Ч. 2. Л. 3 об.–4).

Вторым ребенком стал мальчик, которому дали имя Даниил. Выбор имени был не случайным, о чем отец сделал запись в дневнике: «Пришел батюшка и стали решать вопрос, как назвать сына. Сообща решили назвать Даниилом. Во 1) сегодня память Даниила, 2) 12 дней тому назад в 6-м часу видел во сне его, 3) по имени его „Суд божий“[98] можно назвать и свои личные страдания 14 дней и „революцию России“, 4) самый дорогой пророк для меня, из которого я строю свою философию»[99]. Решали сообща, но, как видим, выбор оказался отцовским. Неизвестно, знал ли Даниил Иванович о том, что он был вторым ребенком в семье, но его рассказ «Теперь я расскажу, как я родился...» – история о том, как он дважды появлялся на свет – имеет, таким образом, реальную подоплеку: собственное воплощение в ранее умершем брате-младенце.

Служба Ювачева в Управлении сберегательных касс требовала постоянных разъездов. Надежда Ивановна регулярно писала ему, сообщая все подробности жизни семьи, – благодаря этому мы имеем уникальную документированность детских лет жизни Даниила Хармса. Сохранились и ответные письма Ивана Павловича, в которых выражены

---

98 Из др.-евр. דָּנִיֵּאל (Даниэль), что означает «Бог – мой судья».

99 Цит. по: Хроника жизни и творчества Даниила Хармса. С. 413. См. также в одном из писем Ювачева: «Сегодня, 17 декабря, в 6 утра, у меня родился сын Даниил. Назвал его так ради многих причин: 1) 5 декабря утром около 6 ч., накануне исповеди и причастия, в Гефсиманском скиту, мне явился во сне пророк Даниил. 2) Это мой любимый пророк, и на всех его писаниях я строю свою философию истории. 3) Сегодня, 17 декабря, память пророка Даниила. 4) «Даниель» значит *суд Божий или судья Божий*. Это имя так отвечает современным событиям. 5) Очень настаивал на этом имени наш священник, который делал молитву» (цит. по: *Сажин В.* Божья тварь // Хармс Даниил. Я родился в камыше... / Сост., вступ. статья, примеч. В. Сажина. – СПб.: Азбука, 2011. С. 6).

Желтиков монастырь. Тверь

его взгляды на воспитание, сохранились и его послания к сыну. Часть писем Ювачевых мы публикуем в полном объеме, некоторые даем фрагментарно, в той мере, в какой они имеют отношение к вопросу о роли отца в жизни сына и дают представление об особенностях отношения обоих родителей к детям.

Маршруты служебных командировок Ювачева были чрезвычайно разнообразны, он исколесил вдоль и поперек всю Российскую империи, и трудно найти место, где он не побывал. Курская, Воронежская, Вятская, Нижегородская, Витебская, Могилевская, Оренбургская, Екатеринбургская, Саратовская, Самарская, Красноярская, Минская губернии, Царство Польское, Кавказ и Закавказье, Средняя Азия и т. д. – такова география его писем, адресованных жене. Не раз приезжал он и в Тверскую губернию. В поездках Ювачев встречался с представителями разных религиозных течений[100], интересовался архи-

[100] Например, в городе Бежецке он общался со старообрядцем австрийского толка Ф. В. Анкудиновым. Фрагмент его дневниковой записи опубликован, правда, публикаторы не отметили, что речь идет о посещении старообрядческой церкви. Ювачев писал об условиях, в которых происходят собрания: «Моления устроены внизу в подвале. Пробираться туда надо потайною дверью, по узкой лестнице вниз». Особое внимание он уделил иконам и книгам (см.: Из дневниковых записей И. П. Ювачева о его пребывании в г. Бежецке Тверской губернии // Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 4. Культура и быт Тверской губернии (1895–1916). – Тверь: Твер. обл. книжно-журн. изд-во, 1997. С. 180–181).

тектурой и убранством церквей, особенное внимание уделял иконам с изображением Богоматери. Так, посещая Тверь 7–8 июня 1916 года, он делает записи о заинтересовавших его религиозных экспонатах Тверского музея, о росписях и иконах некоторых церквей – Владимирской, Симеона Столпника и Неопалимой купины. Побывал он также в Отроч и Успенском Желтикове монастырях. На кладбище Желтикова монастыря его внимание привлекла эпитафия 14-летнему купеческому сыну Жданову:

«Бессмертный цветок недоцветший
В юдоли земной,
В раю расцветет, напоясь
Господней росой
(Исаия, 61 гл., ст. 4)» (Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 2. Л. 61).

Ювачева удивила отсылка к Книге пророка Исаии (карандашом он ставит вопросительный знак), где таких стихов нет. Эти посещения церквей, монастырей и молельных домов, встречи с православными ортодоксами и представителями других христианских течений становились материалом для его очерков.

После 1917 года Ювачев работал старшим ревизором Центрального бюджетно-расчетного управления Наркомата Финансов, в 1922–1924 годах заведовал счетным отделением рабочего комитета на строительстве Волховской ГЭС, во второй половине 1920-х годов он ушел на пенсию[101]. Но материалы тверского архива не содержат сведений об обстоятельствах жизни Ювачева после 1917 года, и этот период не затрагивается в книге.

Возникает естественный вопрос, каким образом часть документов личного архива при жизни владельца оказалась в распоряжении государственных органов. Вероятнее всего, это было связано с арестом Даниила Хармса в декабре 1931 года. По словам сестры поэта Е.И. Грицыной, «пришли ночью, сделали обыск, многое унесли с собой»[102], в числе «многого» могли оказаться и материалы Ивана Павловича. В таком случае они попали в НКВД и, судя по дате описи фонда – 7 марта 1934 года, примерно в это время были переданы на хранение в секретную часть

[101] См.: *Александров А.А.* Материалы о Данииле Хармсе и стихи его в фонде В.Н. Петрова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. – СПб.: Академический проект, 1993. С. 210.

[102] Елизавета Ивановна Грицына вспоминает (литературная запись М. Вишневецкой и А. Герасимовой) // Театр. 1991. № 11. С. 42.

Московского областного архивного управления, но некоторые из них (например, переписка, имеющая отношение к Брониславу Пилсудскому, и письма Пилсудского к Ювачеву) были оставлены в НКВД, о чем имеется соответствующая помета во втором экземпляре описи (Ф. 911. Инвентарная опись. Л. 2). В 1939 году сменился заведующий секретным архивом, и новая начальница не нашла оснований для хранения дореволюционных материалов в секретной части. Согласно распоряжению, документы Ювачева должны были поступить в Исторический архив, но в итоге местом хранения оказался один из ближайших к столице областных городов. В «Кратком обзоре личного фонда Ивана Павловича Ювачева», составленном 9 февраля 1939 года, вполне в духе времени говорится: «Материал представляет интерес как неустойчива была интеллигенция того времени и хорошие начинания в юности опошлялись и опутывались попами и их агентами» (ГАТО. Дело фонда 911).

Но, как мы уже знаем, на эволюцию взглядов Ювачева повлияли не «попы и их агенты». Экстремальные условия привели к «перерождению убеждений», свойственный ему в юности идеализм приобрел новые формы, и его жизненным кредо стала не борьба за социальную справедливость, но самосовершенствование и религиозная проповедь. Автохарактеристика «каторжник бывший и нынешний», относящаяся к 1935 году, свидетельствует не о разочаровании Ювачева, но о том, что жизнь подтверждала издавна принятую им истину, что «мир лежит во зле». Его убеждения, принципы и бытовые привычки не изменились: он продолжал ходить в церковь и молиться, читать книги, заботиться о близких и ближних. Утратив возможность писать на религиозные темы, он публиковал мемуарные фрагменты о революционном прошлом, напоминая о настроениях молодежи 1880-х годов и о погибших товарищах.

* * *

При подготовке книги большую помощь мне оказали бывшие и нынешние сотрудники Государственного архива Тверской области. Хочу выразить особую признательность Людмиле Анатольевне Быковой, Галине Викторовне Баруткиной, Галине Петровне Сергеевой, Анне Борисовне Маркоишвили. Благодарю хранителя фотофонда Приморского музея В. К. Арсеньева (Владивосток) Ираиду Николаевну Клименко за предоставленные материалы.

Е. Строганова

Летопись семейства Ювачевых[1]

Год	Месяц	
1820	на маслянице	(Или 1819 г.?) родился Павел Иванович Ивачев, а именинник по желанию крестной 29 июня.
1827	март	(Или 1828 г.?) Рождение Дарии Харлампиевны Фокиной.
1838	29 марта	Преставилась Евдокия Трофимовна, жена Харлампия Тим.<офеевича> Фокина, и похоронена на Малой Охте (рядом с Петром I Павл.<овичем> Ювач.<евым>).
1838	25 мая	Хараламчий Тимофеевич Фокин вступил во второй брак с Верою Феодоровною Лоскутиною.
1840	22 января (?)	Пав.<ел> Иван.<ович> Ювачев поступил на службу.
1844	1 ноября	Александр Харлампиев.<ич> Фокин поступил в полотеры придворные.
1845	апр.<ель>	Павел Иван.<ович> Ювачев вступил в брак с Дарией Харл.<ампиевной> Фокиной.
1846?	февр.<аль>(?)	Родилась Пелагея Павл.<овна> Ювачева (1-й ребенок).
184		Престав.<илась> Пелагея П.<авловна> Ювачева (полгода жила).
1848	29 июня	Родился Петр I Павлов.<ич> Ювачев (2-й ребенок).
1850		Родился Андрей Павлов.<ич> Ювачев (3 реб.<енок>).

1 Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 10. Л. 6–7.

1852		Родился Мих. Павлов.<ич> Ювачев (4 реб.<енок>).
1853	27 янв.<аря>	Престав.<ился> Петр I Павлов.<ич> Ювачев (4 года и 5 ? 7 месяца) и похоронен на Мал.<ой> Охте.
1853	26 ноября	Престав.<ился> Харалампий Тимоф.<еевич> Фокин на 62 г. по паспорту, а на плите написано 72 году. Пох.<оронен> на Мал.<ой> Охте.
185		Родился Александр Павл.<ович> Ювачев (5 реб.<енок>).
185		Родилась Параскева Павл.<овна> Ювачева (6 реб.<енок>).
1859	17 марта	Вера Феод.<оровна> Фокина принята в богадельню.
1860	23 февр.<аля>	Родился Ив.<ан> Павл.<ович> Ювачев (7 ребенок).
	24 февр.<аля>	Крещение его о. Гавриилом из церкви Св. Пантелеймона[2].
1863	7 августа	Рождение Анны Павл.<овны> Ювачевой (8 ребенок).
186		Рождение Николая Павл.<овича> Ювачева (9 ребенок).
1867	8 ноября	Утром в 3 часа родился Виктор Павл.<ович> Ювачев.
		Крещен о. Михаилом при церкви Св. Пантелеймона.
1870	7 июня	Среди дня родился Петр II Павлович Ювачев.
	29 июня	Крещен; и день ангела 12 июня.

[2] В свидетельстве о рождении, выписанном 6 февраля 1873 года на основании метрических книг, сказано, что И. П. Ювачев крещен 6 марта, «при крещении его восприемниками были: придворный полотер Александр Харламов Фокин, С.-Петербургская мещанка девица Агафия Ульянова. Таинство крещения совершил протоиерей Алексий Максимов ... » (Ед. хр. 13. Л. 3).

Из семейной драмы

Рассказ

В архиве И.П. Ювачева находится тетрадь с рукописью рассказа «Из семейной драмы»[1]. Время его написания неизвестно, но записи в другой подобной тетради датированы 9 декабря 1899 года (Ед. хр. 16. Т. I. Ч. VI. Л. 1). Это дает основание условно отнести публикуемый текст ко второй половине 1890-х годов. Рассказ переписан каллиграфическим почерком, похожим на женский. Авторская правка сделана не по всему тексту, остались описки, исправленные в публикации и отмеченные в сносках, в сносках показаны и добавленные автором фрагменты. Зачеркнутые слова приводятся в квадратных скобках. Текст публикуется в соответствии с современными грамматическими требованиями, но сохранены стилистические особенности оригинала, это касается и написания отдельных слов. Членение на абзацы в той части, где отсутствует авторская правка, сделано публикатором. Имеющиеся в тексты пометы «Продолжение следует» и «Окончание следует» указывают на то, что предполагалось печатание рассказа, вероятно, в газете «Владивосток».

Рассказ не имеет художественной ценности, но важен для понимания биографии и личности автора. По всей видимости, в этом произведении преломились события, имевшие отношение к жизни Ювачева на юге России. Характеристика общественно-исторической ситуации и настроений молодежи 1870-х годов совпадает с тем, о чем позже он писал в своих мемуарах. После окончания Технического училища Ювачев некоторое время провел в Батуме – именно там происходят основные события рассказа. Персонаж по имени Иван Иванович, моряк, в эмоционально-психологическом смысле представляет собой alter-ego автора, в чем убеждают воспоминания, письма и дневники Ювачева.

---

[1] ГАТО. Ф. 911. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. V. *Л.* 1–27.

1877 год – один из замечательнейших годов текущего столетия для России. Это было время сильного возбуждения всех слоев общества. Борьба славян Балканского полуострова с турками увлекла за Черняевым и Киреевым[2] массу добровольцев в Сербию. Оставшаяся молодежь нетерпеливо спрашивала: когда же Россия объявит войну туркам? Рассказы зашедших в Россию раненых герцеговинцев и черногорцев сильно возбуждали воинственный жар юношества. Женщины щипали корпию и шили белье. Война заняла все умы и сердца русского народа. Наконец весной русские войска перешли через Дунай. Огромный поток людей и обозов потянулся на юг и охватил обе стороны Черного моря. Вскоре телеграммы принесли известия о первых успехах русского оружия. Дубасов и Шестаков[3] возбуждали зависть в кадетах. Каждый мечтал быть героем[4]. В литературе появляются «Анна Каренина» Толстого, «Новь» Тургенева, «В горах» Андрея Печерского, но молодежь этих перлов как бы не замечает: слишком захватывает интерес действительной жизни. Ее не увлекает больше и когда-то заманчивое хождение в народ. Она ищет самопожертвования, геройского поступка, чего-нибудь из ряда выходящего. Она уже выбрасывала и знамя борьбы среди Петербурга и металась в своем выборе новых путей, пока несчастный выстрел одной экзальтированной девушки[5] не подсказал ужасный выход накопившимся страстям.

---

[2] Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – русский генерал, возглавивший сербскую армию в 1876 году, еще до официального вступления России в войну с Турцией. Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) – военный и общественный деятель, публицист-славянофил, один из организаторов военной помощи балканским славянам.

[3] Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) и Шестаков Александр Павлович (1848–1903) – морские офицеры, под командованием которых русские паровые катера уничтожили турецкий броненосец, – это стало первой победой русского флота в войне.

[4] Настроения молодежи, в частности своих товарищей по Техническому училищу Морского ведомства, Ювачев позже характеризовал в воспоминаниях (*Ювачев И.П.* Из воспоминаний старого моряка //Морской сборник. 1927. № 10. С. 73–75).

[5] 5 февраля 1878 года В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и тяжело ранила его. Была полностью оправдана судом присяжных. В дневниковой автоанкете 1893 года Ювачев назвал Засулич любимой исторической героиней своей молодости. В мемуарах он писал о своем благоговейном отношении к ней: «Дайте, дайте мне фотографию Веры Ивановны, – молил я своих

В эту-то эпоху борьбы и страстей сразу выбрасывается в круговорот жизни молодая девушка Елена Андреевна. Воспитывавшись[лась она] дома у своего отца – важного барина в[6] Петербурге, она[7] отлично усвоила французский язык, хорошо играла на фортепиано и прекрасно пела романсы. Живая, бойкая, энергичная женщина одним не взяла: лицо ее было некрасиво и бледно. Бесцветные[8] глаза и жидкие[9] волосы гармонировали некрасоте ее. Этот внешний недостаток отражался и на душевном ее состоянии. Она с каждым годом становилась все раздражительнее и злее. Когда ей было 23 года, отец ее умер, и все родные вдруг узнают, что она незаконнорожденная, и потому остается[10] [дочь] без права получения части наследства. Среда, в которой вращалась Елена Андреевна, не давши ей соответствующего титула, воспитала в ней известного рода гордость. Она ушла от своих родных, порвала с ними все связи и решила жить самостоятельно. Но куда ей идти, никогда раньше не мучавшейся вопросом о куске хлеб? Что она умеет делать? Чему ее учили дома? Французскому языку? Петь и играть на фортепиано?

– В самом деле, – подумала она, – попробую свои способности в театре «Буфф»[11].

Сказано – сделано. Во французском театре ей деликатно отказали, заметив, что внешность ее несценична. И вот бедная некрасивая девушка среди громадного города остается одинокою, без места, не зная, где завтра достанет себе обед. Что делать? Куда деваться? И сколько есть таких девушек, которые не знают, какое значение придать своей жизни, если не случилось им выйти замуж! Даже найдя занятия в качестве гувернантки в семье, учительницы в пансионе или на телеграфе, в коммерческой конторе, они чувствуют пустоту своей жизни, неудовлетворенность, если остаются одиноки. Женщина

знакомых, – я повешу ее в своей комнате вместо иконы!» (*Ювачев И. П.* Из воспоминаний старого моряка. С. 75).

[6] Вписан предлог.

[7] Вписано сверху.

[8] Вписан эпитет.

[9] Вписан эпитет.

[10] Вписан оборот «и потому остается».

[11] Буффонада (от *итал.* buffonata – шутовство) – театральное представление, построенное на комических положениях и острых шутках. В России первый театр «Буфф» был открыт в Петербурге в 1870 году.

не может счастливо жить, не отдавши кому-нибудь своего сердца, своих услуг, своей заботы. Ей нужно оказывать кому-нибудь ежедневно свои маленькие жертвы, которыми подогревает свою любовь, питает свое сердце.

12-го апреля выходит из Кишинева знаменитый манифест[12]. Вспыхнула война, вспыхнуло и женское сердце! Вот тут-то многие женщины и нашли выход из своего гнетущего положения. Семейные женщины, провожая своих мужей и детей в неприятельскую страну, мучительно следят своим сердцем за ними, за их переходами и сражениями во все время похода, и хлопочут об устройстве лазаретов и о медицинской помощи раненым[13]. Другие же составили свою большую женскую армию под знаменем Красного Креста и двинулись на борьбу с тифом, с гангреною и другими невзгодами в тылу действующей мужской армии. В ряды женских бойцов стала и Елена Андреевна. Бойкая, проворная, прекрасно владеющая французским языком, она скоро обратила внимание на себя начальствующих лиц, и ее сделали старшею сестрою милосердия, подчинив в ее распоряжение 8 других сестер. Тут уж некогда было думать о себе. Десятки повозок с ранеными тянутся вереницами по дорогам, сотни страждущих умоляюще просят помощи. Сестры рвутся во все стороны, спеша удовлетворить их просьбы. Там нужно воды, здесь перевязку; доктор зовет: надо ему что-то принести, а тут стон стоит от неопределенного гула, требований и болезненных криков... Иногда сестры в изнеможении падали среди больных и здесь же засыпали. Елена Андреевна оказалась на высоте своего призвания. Она успевала распорядиться, умела вовремя выхлопотать провизию, потребовать белье для больных. Ободряя изнемогающих офицеров, она находила время писать раненым солдатам письма в их деревни. Врачи тоже с любовью останавливали свой взгляд на ее подвижной фигуре. Она и их невольно возбуждала к своей деятельности.

Не успели податься вперед, как другой страшный враг напал на русскую армию с тыла – это тиф во всех его видах. Сильно стали редеть ряды больных. Многие заболели и из женской армии Красного Креста. Но не унывает, кажется, одна только Елена Андреевна. Про-

---

[12] 12 апреля 1877 года была объявлена война с Турцией, в тот же день русские войска перешли границу с Румынией.

[13] В тексте: раненых.

шлого она не жалеет и в будущем от жизни ничего не ждет. Она не боится смерти и не боится тифа: ей нечего терять, и по-прежнему так же оживленна и деятельна. Это выгодно ее выделяло из толпы сестер. Молодые врачи с уважением посматривали на ее горячую деятельность и наперерыв старались оказать ей свое внимание. Елена Андреевна чувствует свой успех. Он кружит, опьяняет ей голову. Она дает полную свободу своим чувствам, своим способностям... И некрасивая женщина всем начинает казаться миленькою. Особенно она была хороша, когда с окончанием войны лазарет отодвинули подальше от границы и настало время для них некоторого успокоения и душевного довольства от сознания исполненного долга. Тогда врачи и некоторые из сестер по вечерам собирались среди весенней природы под теплым южным небом и отдавались молодому веселью. Запевалой и зачинщицей[14] всех проказ была Елена Андреевна. Ее французские песеньки кружили головы молодым врачам. Вечером и ночью больше слушают и чувствуют, чем смотрят, поэтому немудрено, что они сильно увлекались ею. Чувствовала и сама Елена Андреевна, что она царица собрания и что подошел момент ее власти. Надо спешить, надо пользоваться – решила она про себя.

Ее внимание обратили на себя два молодых врача. Один своим назойливым ухаживанием. Другой вовсе не ухаживал, но своею хохлацкою оригинальностью, простодушием и сердечностью подкупил в свою пользу всех имеющих с ним общение. Она остановила свой выбор на втором. Семен Константинович, низенький, коренастый, с огромным грудным ящиком и с небольшой головой, лицом своим напоминал Гоголя. Ходил он медленно, с развальцем, говорил еще медленнее, с прибавкою «так» чуть ли не за каждым словом. Он не отличался ни особенным умственным развитием, ни большою начитанностью; очень кичился своею хохломаниею[15] и посмеивался над великороссами, называя их «кацапами». Любил за горилкою побеседовать по душе с приятелем и спеть вместе украинские песни. Все это выходило у него угловато, но естественно. Елена Андреевна полюбила его за чистоту души, не отравленную еще карьеризмом, ни честолюбивыми замыслами, ни жаждою богатства. Если сравнить его с нею, то надо поражаться, как они совсем не похожи были друг на друга.

[14] В тексте: затеньщицей.

[15] В тексте: хохломанию.

Но… противоположности сходятся! Как отрицательный полюс к положительному влекло ее страстно охватившее чувство любви к нему. Она вызывающе шутила с ним, пела его любимые песни, одевалась в малороссийские костюмы. А неповоротливый Семен Константинович и не замечал всего этого. Ежедневно он отдавался излиянию своих чувств (а у него всегда было какое-нибудь новое горе!), как бы смакуя их и иногда приправляя водочкою. Между тем врач-ухаживатель делал свое дело и, выбрав удобную минуту, открыл Елене Андреевне о своей любви к ней и просил ее руки. «Вот она наступила, торжественная минута! Теперь решается судьба моя на всю жизнь, – радостно волнуясь, думает про себя Елена Андреевна. – Но как же быть? Я не хочу упустить случая выйти замуж за врача… Только что же Семен Константинович медлит обратить на меня внимание, а он мне так нравится, я его так люблю». И вдруг ей мелькнула мысль самой сделать ему предложение. Но как это сделать? Пойти к нему и сказать, что я Вас люблю, что я… Краска стыда залила ее лицо. Нет, нет, лучше напишу ему. И с свойственной ей решимостью она быстро набросала следующее письмо: «Семен Константинович! Иванов сделал мне предложение, а я люблю Вас. Если желаете быть моим мужем, то решайте скорее, иначе я выхожу за Иванова. Прошу не медлить ответом. Елена А.»

Как обухом[16] ударили по голове, когда Семен Константинович прочитал это письмо. Он растерялся. Если бы ему самому пришла в голову мысль жениться на Елене Андреевне, он носился бы с нею долго, рассказывая своим приятелям о своих чувствах и сомнениях, немало было бы выпито при сем горилки, были бы и слезы… вообще «треба разжувати», как он любил выражаться. А тут вдрут сейчас дай ей ответ! Некогда и подумать – любит ли он ее или нет. Конечно, он согласился. Удар был ловко направлен. Такие натуры, как Семен Константинович, не могут делать ни одного шага по своей инициативе. Их обыкновенно водят за нос другие. Он был очень рад и благодарил судьбу, что она так чудесно позаботилась о нем и так скоро за него решила трудный вопрос – выбор жены.

Первые годы они провели в Малороссии, воспевая весну своей жизни. Господствующим направлением их среды была хохломания. Заразилась ею и Елена Андреевна. Она не выходила из малороссийского

[16] В тексте: обулом.

костюма, ввела в свою речь несколько хохлацких словечек и приобрела развязно-грубые манеры приятелей мужа. Под свой малороссизм они подводили и политические идеалы русской молодежи того времени, а потому-то так и увлекались им даже великороссы, приживавшие в Украйне. Но[17] этот южный национализм был совершенно (sic!) и не угрожал государству не только переворотом, но и намеком на какое-либо восстание. Их костюмированные собрания (смазные сапоги, смушковые шапки, белые рубахи, понёвы и пр.) обыкновенно ограничивались песнями, горилкою и иногда только беседами про тяжелое житье. Елене Андреевне это стало – ух! приедаться. К счастью, родные Семена Константиновича выхлопотали ему новое местечко, и он отправился вместе с женою, ожидавшей ребенка, в один из приморских городов Кавказа.

(*Продолжение следует*)

С берегов Дуная, с хуторов Малороссии перенесемся вслед за нашими молодыми супругами к горам Кавказа. Апрель месяц. Жара. Офицерство и чиновничество ходят в кителях и в белых фуражках. Но здесь палящее солнце не гонит народа с улиц в дома, как в тропиках. Базар кипит разнообразными костюмами. Тут и армянин в засаленном черном бешмете, энергично жестикулируя, о чем-то горячо хлопочет; тут и имертинец, выставив на голове яркую подкладку своего башлыка, любопытно озирается по сторонам. Вот высокий кабулетец[18], гордо задравши свою голову, легко выступает в своих чувяках, кругом увешанный необходимыми принадлежностями горного лесного жителя. Турки чинно сидят, как бы не сходя со вчерашнего дня, и покуривают свое наргилэ[19]. Греки задорно кричат, суетясь около лавок. Хамалы[20] – вьючный народ, разнощики суум-су[21] – холодной воды; офицеры, солдаты, грузины, русские, матросы, извощики, лодочники; ослы, лошади, буйволы – все это движется, толпится, волнуется, шумит. Вся жизнь на улице. Да кто и усидит в такое время дома? Разве поневоле гаремные женщины? И те, наверное, собрались у сво-

---

[17] В тексте: На

[18] Кобулети – город к северу от Батума (Батуми).

[19] Наргиле – кальян, от *перс.* nārghile, т. е. кокос (это может означать, что первоначально кальяны делали из скорлупы кокосового ореха).

[20] Хамал (от *тур.* hamal) – носильщик.

[21] soğuk su (*тур.*) – холодная вода.

их фонтанов в саду... Лавки, духаны, магазины, мастерские, рестораны – все это открыто, всё на улице. Тут на ваших глазах пекут хлебы; там расплавляют серебро, чтобы сейчас же сделать ажурную цепочку, брошку или запонки с чернью; там шьют сапоги, а здесь на виду всех обедают.

Семена Константиновича очень занимали новые картины кавказской жизни. Он с удовольствием смотрел на громадные бычачьи бурдюки, наполненные вином, и подолгу останавливался перед автоматически[22] вертящимся шашлыком. Он быстро вошел во вкус этой жизни. Тут все так просто, естественно, правдиво; без паркетности, без воспитанных манер, которые ему никогда не удавались. Кроме того здесь непрерывный праздник. Постоянно вы встретитесь то с тем, то с другим из своих знакомых, и вечером вы непременно очутитесь в большой компании, которая выдумает какое-нибудь веселое препровождение времени, если не в городе, так в окрестностях его. Семен Константинович, неся незначительную службу, которая состояла в явлении по утрам к месту нахождения команды и в подписи нескольких бумаг, приготовленных фельдшером, весь отдался бесшабашному разгулу. Да и что делать, когда на окружающих лицах видишь один вопрос: где мы соберемся вместе выпить? Если где можно сослаться на «заедание среды», – так это на окраинах России. Молодой человек только что выскочит из корпуса, из университета, из-под опеки родителей, наставников в самостоятельную жизнь, как ему навстречу неизведанные интересы жизни, новые впечатления, новые картины природы, рестораны, пикники, клубы, барышни, дамы, карты, кутежи и пр. Сначала он не противится соблазну. Напротив, под предлогом отдыха после школы чаще всего он охотно позволит себе войти во все удовольствия, так сказать, испытать, попробовать их. Но потом мало-помалу, день за днем он все глубже всасывается в тину праздной жизни. Хорошо, если он поспешит жениться или его переведут в средину России, в противном же случае интеллигентный человек опускается донельзя, а иногда и погибает. Так погиб и приятель Семена Константиновича доктор Вася, как его все звали.

Доктор Вася, истый русак, со школьной скамьи попал прямо на Кавказ. Высокий, худой, с круглыми чертами лица, доктор Вася был симпатичнейший человек. В его юной, свежей душе так ярко еще све-

[22] В тексте: автоматичести.

тились недавно народившиеся идеалы. Он хотел работать для своего ближнего, рассчитывал свою службу провести по совести, безупречно, мечтал о диссертации. Вскоре местные жители его отличили, и он вошел, как говорится, в славу. Как у Семена Константиновича не было никакой практики, так, напротив, у его приятеля кроме обязательного посещения своей палаты было много приходящих больных. Особенною популярностью он пользовался среди купцов и благодаря им имел возможность отсылать небольшие сбережения своей небогатой семье. Одно нехорошо – привык пить много. Пил все без разбора. На судах коньяк, ром, с приятелем – водку, у пациента-купца марсалу[23] или вермут. Редкий вечер приходил трезвым. Наутро его денщик, молодой парень из западных губерний, подойдет, бывало, к кровати и тихонько плачевным голосом начнет говорить: «Ваше высокоблагородие, нехорошо ведь так…» Доктору Васе стыдно станет от этих простых участливых слов. Но к вечеру опять пьянехонек. Частенько он напивался с коллегою, вместе с Семеном Константиновичем, вспоминая свое недавнее студенчество.

Около Семена Константиновича собрался кружок пьяниц. Бедная Елена Андреевна ходила в последних[24] днях. Ее раздражали и неудобства гостиницы, в которой она занимала номер, и поведение мужа, и его пьяная компания. Она нередко выходила из себя, плакала, сердилась, ругалась. Нервы сильно расстроились. Это вызвало преждевременные роды. Молоко пропало в грудях. Стали кормить коровьим молоком – ребенок заболел. Мать убивается, плачет, а отец заливает свое семейное горе горилкою.

Утром 23 апреля подходит к этому городу русский пароход. Несмотря на жару и безветрие, с виду суровый шкипер[25] судна, не раздевавшийся от самого Севастополя, стоял на мостике в шубе и безмолвно рукою указывал рулевому направление. Его не занимала ни роскошная природа под жарким солнцем, ни живописные горы, растянувшиеся в даль бесконечную в обе стороны горизонта, ни Казбек с Эльбрусом, как белые облачки вырезывавшиеся на голубом небе. Не обратил он внимания и на народ, толпившийся на улицах, и на кучу

[23] Марсала – крепкое десертное вино; в тексте: варсала.

[24] В тексте: попоследних.

[25] В тексте: шхипер.

фелук[26], снующих по бухте взад и вперед. Подавшись от выходящего парохода к берегу, он смело и круто обрезал его и вошел в средину множества судов, стоящих на якоре. Окинув глазами знакомую панораму бухты, Иван Иванович сошел с мостика в каюту раздеться, чтобы приветствовать взошедших на пароход гостей. В числе их был и Семен Константинович. Он сразу понравился Ивану Ивановичу своею безыскусственностью и добродушием. Иван Иванович на другой же день сделал визит Елене Андреевне. По обстоятельствам его службы ему надо было прожить в этом городе все лето и осень, потому он был очень рад всякому новому знакомству с интеллигентным человеком. Сам получивши образование в одном из высших учебных заведений, он был горячим поклонником науки, литературы. Его не занимали ни кутежи, ни карты, ни другие развлечения молодежи. В одиночестве серьезный, задумчивый, даже угрюмый с виду, он неузнаваем был в приятельской беседе. Добродушная улыбка освещала все лицо его, губы широко раздвигались, открывая ряд белых зубов, глаза оживлялись живым огоньком, и горячая, увлекательная речь лилась непринужденно, но сам он всем сердцем привязался к доктору Васе. Почти каждый день после обеда можно было их застать вдвоем за чаем. Они много читали, чаще всего «Отечественные записки» (тогда публика увлекалась рассказами Глеба Успенского).

Иван Иванович восторженно относился ко всему, где он замечал стремление к добру, к правде, к идеальному. Правда, его тенденции были немного отравлены царившим в то время крайним матеріализмом[27]. Огюст Конт со своею позитивною философиею овладел его умом. Но… крайность воззрений рано или поздно скажется. Его философские здания, так отрицательно построены (sic!) долгим обдумыванием фактов жизни, разрушались одно за другим. «Вот, – думал он, – нашел-таки истину! Нашел основание для уразумения жизни!» И правда, случалось, что пройдут месяцы, как он носится со своим воздушным замком и с увлечением пропагандирует другим, но и этого замка, подобно раньше созданным, также не станет на его век, потому что основания его опять пошатнулись о новые соображения, о новые знания. Интеллигентная молодежь того времени была заражена атеизмом. Свободомыслие, нигилизм считалось модным направлением.

[26] Фелука – род быстроходного парусного судна.

[27] В тексте: анатериализмом.

Иван Иванович был вполне человеком своего времени. Он зорко следил за всеми современными вопросами и горячо стоял за эмансипацию женщин. Он тотчас же стал на сторону Елены Андреевны в ее ссоре с мужем и усиленно захлопотал о благоустройстве квартиры; снабжал Елену Андреевну деньгами, приглашал новых врачей к ее ребенку и сам вместе с нею нянчился с ним. Жизнь ребенка медленно угасала, слабые стоны мучительно терзали сердце бедной матери. Со дня на день она ждала развязки. От бессонных ночей она сама вот-вот свалится с ног. Болезнь ребенка вызвала сильнейшее пьянство со стороны Семена Константиновича. Он сидел целые дни или в ресторане, или в духане и жаловался первому встречному о своем горе. В эти дни Елена Андреевна видеть его не могла. Денежные дела их сильно порасстроились. Спасибо, добрый Иван Иванович ей никогда не отказывал. Впрочем, добродушнейший моряк не отказывал в займах и Семену Константиновичу, он и пьянство его не ставил ему в вину. «Слабость!» – как он говорил.

Однажды утром является к нему Семен Константинович и объявляет о смерти ребенка. «А, умер! Надо поторопиться похоронить его сегодня же». Иван Иванович давно на этот случай отложил 25 рублей, предвидел, что ему придется распоряжаться похоронами. Он обежал своих знакомых, заказал гроб, пригласил священника, сделал необходимые покупки и так успешно все оборудовал, что часа в 3 пополудни все было готово. Он на своих руках вынес маленький голубенький гробик на улицу в сопровождении собравшихся знакомых, еще не зашло майское солнце, как бросили они цветы на свежую могилку и разошлись по домам. Елена Андреевна с мужем и Иван Иванович с доктором Васей остались еще на кладбищенской горе. Кругом поднималась густая заросль зелени. Чинары и дубы выдавались из нее своими темными кронами. Виноград оплетал стволы и ветви деревьев. Ниже тянулась целая роща олеандров. Горы громоздились одна другой выше, затягиваясь вечерним туманом. Тучи мрачно надвинулись, скрывая заходящее солнце. Между ветвями деревьев видны полоски серого моря. Сумерки заметно надвигались над городом. Мрачно и на душе Елены Андреевны. Отвернувшись от полупьяного мужа, она смотрела на зажигавшиеся огни на рейде и думала про себя: «Вот теперь я одна. С ребенком ушли все заботы, волнения, весь смысл жизни. Чего мне теперь ждать? Что я буду делать с пьяным мужем? Он мне радости не принесет... Ведь он убил

моего дитя! Ведь из-за него я постоянно раздражалась, болела и родила хилого ребенка! Из-за него я потеряла молоко! Да, он всему горю причиной...» В это время Семен Константинович откуда-то вытащил бутылку с водкой и, глупо улыбаясь, усаживался с доктором Васей на траву. «Ну да, для него нет ничего святого», – сказала Елена Андреевна. Она беспомощно тоже опустилась на траву. Иван Иванович, все время молчавший, сел рядом с нею. Блаженная улыбка не сходила с пьяного лица мужа. Видно было, что он располагался немало здесь выпить. Вдруг стремительно схватив бутылку, задыхающимся от гнева голосом Елена Андреевна угрожающе проговорила: «Ты хочешь?! ты хочешь!! Ты заставил, чтобы я все выпила!..» Иван Иванович и доктор Вася бросились ее успокаивать и поднялись, чтобы немедля ехать домой. Всю дорогу ехали молча. Голова Семена Константиновича болталась из стороны в сторону. Доктор Вася соскочил с экипажа при въезде в свою улицу. Иван Иванович проводил Елену Андреевну до дому. Из квартиры успели вынести все, что могло напоминать покойного ребенка. Елена Андреевна, окинув взглядом свою бедную комнату, села за стол, бессильно положила на него свои руки и проговорила: пусто! Действительно, было пусто и в комнате и в ее душе. Иван Иванович понял, что теперь нет места словам и утешениям, и тоже вскоре вышел, утомленный и физически, и нравственно.

Потекли печальные дни в жизни Елены Андреевны. Своего мужа она видела ночью пьяным и утром – с похмелья. Денег нет, занятий никаких. Ей совестно стало показаться в обществе. «Спасибо, Иван Иванович не оставляет меня. Какой он добрый, умный, благородный! Как он себя хорошо держит среди той пьяной компании! Разве с ним посоветоваться о своем положении?.. Не поехать ли мне учиться в Петербург и сделаться... ну хоть акушеркой, как моя соседка. Ведь вот она зарабатывает себе на стол и на квартиру, имеет дело... Правда, она жалуется иногда на долгие ночи бдения, но ведь не всегда же так бывает».

(*Окончание следует*)

Иван Иванович восторженно отнесся к ее желанию.

– Счастливая мысль! Только находите ли себя способною приняться в эти годы за книжку!

– Я постараюсь! Да ведь не так же и трудно выдержать вступительный экзамен. Я знаю примеры, когда женщины старше меня возрас-

том и много ниже по развитию выходили отличными акушерками. Не будете ли вы любезны повторить со мною грамматику, арифметику и все, что там еще надо?

– Хорошо, хорошо. Хоть завтра, если хотите. Я достану необходимые учебники. Только... как муж на это посмотрит? Не помешает он нам заниматься здесь вместе?

– Ну вот еще церемониться с ним! Да он редко и дома бывает.

В следующий же вечер Иван Иванович с серьезным видом принялся штудировать вместе с новою ученицею принесенные учебники. Он посмотрел на Елену Андреевну как на товарища, желающего стать в ряды честных и уважаемых людей. Она ищет знания, труда, выходя из зависимого положения от пьяного мужа. О, она сделает это! У ней так много энергии. Она способна и молода еще! «Я ей отдам все свободное время. О женщина! и чего я не сделаю ради тебя?» Их уроки, однако, туго подвигались. Может быть, им мешала летняя кавказская природа, манившая из душной комнатки на простор, на воздух; или отвыкла Елена Андреевна от книги, от школьных занятий; или она уже отложила свое намерение, да стыдно ей объявить такому серьезному человеку. Иван Иванович давно заметил ее охлаждение к урокам. Ему жалко расстаться с идеею видеть ее на акушерских курсах, и продолжал с тою же внимательностью объяснять ей именованные числа, спряжения глаголов и пр. «Да что он, – думает она, – влюблен в меня, что ли? А какой он хороший, если сравнить его с моим мужем! Столько у него искреннего, неподдельного чувства! На вид такой грубоватый, суровый, но как он мягок и деликатен, когда говорит со мной! И никакой скабрезности, ни одного пошлого намека, к чему так падки многие мои знакомые. Иной раз хочется мне спеть бравурную французскую шансонетку, но не решаюсь в его присутствии».

– Иван Иванович! А сегодня поедем кататься на лодке?

– Хорошо, поедемте, – спешит согласиться строгий учитель, начинающий терять веру в свою взрослую ученицу. И вот вдвоем на большой фелуке они далеко выплывают в море, уже нельзя различить очертания домов и судов. Все слилось в одну темную полосу, усеянную бесчисленными огнями. Море чуть рябится от набегающего ночного ветерка с берега. Вода искрится светлыми блестками под веслами. Тихо. Тепло. Елена Андреевна бросила папироску и негромко запела. Ее чудные звуки все усиливаются и усиливаются от водной глади, привлекая внимание моряков с ближайших судов. Иван Иванович

перестает грести и своим страстным тенором вторит песням своей подруги. Гармония музыки сближает их и возбуждает гармонию их душ. Они поют долго, сменяя одну песню другою. Он любил больше грустные мелодии сантиментальных романсов, а она предпочитала веселый напев народных, студенческих и оперных хоров. Их дуэты скоро стали известны всему городу. Многие подозревали в этих прогулках по морю дерзкие, но удобные свидания любви под покровом ночи. На самом же деле Иван Иванович не питал к Елене Андреевне никакого чувственного влечения. Он видел человека, нуждающегося в его помощи, советах, утешениях. Ему приятно было покровительствовать женщине: ведь он так горячо ратует за женскую эмансипацию! Наконец, ему необходимо было общество женщины, необходима женская дружба для его нежной души, как воздух для тела[28].

Однажды ночью при слабой луне они удалились далеко от города на другую сторону бухты. Не слышно кругом ни одного звука. Елена Андреевна смолкла, замолчал и Иван Иванович. Прибрежные камни резко вырисовывались, маня к себе лодку. «Пристанем!» – Иван Иванович повернул фелуку к берегу, выскочил на камень и протянул руку своей подруге. Вдруг обоими овладело лихорадочное волнение. Руки задрожали. Елена Андреевна опустилась на камень. Иван Иванович сел рядом и молчал. «Чего он молчит? Чего он ждет? – думает она про себя, охваченная негой южной ночи. – Для чего он сюда пристал? Как мне понять его внимание ко мне? эти частые tête à tête в море? Если любишь, неужели у тебя не хватает решимости сказать? Что тебя стесняет? Ведь мы, кажется, здесь вдали от людей, никто нас не видит...» Но он безмолвно, как камень, на котором сидели, застыл в одной позе, только грудь и дыхание выдают его сильное волнение. Тут же у берега возвышались остатки старинного укрепления, густо заросшего высокою травою. Тропинка[29] с берега тянулась через весь вал. Елена Андреевна встала и пошла по этой тропинке, раздвигая траву. Он тоже пошел вслед за нею. В траве еще темнее стало. Кровь сильно заклокотала у обоих. Пройдя половину зала (sic!), она остановилась. Сердце забилось часто-часто. Иван Иванович тяжело дышал, казалось, огнем. Он безмолвно следил за всеми ее движениями. Мысль быстро работа-

[28] Ср. в письме Ювачева к жене: «Ты отлично знаешь, что я нежный, ласковый, скромный человек» (Ед. хр. 1. Ч. 5. Л. 85).

[29] В тексте: тропика.

ет у обоих. Малейшее движение с которой-нибудь стороны – и равновесие нарушено...

– Я все сделала, готова все отдать... от тебя зависит: если хочешь, – я твоя, признательная, благодарная подруга навеки, навсегда.

– Обманывать я ее не хочу, – в то время думает Иван Иванович, – я не люблю ее. Воспользоваться ее положением, сделать ей на всю жизнь упрек падшей женщины за один миг страсти... Нет! это нечестно, это гадко, подло!... Однако я не могу себя дольше сдерживать... Неужели она ждет признания в любви? Но ведь это будет неправда, если я скажу о любви к ней. Мною только овладела неодолимая страсть. Сделай она один шаг, и я безумно брошусь к ней.

Будь вместо Ивана Ивановича кто-нибудь другой в эту минуту, она, такая решительная женщина, вероятно, скоро бы разрешила натянутое положение. Но ведь этот проповедник морали так на все строго смотрит! Его честность неподкупна, он тверд в принятом принципе, «по совести» – его любимое словечко. И Елена Андреевна повернула назад. Оба молча сошли в лодку и поплыли домой. Песнь оборвалась.

Елена Андреевна стала еще печальнее. Вид пьяного мужа раздражал ее в высшей степени. Ссоры учащались и перешли в грубую форму ругани и наконец в драку. Иван Иванович, избегая нарваться на возмутительную ссору супругов, стал ходить к ним реже и реже. В это время Семен Константинович поссорился со своим начальником. Горе его было так велико, что никакой водкой, казалось, не затопишь его. Днем он плакался в духанах, [а] и чаще всего – Ивану Ивановичу, а ночью ссорился с женою. Однажды вечером прибегает человек от Елены Андреевны. Что такое? «Муж пьян и бьется головою о стену. Что мне делать?» Ивана Ивановича давно мучило безвыходное положение бедной женщины. Он много думал, как ей помочь, и остановился на одном – разъединить их вовремя. В вечную привязанность физической любви он не верил. Года три – не больше, полагал он, могут супруги поддержать пламень этой любви, живя вместе. Дальнейшая их жизнь, если у них нет духовной любви, может повести их к учащенным ссорам, к взаимному недовольству. Тут только может[30] им помочь временная разлука. В этом отношении браки моряков находятся в лучших условиях. Нередко случалось видеть, как нежные неразлучные супруги со временем начинают охладевать друг

[30] В тексте: могут.

к другу. Сперва начинают мелкие стычки, взаимное недовольство; потом они начинают ссориться очень крупно, дело доходит чуть ли не до ненависти. Но вот муж уходит в плавание. Успев, однако, попривыкнуть к женскому присутствию, к женской ласке, участию, он уже через месяц начинает скучать по жене. Пишутся нежные письма. Слышатся из каюты тяжелые вздохи. Он жаждет ее снова увидеть. Мысль о жене переходит в idée fixe. Жена еще больше скучает по муже. Расспрашивает знакомых о приходе судна, готовится к встрече, считает дни. И вот – услышала Мадонна Пресвятая! Моряк в объятиях жены. И радость обновленной любви венчает их новый медовый месяц. «Уезжайте на время, – советует Иван Иванович своей подруге. – Я вам дам денег на дорогу».

Пароход стоит на рейде. Сегодня ночью он уходит. Пассажиры спешат поудобнее разместиться. Елена Андреевна, окруженная своими знакомыми, сердечно прощается с ними и звучно целует своего мужа. Иван Иванович задумчиво расхаживает по палубе. «Прощайте, Иван Иванович!» – «Прощайте, Елена Андреевна, – с чувством отвечает он, крепко пожимая ей руку. – Пишите, голубушка, как вы там устроитесь». С отъездом жены Семен Константинович настолько серьезно заболел, что принужден был лечь в лазарет к доктору Васе. Иван Иванович часто навещал его, и это больной очень ценил, потому что он знал, что все общество было на стороне Елены Андреевны, осуждая его возмутительное поведение. Он каялся в своем пьянстве, обещаясь на будущее время воздерживаться. Жене послал письмо с просьбою простить его за все причиненное им горе, жаловался на свою болезнь, на свое одиночество. Обещался больше не пить, заняться практикой, уехать в Малороссию. Елена Андреевна ответила нежным письмом, готова была все забыть, лишь бы бросил он свое непрерывное пьянство. Следующие их письма были еще нежнее. Мир окончательно был восстановлен, теперь они жаждали любви и ждали свидания. Не забыла Елена Андреевна и своего друга. По условию, она писала ему на французском языке. Подробно рассказавши о теплой встрече родных мужа, она описывала и свое внутреннее настроение. Путешествие и перемена места успокоили ее душу. Она оживлена новой энергией и ждет своего мужа.

Наступило время отъезда Семена Константиновича. Он пришел прощаться к доктору Васе. Пришел к нему и Иван Иванович. Последний с некоторого времени стал относиться к Семену Константинови-

чу несколько сурово и недоверчиво. Сантиментальный и чувствительный, он мало ценил его плаксивое настроение. Мы мало ценим, что так легко появляется наружу. Бриллианты и золото находят после долгих усилий. «Чувства Семена Константиновича неглубоки, а потому и дешевы в моих глазах», – не раз он говорил доктору Васе. В последнюю минуту вдруг Семен Константинович просит денег на дорогу. Доктор Вася объявил, что денег у него нет. Весь излишек он высылает родным. Не было денег и у Ивана Ивановича. Его обидело, что он припер его доброту, как говорится, к стене: отказать человеку трудно в такую минуту. «Ну хорошо. Я достану денег на дорогу, но, пожалуйста, поспеши возвратить их мне».

Встреча Елены Андреевны с мужем была трогательна. Они весело прожили первое время у родных, потом, побывавши в Новороссийском крае, уехали на службу в земство в одной из малороссийских губерний. У них были опять дети, но... Семен Константинович не переставал пить, не один раз допивался он до белой горячки, пока не умер. Бедная вдова осталась с детьми и с ничтожными средствами. Иван Иванович тоже скоро уехал с Кавказа. Доктор Вася, провожая его, навзрыд плакал: «На кого ты меня, Ваня, покидаешь?» Как доктор он понимал, что чахоточному больному нельзя много пить, но не мог победить своей слабости и немногим пережил своего коллегу Семена Константиновича. Так погибают молодые хорошие люди на украинах (sic!). Иван Иванович вышел из той среды нетронутым, но не пришлось и ему много проповедовать эмансипацию женщин. Увлекшись умом реализмом, сердцем он был чистейший идеалист. Он жил в мире красивых иллюзий и фантастических утопий, которые довели его до монастыря[31].

[31] Автор приводит героя к выбору, который в Шлиссельбурге сам он отверг, отказавшись поступить в монастырь. Такое предложение последовало от командира корпуса жандармов генерала П. В. Оржевского, узнавшего о религиозном рвении Ювачева (см.: *Горбунов-Посадов И. И.* Несколько слов от издателя // Ювачев И. П. (Миролюбов И. П.). Шлиссельбургская крепость. – М.: Посредник, 1907. С. XII; *Фигнер Вера.* Избранные произведения: В 4 т. Запечатленный труд. – М.: Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Т. 2. С. 96).

«Попробую ответить на вопросы...»
Автоанкета

В дневнике Ювачева за 1893 год сохранилась своеобразная автоанкета – попытка представить свои этические принципы и эстетические пристрастия[1]*. Впоследствии он дополнил и откорректировал ее: дополнения отмечены в сносках, в квадратных скобках показаны зачеркнутые слова.*

7/19 мая 1893 г.

«Попробую ответить на вопросы: мои любимые – (теперь) добродетель: любовь, качество у мужчин – рассудительность, у женщин – нежность, доброта, сочувствие. Занятие – исследовать Библию. Отличительная черта характера: боязнь[2]. Как я представляю себе счастье: [быть в] ничто бы меня не беспокоило и любить. Как я представляю несчастье: когда человек страдает душой и телом. Цвета: небесно-голубой и малиново-розовый. Цветы: belle de jour[3] и розу. Si vous n'êtes[4] pas vous, que voudriez vous être[5]? Самым простым, которому бы нетрудно переносить неприятности и страдания. Где бы жил: на земле – где бы я мог (исполнять) делать свое дело. На небе – полагаю всюду хорошо. Любимые прозаики: рань-

[1] Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4а. Дн. 3 (1892–1898). Л. 59 об.
[2] Вписано: и сомнение.
[3] Дневная красавица или вьюнок (convolvulus) (*франц.*).
[4] В тексте: n'etier.
[5] Если бы вы не были собой, то кем хотели бы быть (*франц.*).

ше Гюго и Писарев, теперь: Евангелисты и Толстой. Поэты: Круглов[6]. Художники: Айвазовский, Васнецов[7]. Композиторы: Глинка, Бортнянский, Львов. Раньше Верди, Мейербер[8]. Герой в истории: Поражаюсь теми, которые неустрашимо жертвовали собою, нравится Александр I, Гракх[9], Павел-Апостол. Героиня в истории – Roland[10], прежде Вера Засулич, теперь Жанна Д'Арк[11]. Герои в романе: Жан Вальжан в Misérables[12]. Героиня в романе: Наташа «Война и мир»[13]. Любимое кушанье – и питье: молочное. Имена: Павел, Вера, Людмила, питаю отвращение к гордости.

Презираю истор.<ических> личностей: инквизиторов.

Душевное настроение настоящее: ожидание.

К какому пороку снисходителен: к блуду.

Любимый девиз: мир и любовь.

---

[6] Вписано, далее оставлено место для продолжения. Стихи А.В. Круглова могли быть близки Ювачеву своим религиозным настроением. По возвращении из ссылки он печатался в журнале «Душеполезное чтение», где сотрудничал Круглов. Ювачев был знаком и с женой Круглова, писательницей А.Н. Доганович (см.: *Белодубровский Е.Б.* Доганович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 146), и состоял с ней в переписке.

[7] Вписано.

[8] В тексте: Меербер.

[9] В тексте: Грахг. Вероятно, имеется в виду Гай Семпроний Гракх, древнеримский народный трибун, политическая программа которого предусматривала ограничение прав аристократии.

[10] Roland de la Platière – Ролан Манон-Жанна Флипон (1754–1793) – известная деятельница Великой Французской революции, казненная якобинцами.

[11] Вписано.

[12] Вписано.

[13] Вписано.

Иван Павлович
Ювачев
1880-е годы

Летопись
семейства
Ювачевых

Письмо к родным из Шлиссельбургской тюрьмы
1 декабря 1886

Шлиссельбургская крепость.
Северная половина Новой тюрьмы, кордегардия, казарма и братская могила

Пароход Добровольного флота «Нижний Новгород»

наконецъ помылись морскою водою.
Теперь ужъ каждый день выводятъ
окачиваться.
Пѣснь 3. Путь глубины перекрестившій,
Къ горѣ Синайской подошли...
Въ Твоемъ законѣ [illegible] явившій,
Любовь намъ въ миръ Ты пошли.
Пѣснь 4. Ты Ангела поставь на стражѣ,
Какимъ бывалъ нашъ Аввакумъ:
Всесильный! насъ веди туда же,
Гдѣ мигъ Твой не постигнетъ умъ. Филип. IV.
Пѣснь 5. Да разсѣится тьма ночная,
И возсіяетъ солнца свѣтъ;
Да будетъ въ насъ любовь святая,
Прими насъ въ вѣчный Твой завѣтъ.
Пѣснь 6. Какъ въ морѣ и въ китѣ Іона,
Взываемъ къ Богу, къ небесамъ:
Не отврати лица отъ стона,
Будь къ нашимъ милостивъ слезамъ.

Содержаніе каждой пѣсни взято изъ [illegible] [illegible] первой [illegible] написаны [illegible] и [illegible].

Пѣснь 7. Того, кто изъ огня избавилъ
Отъ смерти отроковъ въ пещи,
Чтобъ каждый человѣкъ прославилъ,
Да свѣтятъ всѣмъ Его лучи.
Пѣснь 8. Тебѣ жаръ огня выносимъ;
Водой Ты жертву напоилъ;
Тебя во вѣки превозносимъ:
Ты что хотѣлъ, то и творилъ.
Пѣснь 9. Благословенную мы славимъ
Царицу неба и земли.
Мы Пресвятую величаемъ,
Что избавляетъ насъ отъ тли.
При выходѣ въ Черное море 16 іюня, 1887 года.

19 іюня испытали въ Черномъ морѣ небольшую качку, но духота, тѣснота и жара увеличили наши страданія. Многіе совершенно больные лежали подъ нарами въ водѣ и грязной отъ изверганія. Благодаря Богу, какъ скоро

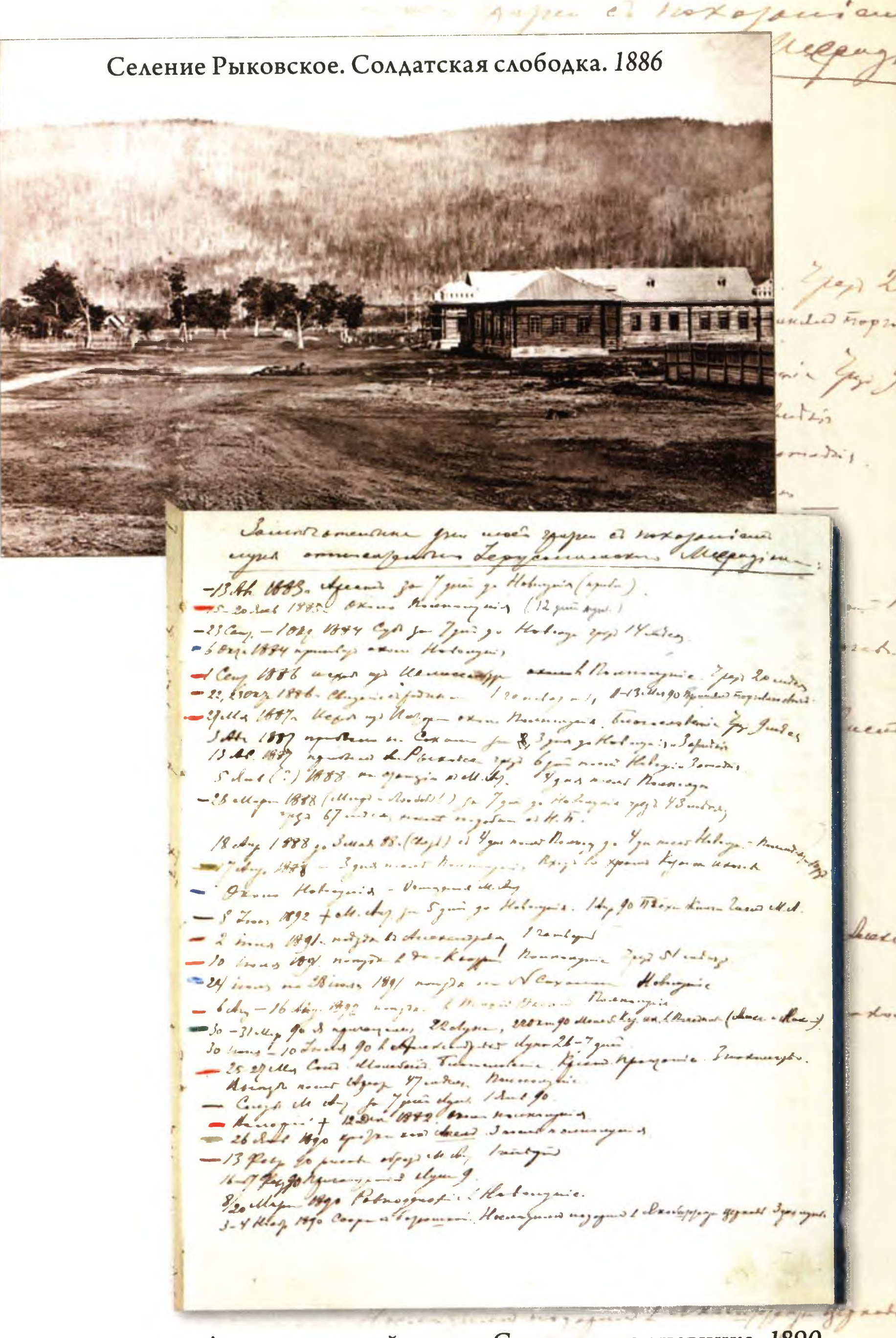
Письмо к родным (написано в трюме парохода «Нижний Новгород»)
20 июня 1887

КАРТА
ОСТРОВА САХАЛИНА
1885 г.

Карта
Сахалина
1885

Пост Александровский

Селение Рыковское. Солдатская слободка. *1886*

Дни и годы моей жизни. Страница из дневника. *1890*

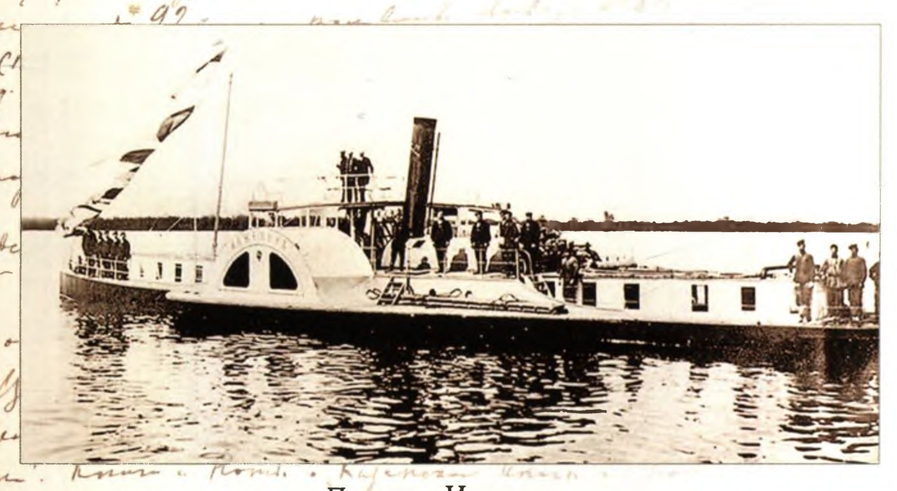
Мария Антоновна Кржижевская
Рис. И. П. Ювачева 13 февраля 1890 (?)

Стихотворение с нотами «На память о Марии Антоновне»
Июль 1892

Церковь Казанской иконы Божией Матери в Рыковском

Обложка дневника (Январь 1890 – Сентябрь 1892)
Вверху: «Мир и Любовь», внизу: «Иван Павлович» (пер. с др.-евр.)

Сотрудники редакции газеты «Владивосток». 1895
В верхнем ряду слева направо: Н. П. Матвеев, И. П. Ювачев.
В нижнем: Л. Я. Штернберг, Н. В. Ремезов.
Из фондов Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева

Пароход «Инженер»
На обороте: «В полдень 4 сентября 1896 г. против пристани Щебенчихи на реке Уссури пароход „Инженер“ конвоировал пароход „Амур“, на котором ехал из Хабаровска на Пекин Министр путей сообщения князь Хилков».

«Милость и Истина»
Сборник стихотворений

По собственному признанию Ювачева, в молодости он «не очень любил стихотворения»[1]*. Но в его жизни был период, когда он активно занимался стихотворством и даже предпринял попытку донести свои стихи до читателей*[2]*.*

Сочинять стихи Ювачев начал в Шлиссельбургской крепости. Его товарищ по тюремным прогулкам Н. А. Морозов вспоминал, что стихи – по преимуществу любовные или дружеские послания – писали почти все заключенные народовольцы[3]*. Стихотворения «лирического характера и притом очень сентиментальные» сочинял и Ювачев, записывая их на аспидной доске*[4]*. Однако более важным для него оказалось сочинение стихов религиозного содержания. Из таких стихотворений, написанных в крепости, по дороге на Сахалин и на каторге, он составил книжку.*

О существовании этой книжки мы узнаем из сахалинских дневников Ювачева. 15/27 марта 1890 года он записал: «Утром молился о книге стихотворений»[5]*. Работа над нею была закончена к концу марта*[6]*. Основу сборника составили более ранние, в некоторых случаях переработанные стихи, но вошло и несколько новых. Книжка*

1 О том, что в поэзии у Ювачева не было особых пристрастий, свидетельствует автоанкета 1893 года.

2 Опубликовано: *Строганова Евгения.* «Милость и Истина». О стихах Ивана Павловича Ювачева // Православная культура: История и современность. Научная серия под ред. Елены Потехиной и Александра Кравецкого. – Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2016. С. 251–296.

3 *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Мемуары: В 2 т. – М.: Наука, 1965. Т. II. С. 444–446.

4 *Миролюбов И. П.* В заточении // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 201.

5 ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 12 об. Далее этот дневник цитируется без указания номера фонда, описи и единицы хранения.

6 См.: «Кончил стихотворения» (Дн. 2. Л. 14 об., зап. 31 марта/12 апреля 1890).

предназначалась для самого близкого человека – Марии Антоновны Кржижевской, которой Ювачев и отдал ее 1 апреля 1890 года: «После обедни спешил к М.<арии> Ант.<оновне>. Плохо встретились в сенях. Разговлялись. Дал ей книгу стихотворений» (Дн. 2. Л. 14 об.)[7].

Уже на следующий день Кржижевская передала ему желание начальника Тымовского округа А. М. Бутакова, чтобы он выбрал из Священного Писания текст для памятника на могилу недавно умершей жены Бутакова. «Посему начал читать Псалтирь и сочинял стихи», – читаем в дневнике (Дн. 2. Л. 15). Здесь аккуратно выписаны номера глав и стихов из Библии и зафиксирована работа над текстом эпитафии. Задание Бутакова вызвало у Ювачева намерение «украсить» надписями и другие могилы, и он пишет ряд эпитафий, о которых позже с гордостью скажет, что «4 из них отлили чугунными буквами на чугунной доске в роды родов...» (Ед. хр. 3. Ч. 5. Л. 2 об.)[8].

Но осенью 1891 года должен был уезжать в центральную Россию доктор В.А. Сассапарель, и у Ювачева появляется мысль переправить свои стихи родным. Полагая, что они могут оказаться полезны «религиозным людям», 5 июля он сообщает о своем намерении Кржижевской и при этом добавляет: «Только надо бы на всякий случай оставить копию с них у нас»[9]. Кржижевская взялась помочь ему и сделала копию со своего экземпляра, которая была дополнена несколькими стихотворениями, в основном эпитафиями, написанными после 1 апреля 1890 года. Она завершила работу 26 сентября /8 октября, незадолго до отъезда доктора (Дн. 2. Л. 85 об.).

Готовясь передать книжку, 27–28 сентября Ювачев пишет сопроводительное послание, адресованное брату, в котором излагает историю написания стихов, что и отмечает в дневнике: «Писал письмо Андрюше о своих стихотворениях, чтобы отправить его с доктором» (Дн. 2. Л. 86). Это письмо – сложенный вдвое и исписанный с четырех сторон листок – сохранилось. Позже карандашом было добавлено жанровое определение – Введение. Здесь изложена история обращения Ювачева

---

[7] Через два года после этого М.А. Кржижевская умерла, и, прощаясь, Ювачев положил свои стихотворения, «для Нее писанные», в гроб (Дн. 2. Л. 113, зап. 9/21 июня 1892).

[8] См. также: «Видел на кладбище свои стихотворения „на чугуне"» (Дн. 2. Л. 85 об., зап. 22 сентября / 4 октября 1891).

[9] Сам Ювачев в это время находился в селении Александровском, куда был командирован для выполнения работ, требовавших его квалификации как флотского офицера.

к стихотворству и рассказано о появлении отдельных стихотворений, по сути, дан авторский комментарий. Рукопись самой книжки также сохранилась, но не тот экземпляр, который был отправлен родным, а копия, оставленная для себя[10]. Эта тетрадь впоследствии была дополнена записями других стихов и церковных песнопений.

Книжка включает 68 текстов, написанных в период с 1885 по 1891 год. Большинство стихотворений ориентировано на традиционные церковные жанры: это переложения молитв («Отче наш», «Богородице Дево»), псалмов (69, 89, 96), тропарей («Святителю Николаю», «Пасха») и др. Для них характерно стремление к буквальной передаче источника, авторский произвол в таких стихотворениях минимален, «жажда песнопенья» выливается в рифмованное воспроизведение текста оригинала, иногда довольно удачное.

В сборнике много молитв собственного сочинения, которые обращены в основном к Богородице – всего около 20 стихотворений. Богоматерь – центральная фигура поэтической рефлексии автора; ей, «Заступнице грешных», к которой еще в Шлиссельбургской крепости он «привязался всем сердцем, как ребенок к родной матери», Ювачев посвящает стихи и адресует свои упования и мольбы. Значимость этого образа для него усиливалась тем, что в реальной Марии Кржижевской он находил ту великую любовь к людям, которую безмерно чтил в Марии небесной. В некоторых стихотворениях эти два образа сливаются воедино, так что бывает трудно различить, к кому обращено слово лирического субъекта[11]. Уже после смерти Марии Антоновны было написано стихотворение, из текста которого совершенно ясно, что подобное смешение было сознательной установкой стихотворца, символически отождествлявшего Марию земную с Марией небесной. Это стихотворение уникально тем, что Ювачев складывал его день за днем, точно фиксируя даты. Рассказывая в стихах свою историю, он как будто заново проживал ее и тем самым продлевал жизнь Марии Антоновны. К сожалению, стихотворение осталось незаконченным или же полный его текст неизвестен.

[10] Не сразу обнаружив эту рукопись, я считала, что книжка утрачена, и предполагала реконструировать ее состав (см.: *Строганова Е. Н.* Поэзия и молитва (о книжке стихотворений Ивана Ювачева) // Северо-Запад: Историко-культурный региональный сборник. Вып. III. Сборник памяти В. А. Сапогова. – Череповец: Изд-во ЧГУ, 2000).

[11] *Строганова Евгения.* «Мария добрая явилась...»: (шлиссельбуржско-сахалинские стихи И. П. Ювачева) // Alexandro Il'ušino septuagenario oblata. – М.: Новое издательство, 2011. С. 242–253.

Складывание стихов было для Ювачева глубокой внутренней потребностью, но процесс сочинения оказывался труден[12]. Слабо владея приемами версификации, он в техническом смысле апеллировал к известным поэтическим образцам. Некоторые стихи слагал «размером поэта Кольцова», другие – размером «наподобие некрасовских стихов», две рождественские песни написаны «на известный голос хороводной песни», при этом ряд стихотворений имеет нотное сопровождение. Не ощущая в себе поэтической силы, стихотворец всецело полагается на Бога:

Что худо – то моя поспешность;
Что хорошо – то Божья благодать; –
Прости, Господь мою погрешность; –
Сам помоги мне что и как писать[13].

Записи о том, что он молился о книге стихотворений, показывают, что по типу авторского поведения Ювачев был подобен древнерусскому книжнику, полагавшемуся на высшее покровительство и отрекавшемуся от собственной воли.

В книжке немало стихотворений, связанных с событиями религиозного характера («На память явления Тихвинской иконы Божией Мате-

---

[12] Стихи Ивана Павловича, возможно, не те, о которых идет речь, а какие-то другие, были известны его домашним, о чем свидетельствует эпиграмма Хармса 1925 года:

Мои стихи тебе папаша
Напоминают просто кашель.
Твой стих не спорю много выше
Но для меня он шишел вышел

(Глагол. 1991. № 4. Хармс Даниил. Горло бредит бритвою: случаи, рассказы, дневниковые записи / Сост. и коммент. А. Кобринского и А. Устинова. С. 76, 77). Комментарием к этому тексту могут служить слова дочери Ювачева Е. И. Грицыной, которая вспоминала, что отец не признавал стихи сына и одобрял только два несохранившихся его стихотворения, которые были написаны «во время финской войны» (Елизавета Ивановна Грицына вспоминает // Театр. 1991. № 11. С. 42). Но, судя по эпиграмме, сын также не одобрял стихотворные опыты отца.

[13] Можно сравнить эти стихи с молитвой Даниила Хармса, который обращается к Богу как истинный поэт – соперник Творца:

Господи, накорми меня телом Твоим
Чтобы проснулась во мне жажда движения Твоего.
Господи, напои меня кровью Твоею
Чтобы воскресла во мне сила стихосложения Моего

(Глагол. 1991. № 4. С. 121–122).

ри», «В 100-летнюю память Тихона Задонского», «В 800-летнюю память перенесения мощей Святителя Николая») и сюжетами Священной Истории («Σαούλ. По Ветхозаветным книгам», «Σαούλ. По Новозаветным книгам»). Но многие стихотворения, ставшие непосредственным откликом на ситуации жизни самого автора, в силу условий их создания сохраняют волнующую непосредственность переживания. Таковы стихи, написанные в трюме парохода «Нижний Новгород», «сплавлявшего» каторжников на Сахалин[14], некоторые из них сохранились и в письмах Ювачева к родным. В таких стихах поэтическое несовершенство искупается эмоциональной искренностью. Наивно и подчас не очень ловко автор складывает строки, устремленные к Богу, с просьбой о ниспослании истины и благоволении. Каждое из стихотворений в отдельности и все они в совокупности создают впечатление одной горячей мольбы.

В. Дорошевич в своей книге о Сахалине писал, что вся каторжная поэзия по содержанию представляет собой «страшную массу жалоб на судьбу, на людей, на окружающих, на несправедливость. Массу жалоб на утрату веры, надежды, любви»[15]. Стихи Ювачева совершенно другие: признавая, что «мир лежит во зле», он не жалуется и не ропщет, но уповает на истину и милость Бога. Книжку свою он так и предполагал назвать – «Милость и Истина». Стихи Ювачева не имеют эстетического значения, но они интересны и ценны как уникальный человеческий документ, своего рода рифмованный дневник, запечатлевший события внешней жизни автора, но в большей степени его внутреннюю жизнь – поиски истины и способов противостояния царящему на земле злу.

Стихотворный сборник Ювачева публикуется по тетрадной копии, сделанной его рукой, в сносках отмечена имеющаяся в рукописи правка[16]. Этот, по сути, авторизованный сборник, в настоящем издании дополнен стихотворениями, сохранившимися в письмах к родным и не включенными в книжку, а также несколькими незавершенными стихами.

Тексты печатаются с учетом современных правил и норм, в отдельных случаях сохранены грамматические особенности оригинала.

---

[14] О специфическом употреблении на Сахалине глагола «сплавлять» писал В. Дорошевич: арестантов на Сахалин «сплавляют», а служащих «навозят», поэтому в разговоре первых можно услышать: «Ты какого сплава?», у вторых – «Вы какого навоза?» (*Дорошевич* В. М. Сахалин: В 2 ч. М., 1903. Ч. I. С. 202, 204).

[15] *Дорошевич* В. М. Указ. соч. Ч. II. С. 166.

[16] Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 3. Л. 1–24. Зачеркнутые слова показаны в квадратных скобках.

МИЛОСТЬ И ИСТИНА[17]

ВВЕДЕНИЕ[18]

*Добро, горе благословите Бога,
и вознесите имя Его, словеса дел
Божиих благочестно сказующе
(Тов. 12.6)*

Будучи офицером, я не очень любил стихотворения, но года через два после моего ареста, по особенной милости Божией, я попробовал сочинять стихи в тюрьме. Первые мои стихотворения я должен был удерживать в памяти, потому что не имел еще тогда ни бумаги, ни карандаша. В (средине?) 1885 года мне дали то и другое, тогда некоторые стихотворения я записал. Один генерал с моего позволения взял с собою те тетрадки, и где они теперь – я не знаю[19]. Мое уединение помогало мне чаще обращаться к Богу, а вместе с тем явилось и желание хвалить Его по мере сил и способностей за Его великие милости и Его любовь ко мне, какую я ощущал тогда в тюремном заключении. Сам же я привязался всем сердцем, как ребенок к родной матери, к Марии – Небесной Царице, к Божественной Матери нашей. Вот ей, Заступнице грешных, я посвящал мои стихотворения. Однажды переложил молитву к Святому Духу в стихи, обращаясь к Царице Небесной. Помню, был прекрасный день 4 июня 1885 г. Небо голубое; солнце ярко освещало с голубого неба. Меня позвали на прогулку. Гулял же я тогда один в узком огороженном месте под надзором офицера и часовых на вышке. Я, вошедши в свое отделение, снял шапку пред церковным крестом, который виднелся из-за стены, и начал чи-

---

[17] В тетрадной копии это название отсутствует, но поскольку во Введении вполне определенно выражена авторская воля, полагаю, что сборник следует называть именно так.

[18] Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 3. Ч. 5. Л. 1–2 (Письма Ювачева к родным. 1886–1897). Слово «Введение», судя по всему, написано позже.

[19] Оржевский Петр Васильевич (1839 – 31 марта 1897), заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов (1882–1887). В бумагах Ювачева сохранилась газетная вырезка, датированная 1907 годом, с извещением о том, что 31 марта, в десятую годовщину смерти Оржевского, «будет отслужена заупокойная литургия, а после панихида в церкви штаба отдельного корпуса жандармов…» (Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 87).

тать только что сочиненную молитву: «Небесная Царица мира! нам утешение подай», потому что это был час призывания Святого Духа (9-й час утра, или 3-й по восточному: «Господи, иже Пресвятого Твоего Духа *в третий час* апостолам Твоим ниспославый»[20]... и проч.). Вдруг летит голубь и прямо ко мне; пролетел мимо правого уха и сел сзади у ног; а я стоял в узком пространстве у двери и, не поворачиваясь, продолжал читать стихотворение. Надо заметить, [что] я не видел там ни раньше, ни после голубей, а потому в голове у меня шевельнулось сомнение – да голубь ли это? Как бы в ответ на эту мысль, голубь подымается и, пролетев мимо левого уха, чуть не касаясь его, садится прямо предо мною. Я в восторге дочитываю мою молитву-стихотворение, как отворяется дверь и на пороге показывается офицер и жандармы. Оказывается часовой, видя происходившее в моем отделении, поспешил доложить офицеру-смотрителю (он в это время разводил других заключенных). [Тогда] Один из жандармов бросился к голубю, но тот поднялся и улетел. Замечательно, это было на память Святителя Митрофана[21], а Mytpo-fanýs значит «Являющий Матерь»[22]. С тех пор я считаю нужным прочесть каждый день эту молитву Божией Матери. Да, я верю, что и Тихвинская икона по воздуху неслась над этим же самым Ладожским озером «как солнце светлое» в 1383 г.[23], т. е. 500 лет тому назад. Значит, в 1883 году был юбилей ее. В этом же 1883 году был другой юбилей, и как раз в день моего ареста 13 августа, Святителя

---

[20] Церковный богослужебный круг приурочен к определенному времени суток; отсчет богослужебных суток ведется с вечера в последовательности: вечерня, повечерие, полунощница, утреня, 1, 3, 6 и 9-й часы (соответствуют 7-му, 9-му, 12-му и 15-му часам от полуночи); литургическая тема третьего часа – воспоминание о сошествии Святого Духа на апостолов.

[21] Святитель Митрофан – первый патриарх Константинопольский (315–325). День памяти – 4/17 июня.

[22] Μητροφάνης (*греч.*) – матерью явленный.

[23] По преданию, икона, написанная апостолом Лукой, с V века находилась в Константинополе. «В 1383 году, за 70 лет до взятия турками Константинополя, икона исчезла из храма и в лучезарном свете явилась над водами Ладожского озера. Чудесно носимая с места на место, она остановилась близ города Тихвина» [http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=21914] [1.07.2015]. Ювачев цитирует тропарь, исполняемый в день явления иконы 26 мая/8 июня: «Днесь, яко солнце пресветлое, возсия нам на воздусе всечестная икона Твоя, Владычице, лучами милости мир просвещающи...» (Тропари, кондаки и величания на праздники Господни, Богородичны, великих святых [http://www.bogoslovy.ru/troparip.htm] [1.07.2015]).

Тихона Задонского[24]; поэтому ради его столетнего юбилея я написал стихи так, что можно и ко мне приложить их, когда я сидел в каземате, как в гробу. Тюрьма, конечно, вызвала у меня несколько стихотворений относительно заключенных, которым, я думаю, подчас так же было тяжело, как и мне иногда, что вызвало с моей стороны слезную просьбу к «Ангелу-Хранителю» 24 февраля 1886 г. Это было время, когда перекладывал молитвы в стихи размером поэта Кольцова. Тогда же я хотел посвятить несколько строчек святым на каждый день в продолжение всего года, но, не имея при себе «жития святых», я чрез 2 месяца прекратил эту работу. От нее сохранились стихотворения: «Иоанну Предтече», «Сорок Мучеников», «Хрисанфу и Дарии».

Наконец, на память Александра Невского, 30-го августа 1886 г., мне объявили о ссылке на Сахалин как о Монаршей милости и повезли в Петербург. Свидание с родными вызвало у меня сильное желание возбудить у них охоту к чтению Библии, которая стала для меня так же необходима, как хлеб и вода для тела. Это [вызвало] заставило меня написать несколько стихотворений на Библию – Слова Божия. В последних числах октября и в первых ноября я заболел: на ноге показалась «рожа» – болезнь, которая переходит, говорят, [чрез] от больного к здоровым чрез прикосновение; однако это не помешало прийти ко мне сестре и даже маленькой племяннице Людмиле. За это я написал последней на праздник Рождества две песни на известный голос хороводной песни. С этих пор я стал соединять поэзию с музыкой, т. е. писать стихи на какой-нибудь заимствованный мотив (голос). Так напр.<имер>, стихотворение «Σαούλ», где в двух параллельных рядах стихов сравнил ветхозаветного Саула с новозаветным Павлом-апостолом, который носил раньше тоже имя Σαούλ (Деян. IX. 4. 17 на греч.<еском> языке)[25]. С весною следующего 1887 г. стал собираться к морскому переходу на Сахалин, т. е. просить Николая Святителя о его скорой помощи на море. Кстати, как раз 9 мая 1887 г. случился 800-летний юбилей его морскому переходу из Миры Ликийской в город Бар[26].

[24] Тихон Задонский, в миру Тимофей Савельевич Соколов, при рождении Кириллов (1724–1783) – епископ Воронежский, богослов, православный просветитель, почитается как чудотворец.

[25] Ювачев ссылается на фрагменты Священного писания, где упоминается доапостольское имя Павла.

[26] Речь идет о перенесении мощей святого Николая из Миры Ликийской в итальянский город Бари.

27 мая благословили родные и меня в дорогу, а в июне месяце вступил на пароход. Афон и дивное место перехода Израиля[27] взволновали мое сердце, и я поспешил увековечить память этих дней стихотворениями.

С приездом на Сахалин я еще больше убедился, что судьба моя связана с чудотворною Казанскою иконою Божией Матери. Я с удовольствием[28] занялся постройкою храма как плотник и писал свои стихотворения на досках. Вскоре я познакомился, а потом и породнился духовно с некоторыми жителями селения Рыковского. Им я посвящал свои стихотворения, особенно Марии Антоновне Кржижевской[29]. В 1889 году я позволил себе написать впервые самостоятельно голос (мотив) на стихотворение «Загляни Мария Дева». Я так доволен был моим успехом, что в начале следующего года (1890) переложил еще целый псалом Давида (69й) и тоже со своей музыкой.

В это время я понял, что Давид воспевает главным образом «Милость и Истину» Бога, – так я и озаглавил мою книжку стихотворений.

Весна этого года унесла с собою некоторых замечательных людей нашего селения. Сочувствуя общему горю, я написал несколько надгробных стихотворений. 4 из них отлили чугунными буквами на чугунной доске в роды родов...

Между тем в С. Петербурге совершается домашний праздник: 50-тилетний юбилей государственной службы моего отца. Ради такого события, я переложил на 8й глас Львовских ирмосов[30] 89й псалом Моисея о скоротечности нашей земной жизни. В последний 1891 год я мало занимался стихами; только летом, под сильным впечатлени-

---

[27] Имеется в виду библейское предание об исходе израильтян из Египта (Исх. 14:15–16) – переход по дну Чермного (Красного) моря (согласно современным исследованиям, по дну залива Акаба).

[28] В тексте описка: удольствием.

[29] В тексте описка: Крижевской.

[30] Принцип «осьмогласия» является музыкальной основой православного богослужения. Каждый из восьми гласов – это некая устойчивая мелодия. Ирмос – начальная строфа каждой из девяти песен канона, мелодико-ритмическая модель ее тропарей, соотносящаяся с определенной песнью канона Ветхого Завета. Львов Алексей Федорович – композитор, директор придворной певческой капеллы, гармонизировавший церковные напевы, автор «Воскресных и праздничных ирмосов», «Сокращенного ирмология знаменного распева» и др.

ем Лютеровского гимна[31], на те же ноты написал начало 96го псалма; а в августе в селении Александровском написал эпиграф на Библию на мотив известных некрасовских стихов[32]. *Такова история моей маленькой книжечки стихотворений.*

Переложение молитвы «Царю небесный»

Небесная Царица мира!
Нам утешение подай;
Всех Духом истины и мира
Всегда повсюду исполняй.

Источник жизни бесконечной,
Сокровище благих даров!
Ты соблюди в любви нас вечной;
Приди, очисти от грехов.

Спаси Божественным покровом;
Молитвы нашей не отринь;
Прими, Благая, в Царстве новом,
Во веки Славная, Аминь.

Шлиссельбург, 4 июня 1885 г.
на память Святителя Митрофана (Mytpo-fanýs)
в 9 ч. утра (3-й час по-церковному)

На память явления Тихвинской иконы Божией матери 500 лет

Как солнце светлое восходит
И звезды меркнут в небесах,
Так чудный Образ Твой приходит,
Носимый в ангельских руках.

[31] Мартин Лютер был автором более тридцати гимнов. Вероятно, имеется в виду популярный гимн «Ein feste Burg ist unser Gott» («Господь – наш меч, оплот и щит», в других переводах: «Твердыня наша – вечный бог», «Господь – могучий наш оплот» и др.).

[32] Имеется в виду некрасовское стихотворение «Размышления у парадного подъезда», написанное трехстопным анапестом.

Любви лучами согревает,
Надежду в мире подает,
И светом веры просвещает
Тобою избранный народ.

Больных, убогих исцеляет
Твой Образ, дивный в чудесах;
Недужных, грешных укрепляет
Скорбящих, страждущих в слезах.

За милость и любовь такую
Мы искренно благодарим.
Тебя, Царицу Пресвятую,
Сердечно славим и хвалим.

Ты – Матушка нам дорогая,
Молений наших не отринь;
И чудным Образом, Святая,
Нас, грешных, молим, не покинь.

Шлиссельбург, июнь 1885 г.

Подражание Письмо исповедников Феодора и Феофана к Патриарху Мефодию[33]

14 июня

Во гробе сущему – к живому, –
Окованные к узнику послали, –
Душою в небесах – к земному –
Исписанные лица написали.

[33] Стихотворение на сюжет из Жития патриарха Константинопольского Мефодия (788/800–847; день памяти 14/27 июня). Как противник иконоборчества он был заточен царем Феофилом в гробовой пещере на пустынном острове, куда ему доставлял пропитание некий рыбак. Царь также подверг мучениям исповедников Феодора и Феофана (им выжгли железом надпись на лице о поклонении иконам) и отправил их в заточение. Проплывая мимо острова, где томился Мефодий, исповедники через рыбака передали ему приветствие: «К живому, как мертвому сидящему во гробе, к земному, обходящему горние страны и к носящему узы, пишут окованные, имеющие „лица начертаны"». В ответ Мефодий написал: «Погребенный прежде смерти и скованный узами приветствует тех узников, из которых каждый, имея „начертанное лице", вписан горе в книгу жизни» [http://idrp.ru/zhitiya-svyatih-lib584] [1.07.2015].

Ответ Патриарха

Не видя смерти, погребенный
И связанный шлет к связанным посланье.
На небе вписанным подземный
Исписанным шлет лицам целованье.

Шлиссельбург, 1885 г.

В 100-летнюю память Тихона Задонского

13 августа 1783–1883 года[34]

От нас ты взят, но жив душою.
В гробу, и телом не истлел.
Но каждый день мы ждем с тоскою,
Чтоб к нам ты снова прилетел.

Шлиссельбург, 1885 г.

На память Логина сотника

16 октября[35]

Кто Крест Христов пренебрегает, –
В водах и узах смерть и ад.
Но если со Христом страдает,
Тот после будет очень рад.

Не все понятно

Не Слову верят маловеры,
А плотским собственным умам.
Но что осталось бы для веры,
Когда все ясно было б нам?

---

[34] Тихон Задонский скончался 13 августа 1783 года, 100 лет спустя – 13 августа 1883 года, Ювачев был арестован (эти даты соотносятся и в письме Ювачева к жене от 8/21 июля 1905 года. – Ед. хр. 1. Л. 9 об.)

[35] Лонгин (Логин) – по преданию, один из стражников, находившихся при казни Христа и уверовавший в него; принял мученическую смерть. День памяти – 16 октября.

Крещение заключенного

Вошел он с темными власами,
А вышел с белыми, как лен;
Лицо омытое слезами,
Душой и телом обновлен.

Узникам тюрьмы

Если бы молодость знала!
Если бы старость могла!
Жить бы опять им сначала!
Но... их могила взяла.

Вас, умирающих, знайте,
Бог воскресит во Христе.
Вы же терпите, страдайте:
Бог сам страдал на кресте!

Шлиссельбург

Святителю Николаю
(Н. Морозову)

Людей ты Словом победитель,
Премногих воинов славней, –
Моли у *истины*, Святитель,
Да даст нам, что всего сильней.

(2 Ездры IV.41)[36]

Ты воздержания учитель,
Богатство нищетой стяжал, –
Моли *премудрость*, наш хранитель,
Да что всего дороже б дал[37].

(Иов. XVIII)

---

[36] «И перестал он говорить. И все возгласили тогда и сказали: велика истина и сильнее всего» (2 Езд. IV:41).

[37] По преданию, Николай Чудотворец родился в состоятельной семье, рано избрал путь религиозного подвижничества и после смерти родителей отдал их состояние на нужды благотворительности.

Ты, образ кротости, с любовью
И душу за людей отдал, –
Моли *любовь* завета кровью,
Всего что больше нам бы дал.

(1 Кор. XIII.13)[38]

Николаю Морозову
(Загадка)

Как помертвевший куст в морозы
Таит в ветвях цветной убор,
Так в сердце он скрывает розы,
А по лицу зовется – «мор»[39]!

Но вот прошли снега и холод,
Льет солнце свой весенний свет, –
И куст наш снова жив и молод,
Цветами алыми одет.

Шлиссельбург, 6 декабря 1885 г.

Ангелу-Хранителю[40]

Вознеси, молю,
Ко Всевышнему
Просьбу слезную
Богу нашему.

И еще молю
Богородицу,
Матерь Божию,
Всех заступницу.

Да Спасителя,
Христа славного,
Искупителя,
Бога вечного.

Ангел Божий мой,
Друг мой истинный,

38 «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. XIII:13).

39 Стихи представляют собою шараду, в которой обыгрываются составные части фамилии: «мор» и «розы».

40 Стихотворная рефлексия автора связана с днем его именин.

Помолись со мной
Светлый праведный.

Нет покоя мне;
Лишь печаль одна.
Тяжело во сне;
Тяжелей без сна.

Покровитель мне
И Наставник мой,
Не оставь во сне,
Ты побудь со мной.

Ты, хранитель мой,
Сохрани меня.
Не оставь, Святой,
Для святого дня.

Да придет скорей
Милый цвет весны,
Радость светлых дней,
Тихий мир в любви.

Небо синее
Зелень яркая.
Солнце светлое
Весна ясная.

Шлиссельбург, 24 февраля 1886 г.

В начале поста Иоанну Предтечи

К нам пришел Святой
Для крещения,
Очищать водой,
Для прощения.

Твоя проповедь
Продолжается:
Мы спешим говеть,
Чтоб покаяться.

Ударяя в грудь
С сокрушением,
Понесем весь труд
С покаянием.

Да услышит стон
Бог Израиля.

Да спасет Господь
Бог Иакова[41].

Да придем скорей
В светлый Божий дом,
В Царство мирное
Христа славного.

Да пасет Господь
В полевых цветах;
Да насытит нас
От небесных благ.

И да будем мы
Домом Божием
Причащением
Христа нашего.

Да подаст Господь
Нам покой и мир.
Да ведет любовь
В вечной радости.

Ведь все братья мы
Одного Отца,
Одного Отца –
Бога на небе.

Ведь все сестры мы
Одной Матери,
Одной Матери –
Церкви Божией.

Шлиссельбург, 24 февраля 1886 г.

Проповедь

Так будет многое обратно,
Что делается на земле.
Блаженство примем невозвратно,
Когда прейдет сей мир во зле.

---

[41] Иаков – библейский патриарх. По преданию, вступил в противоборство с ангелом, посланником Бога, и выстоял, за что получил имя Израиль – «боровшийся с Богом» (по другой версии: «Бог правит»): «И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт. 31:28). Сыновья Иакова получили имя сыновей Израилевых; начиная с Моисея именование «сыны Израилевы» распространилось на весь еврейский народ.

Тогда в последних первый будет;
Последний в первые придет.
Кто сеял слезы – их забудет;
А кто не знал их – тот пожнет.

Богач богатство потеряет;
А бедный вечное найдет.
Кто злато, серебро бросает,
Тот в сто раз больше соберет.

Здесь хорошо, – там худо будет;
Здесь худо, – хорошо потом.
Кто кров родной теперь забудет, –
В жилье получит Божий дом.

Смотрю на небо – распеваю;
Гляжу на землю – плачу я.
С какой тоской я ожидаю,
Чтоб небо было нам земля!

Шлиссельбург

Переложение молитвы «Отче наш»

В небесах Отец!
Да святится в нас
Твое светлое
Имя дивное.
Царство мирное
Да придет скорей;

Как и на небе,
На земле внизу,
Чтобы воля в нас
Да Твоя была,
Наш небесный Царь,
Преблагий Отец!

Хлеб насущный наш
Нам сегодня дай.
Долги многие
Отпусти Ты нам.
Как и мы грехи
Должникам своим

Отпускаем все,
Так и Ты прости.
Не введи Ты нас
В искушение;

Но избави нас
От мучений, зла.

Твое Царство есть,
Сила – сделать все,
Слава вечная,
И во век Аминь.

Шлиссельбург

Переложение молитвы «Богородице Дево»

Богородица
Дева радуйся!
Благодатная
Мать небесная.

О Мария-Мать
Бога вечного!
Господь Дух Святой
На Тебя сошел.

Благословно мы
Тебя чтим в женах,
Матерь Божию,
Всех Заступницу.

Благословно мы
Чрева плод святой
Славим светлого
Христа нашего.

Родила Ты нам
Душ Спасителя,
Искупителя,
Бога славного.

Псал. 44, ст. 17.[42]

---

[42] «Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле» (Пс. 44:17). Согласно толкованию А.П. Лопухина, псалом написан на бракосочетание царя Соломона с дочерью фараона и «предсказание о всемирном господстве преемников Соломона нужно понимать не как предсказание их великого исторического значения, осуществленного в действительности, а как тот идеал царя и его преемников, оставаясь верными которому (идеалу), они могли быть князьями всего мира» (*Лопухин А.П.* Толковая Библия... СПб., 1907. Т. 4. С. 224). Существуют и другие толкования, например: «Поелику сказал ей: „забуди... отца твоего", то говорит: вместо прежних отцев твоих, т. е. вместо учителей,

Вот отцы Твои
Сыновья Тебе;
Силу, власть подашь
Им по всей земле.

Собери под кров
И согрей в любви;
Нас земных сынов
В небеса введи.

Шлиссельбург, 1886 г.

Сорок мучеников
(Иеромонаху Ираклию)[43]

Как во озере
Ночью темною
В зиму лютую –
Время страшное,

Сорок избранных
Окрестилися.
В муках смертных злых
Севастийских вод.

Тем подал Господь,
Сколько дней поста,
Столько праведных
Нам ходатаев.

Шлиссельбург, 9 марта 1886 г.

будут у тебя сыны. „Сынами" же называет или святых Апостолов, по сказанному Господом: „сынове ваши о ком изгонят?" (Лк. 11, 19) или тех вождей церковных, которые были сынами Церкви, но которых Господь Иисус поставил князьями всей земли, по сказанному: „шедше... научите вся языки" (Мф. 28,19)» (*Афанасий Великий, свт.* Толкование на Псалмы. М.: Благовест, 2011. С. 158).

[43] Стихотворение посвящено священнику Рыковской церкви о. Ираклию. Сорок мучеников – воины-христиане, погибшие в Севастии около 320 года. Находясь на службе в римском войске, они не пожелали отречься от своей веры, за что подверглись мучениям: в сильный мороз их целую ночь держали на льду замерзшего озера, затем перебили голени и сожгли тела, а останки бросили в воду. День памяти – 9/22 марта, в этот день облегчается строгость Великого пост. В народном календаре к этому дню приурочен праздник Сóроки (Сорок сорокóв), или Жаворонки, знаменующий начало весны.

Надежда

Но не все ж зима,
И весна придет, –
Разрешится тьма,
И тоска пройдет.

Хрисанфу и Дарии
(Матери)[44]

Уловляя ты
Золотой цветок,
Уловилася
В ниву Божию.

Как сестра и брат
Полюбилися
Браком ангельским
Повенчалися.

Шлиссельбург 1886 г.

Ο λογος σαρξ εγενετο[45]
(Логовскому)[46]

Мы приобщаться не престанем
В воспоминание Христа,
Коль Слово Божие читаем,
Его берем в свои уста.

Шлиссельбург, 1886 г., 26 августа

---

[44] Имя матери Ювачева – Дарья. Хрисанф и Дария – святые мученики. Согласно преданию, Хрисанф юношей принял христианство и хранил девственность. Отец, желая вернуть сына в язычество, женил его на Дарии, жрице Афины Паллады, но и она стала христианкой, приняв веру мужа. Супруги вели целомудренную жизнь и призывали к тому других. Не пожелав отречься от своей веры, они были подвергнуты страшным мучениям и заживо погребены.

[45] Слово стало плотью.

[46] Лаговский Михаил Федорович (1856–1903), офицер-народоволец, был арестован в апреле 1884 года, в октябре 1885 года административно заключен в Шлиссельбургскую крепость на 5 лет, по истечении этого срока заключение продлили еще на 5 лет. Неточное написание его фамилии дало основание Ювачеву для ее обыгрывания.

Молитва о слове Божием

Родившая неизреченно
Нам Слово Агнца и Льва![47]
Да примем мы неосужденно
Его небесные слова.

Подай понять нам их значенье,
С *любовью* в сердце соблюсти.
С *надеждой* в мире на спасенье
Путь жизни в вере провести.

Санкт-Петербург, 19 ноября 1886 г.

Молитва о слове Божием

Слово-Бог в Тебя вселился,
Пресвятая наша Мать!
Миру грешному явился
Свое слово нам подать.

Дай его нам ежедневно,
С ним небесный мир яви,
Да возьмем неосужденно
Для спасенья, для любви.

С.-Петербург, ноябрь 1886 г.

Молитва

Под Твоим святым покровом
Соблюди в любви своей,
Утверди нас в вере Словом,
Дай надежду в жизни сей.

---

47 Образ Агнца-Льва восходит к Откровению Иоанна Богослова: «И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, *и может* раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее. И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю. И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле» (Откр. 5: 5–7). См. толкование этого фрагмента: «Агнец сей, Богословом в Апокалипсисе виденный, является образом кротости и вместе непобедимой силы Самого Агнца Божия, вземлющего грехи мира, Христа, Спасителя нашего, который в вольном страдании Своем „яко овча на заколение ведеся и яко агнец пред стригущим его безгласен“ (Исх. 53:7)» [http://www.hram-sdr.ru/index.php?module=pages&id=908] [1.07.2015].

Любови и Людмиле

Молит с Любовью Людмила:
«Бедных Ты нас не покинь:
Царство Твое есть и сила.
Слава во веки. Аминь».

Рождество Христово.
Для хоровода детям на елку

Тропарь[48]

Рождество Твое;
Христе Боже наш,
Воссияло свет
Миру разума. *(дважды)*

В нем служащие
Звездам-ангелам
Звездой учатся
Тебе кланяться. *(дважды)*

От востока знать,
С высоты небес;
Солнце светлое
Правды-разума. *(дважды)*

Тебе Господи
Слава вечная!
И Царице честь
Голубых небес! *(дважды)*

Кондак

Святой Девою
Божьей Матерью
Днесь рождается
Пресущественный. *(дважды)*

Мать сыра-земля
Принесла вертеп

[48] Начало стихотворения написано под нотным текстом.

Неприступному
Богу нашему. *(дважды)*

С небес ангелы
Славят с пастырьми;
Со звездой волхвы
Путешествуют. *(дважды)*

Днесь рождается
Ради нас Святой,
Отроча младой,
Да превечный Бог. *(дважды)*

С. Петербург, 28 ноября 1886 г.

В 800-летнюю память перенесения мощей Святителя Николая
1087–1887 г. 9 мая

Николай-отец Святитель!
Ради праздника зовем.
Добрый ангел наш хранитель,
Тебе песни мы поем.

Восемьсот лет пребывала
На востоке плоть твоя;
Столько ж лет не оставляла
И на западе края.

Но и нас не покидаешь:
Ты молитвою своей
Грешным милость посылаешь,
Просишь Бога за людей.

Призывать тебя, хранитель,
Научились от отцов, –
Помолись, чтоб их Спаситель
Помянул своих рабов.

В бурях вод мольбу приносим:
К тихой пристани веди!
И в житейском море просим:
С миром в помощь к нам приди!

С. Петербург, 9 мая 1887 г.

Святителю Николаю
Переложение тропаря[49]

Веры правило,
Образ кротости
И учитель наш
Воздержания!
Ты явил в себе
Стаду истину,
Пример праведный
Благочестия.

Посему стяжал
Со смирением
Превысокое,
Нищетою же
Пребогатое.
Николай-Отец!
Как начальника
Во священниках,
Моли, просим мы,
Бога нашего,
Христа славного
О спасении
Наших грешных душ.

С. Петербург, 1887 г., 18-го мая,
9–10 ч. вечера

Царь Саул[50]

Как меж зелеными кустами
Склонилась ива над водой,
Так, выше всех людей плечами,
Стоит с поникшей головой.

[49] Стихотворение написано в связи с предстоявшей отправкой на каторгу.

[50] Саул – первый царь Израиля (ок. 1029–1005 до н. э.), возможно, реальное историческое лицо. По преданию, он был очень высокого роста. Как можно судить по библейским текстам, утратив расположение Бога, Саул во вторую половину своего правления превратился в сумрачного и мнительного человека, о чем и говорится в стихотворении.

Благотворительницам
Подательницам пирожков на пути из Киева в Одессу[51]

Не только бедных и несчастных,
Любите весь мир, даже злых, –
И будет вам в мечтах прекрасных
Блаженство вечное святых.

Станция[52] 5 июня 1887 г.

На голос: «По синим волнам океана»[53]

Σαούλ
по ветхозаветным книгам

1 Царств. IX.2[54]

Из Вениаминова рода
В Израиле муж проживал,
Саул молодой знаменитый
Избранником Божием стал.

От плеч [был] он превыше народа,
[Он] Был силою славен и смел.
И телом всем был совершенство:
Порока нигде не имел.

С рабом он ходил в Палестине
Ослиц заблудивших искать;
Напрасны же были поиски:
Оне были дома опять.

В пути же он встретил Святаго;
Среди тридцати предпочтен.
Как Вениамин своим братом,
Особенно был угощен.

---

[51] Сюжет связан с отправкой на каторгу: осужденных по железной дороге этапировали в Одессу, откуда начинался их морской путь.

[52] Оставлено место для названия станции.

[53] Эта помета относится к обоим стихотворениям, носящим название «Σαούλ».

[54] В основе стихотворения история Саула, изложенная в Ветхом Завете: «Был некто из сынов Вениамина <...>. У него был сын, имя его Саул, молодой и красивый; и не было никого из Израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа» (1 Цар. 9:1–2).

Пророком святым Самуилом
Елеем помазан царем,
От Бога в земле Ханаанской
Поставлен в народе своем.

Прообраз Христа Иисуса,
Пророка Давида-царя
Преследовал с войском повсюду,
Злой ревностью сильно горя.

Когда же нашел дух мученья,
Покоя души не имел;
С тоскою взирая на небо,
Оставленный сердцем, скорбел.

Хотя для людей он великий,
Как смертный во прахе заснул;
Но с миром да будет во веки
У Бога в покое Саул.

С. Петербург

Σαούλ

по новозаветным книгам[55]

Деян. IX.4.17[56]

Из Вениаминова рода
В Израиле муж проживал,
Саул молодой знаменитый
Избранником Божием стал

Земной человек, но до неба
До третьяго был вознесен[57].
И в Духе Святом совершенством
Он больше других наделен.

[55] Первая и последняя строфы стихотворения повторяют предыдущее, однако речь идет не о царе Сауле, но о будущем апостоле Павле.

[56] В главе IX «Деяний» рассказано об обращении Савла, гонителя Христа, в христианство. Согласно преданию, он стал проповедником христианского учения апостолом Павлом.

[57] См.: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, – в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает, – восхищен был до третьего неба» (2 Кор.12:2). Согласно принятому толкованию, апостол Павел в 3-м лице говорит о самом себе.

Кого он считал в заблужденьи,
С людьми в Палестине искал.
Но не к чему были поиски:
Их Бог в Свое Царство призвал.

В пути его встретил Спаситель,
Высоким призваньем почтил,
Соделал избранным сосудом
И Духа Святого излил.

Был избран Христом Иисусом
И Богом Небесным Отцом;
Он в царствии Духа Святаго
Увенчан пресветлым венцом.

Гнал Церковь Христа Иисуса,
В тюрьму христиан он влачил;
Но после, по милости Бога,
За то их тем больше любил.

Но чтобы не мог возноситься,
Мученья дух плоть удручал.
Нести же все скорби и слезы
Господь ему силы подал.

Хотя для людей он великий,
Как смертный во прахе заснул,
Но с Богом да будет во веки
В покое преславный Саул.

29 ноября – 8 декабря 1886 г.

Канон на 3 голоса,

воспетый в Чермном море ссыльнокаторжными на пароходе «Нижний Новгород», когда их освободили от кандалов и в первый раз вывели омыться и подышать чистым воздухом наверху, 17 июня 1887 года[58]

1-ый ирмос

Поем мы Богу в Чермном море:
От уз избавил свой народ;
Он дал омыться на просторе;
Провел нас чрез пучину вод.

[58] Слова 1-го и 3-го ирмосов написаны под нотным текстом.

3-ий ирмос

Путь глубины перекрестивши,
К горе Синайской подошли.
В Твоем законе утвердивши,
Любовь нам в мире Ты пошли.

4-ый ирмос

Ты Ангела поставь на страже,
Каким бывал нам Аввакум[59].
Всесильный! нас веди туда же,
Где мир Твой не постигнет ум.

5-ый ирмос

Да разрешится тьма ночная,
И воссияет солнца свет.
Да будет в нас любовь святая;
Прими нас в вечный Твой завет.

6-ой ирмос

Как в море и в ките Иона[60],
Взываем к Богу, к небесам:
Не отврати лица от стона,
Будь к нашим милостив слезам.

7-ой ирмос

Того, Кто из огня избавил
От смерти отроков в печи[61],
Чтоб каждый человек прославил,
Да светят всем Его лучи.

---

[59] Вероятно, имеется в виду пророк Аввакум (7 в. до н. э.). Согласно Библии, возмущенный нечестием правителей и развращенностью народа, он обратился к Богу: «Доколе, Господи, я буду взывать, и Ты не слышишь, буду вопиять к Тебе о насилии, и Ты не спасаешь? Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия?» (Ав. 1: 2–3) – и ждал ответа: «На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал, чтобы узнать, что скажет Он во мне, и что мне отвечать по жалобе моей?» (Ав. 2: 1).

[60] Ювачев сравнивает каторжников с пророком Ионой, который за непослушание Богу был брошен с корабля в море и трое суток пробыл в чреве кита (Ион. 1–2).

[61] Подразумевается библейское предание о том, как во времена Навуходоносора трое иудеев, отказавшихся поклониться золотому истукану, были заживо брошены в печь, но спасены Богом (Дан. 3).

8-ой ирмос

Тобою жар огня выносим;
Водой Ты жертву попалил
Тебя во веки превозносим:
Ты что хотел, то и творил.

9-ый ирмос

Благословенную мы славим
Царицу неба и земли.
Мы пресвятою величаем, –
Кто избавляет нас от тли[62].

Молитва Царице Небесной
В день Пресвятой Троицы

С разумной Верой Слову
Надежду в мире дай,
Ко всем Любовь Христову
Нам в сердце соблюдай.

Мы милость ждем большую;
Небесный мир пошли
И Благодать святую
В душе нам посели.

Пусть Истина наставит,
Премудростью учи.
Тебя Любовь пусть славит,
Язык мой, не молчи!

С. Петербург, 1887 г.

Мимо Афона
После строгой расправы с каторжными

От дум печальных и смущенных,
Боюсь здесь жизни на земле.
Мне видны муки угнетенных;
Я вижу: мир лежит во зле[63].

---

[62] Здесь: от тления.
[63] Ср.: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1 Иоан. 5:19).

Тревожная душа томится
В любви со всеми здесь сойтись.
Ей хочется в слезах излиться,
Молитвой к небу унестись.

12 июня 1887 г.,
на память Петра Афонского[64]

Б. О. Пилсудский

Петру Афонскому

Небесный Камень драгоценный
Царицей неба Пресвятой,
Как камень основной нетленный,
Положен на Горе Святой[65].

Шлиссельбург

Брониславу[66]

О, если волны бы заснули!
Покой и мир бы прилетел!
То звезды б из воды взглянули;
Я б в море небо усмотрел.

Южно-Китайское море,
14 июля 1887 г.

[64] Петр Афонский – по преданию, греческий воин, долгие годы томившийся в плену, где вспомнил о своем былом намерении уйти в монастырь. Он просил заступничества у Николая Чудотворца и был вызволен из темницы. По указанию Богородицы местом обитания выбрал Святую Гору Афон, где провел 53 года в посте и молитве.

[65] В стихотворении обыгрывается этимология имени Петр (*греч.* камень, скала).

[66] Бронислав Иосифович (Осипович) Пилсудский (1866–1918), член виленской группы «Народной воли», был обвинен как участник покушения на Александра III и приговорен к повешению, но по приговору царя казнь заменили пятнадцатью годами каторги. Вместе с Ювачевым плыл на пароходе «Нижний Новгород» из Одессы на Сахалин. Известный этнограф, исследователь малых народностей севера. См. о нем: *Серебренников Н. В.* Бронислав Пилсудский (материалы к биографии) // Труды Томского объединенного историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. Т. 7. С. 136–151.

Владимиру Ивановичу

Когда лишенный уж свободы
В тюрьме и узах я сидел, –
И так текли и дни, и годы...
Тогда-то Бога усмотрел.

Южно-Китайское море,
15 июля 1887 г.

Предтечи[67]

Пророк великий и Предтеча,
Ты – «Крепость Господа» – Илья!
Скажи: когда Христова встреча?
Прибудет проповедь твоя?

Великий океан, 20 июля 1887 г.

Божией Матери

(Надежде Михайловне Поповой[68])

Когда в болезнях мы вздыхаем
И в скорбной нищете живем –
О *милосердная*! взываем,
Все помощи Твоей мы ждем.

Не долго в горе мы бываем:
Ты скоро с милостью спешишь, –
О *добрая*! провозглашаем:
На всех с любовью Ты глядишь.

И вот мы снова оживаем
От изобилия даров.
И *щедрую* все величаем
Как Матерь множества сынов.

---

[67] Имя пророка Илии (*др.-евр.* אֵלִיָּהוּ, Элийяху) переводится как «Бог есть Иегова». Согласно православной традиции, Илия появится на земле, чтобы возвестить второе пришествие Христа. День памяти – 20 июля/2 августа.

[68] Н. М. Попова – фельдшерица в селении Рыковском, близкая подруга М. А. Кржижевской.

Селение Рыковское

Надежда
(Г-же Поповой)

Тогда мы счастливы бываем,
Когда Надежда в нас живет.
Еще к ней с неба пожелаем:
Любовь и Вера да придет!

Рыковское сел., 17 сентября 1887 г.

Божией Матери
При построении храма
Казанской иконы[69]

В честь славной пресвятой Иконы,
Во имя мира и любви,
Увидев горе, труд и стоны,
Свою защиту нам яви.

Сел. Рыковское, 27 авг.<уста> 1887 г.

---

[69] По приезде в Рыковское Ювачев некоторое время работал плотником на строительстве храма Казанской Богоматери, икону которой считал своей небесной покровительницей.

Построение храма
Притча

Положен крест в основе храма,
Страданья, муки, тяжкий труд, –
И вот под лесом скрылась яма,
Но ждет ее готовый суд.

28 августа 1887 г.

Брониславу

Лишь только обнимется тьмою
Пустыня и свод голубой,
Обычно с молитвой ночною
Араб смотрит звезды с луной[70].
И глазом своим озирает
Теченье светил в небесах;
Глядит он, пока не признает
Все тот же порядок в звездах.

Сел. Рыковское, сентябрь 1887 г.

Переложение кондака Казанской иконы Божией Матери[71]
Иеромонаху Ираклию

О люди грешные! прибегнем
К той доброй пристани скорей,
Где бурь житейских мы избегнем:
Там тишина царит при Ней...

Помощница нам скоро кровом
Тепло дает любви огнем.
В Ее спасении готовом
Величье Девы узнаем.

---

[70] Возможно, отголосок «Легенды об арабском звездочете» из книги В. Ирвинга «Альгамбра» (эту фабулу использовал Пушкин в «Сказке о золотом петушке»).

[71] В стихотворении развиваются мотивы кондака Божией Матери пред иконой Ее Казанской, глас 8: «Притецем, людие, к тихому сему и доброму пристанищу, скорой Помощнице, готовому и теплому спасению, покрову Девы, ускорим на молитву и потщимся на покаяние: източает бо нам неоскудныя милости Пречистая Богородица, предваряет на помощь и избавляет от великих бед и зол благонравныя и богобоящияся рабы Своя» (Радуйся Радосте наша. Тропари кондаки, величания и молитвы Пресвятой Богородице. – М.: Неугасимая лампада, 2012. С. 23.).

Чтоб на молитву мы поспели,
На покаянье бы пошли,
Нам милости не оскудели:
Их в Богородице нашли.

Она на помощь предваряет.
Как благонравных всех сынов,
От бед и зол нас избавляет
Боящих Божиих – рабов.

Сел. Рыковское, 15–17 сентября 1887 г.

Мир

Нет, не могу я быть довольным,
Найти покоя на земле.
Здесь не хочу быть подневольным:
Искать добро, а жить во зле.
Повсюду горе и страданья
Средь мук и тяжкого труда;
Повсюду слезы и рыданья
И следом за бедой беда.

Но ведь не все ж на свете худо,
Ты скажешь, есть же и добро.
Весь мир – ведь это Божье чудо!
Вот облака, как серебро,
На солнце белизной сияют;
Средь гор там ручеек бежит;
Здесь в зелени стада гуляют
И с песней жаворнок летит.
Тихонько в воздухе прольется
Благоухание цветов...
Тогда с молитвою несется
На небо чистая любовь;
В душе улягутся волненья;
Улыбка на лице скользит
И ум пытливый без сомненья
О Боге сердцу говорит...

Но это мирное забвенье
Среди печали и забот
Оставит нас, как сновиденье,
Для новых жизненных хлопот.
Тогда опять средь огорченных
Себя увижу на земле,
И снова муки угнетенных:
Все тот же мир лежит во зле.

Божией Матери

Во образе Марии славлю
Тебя, Божественную Мать;
И где бы ни был, не оставлю
Всегда с любовью вспоминать.

Сел. Рыковское, 10 мая 1888 г.

Крест
Марии Антоновне

Нести нам надо крест страданий,
Чтоб верить в Бога и любить,
Не быть рабом плотских желаний,
Духовно чистым сердцем жить.

Нам надо пить Адама чашу –
Познание добра и зла,
Нести покорно тягость нашу,
Пока кончина не пришла.

Скорей, скорей бы нам достигнуть
Предела крестного пути!
А там – любовь и мир постигнуть,
В блаженство вечное прийти.

Сел. Рыковское

Молитва

К тебе с молитвой припадаем:
Всевышний, нас благослови!
На небе жить мы ожидаем
Во веки в мире и любви.

Марии, Божией Матери

И вдруг на поприще терпенья,
Когда был вне семьи родной,
Переносил я униженья,
Болезни и нужду порой,
Мария добрая явилась
В своей духовной красоте
И мигом сердце осветилось
Любовью к милой доброте.

Пленясь отзывчивой душою,
Твой внешний образ полюбил.
И как растение весною,
Про холод прошлых дней забыл.

Сел. Рыковское, 11 мая 1888 г.

Перед образом Марии Девы

Теперь, склонившись пред тобою,
Хотел бы скорбь души излить,
Залиться грустною слезою,
Мою любовь к тебе явить.
Хочу любить как матерь нежно,
Тебя помощницей иметь,
Твоим речам внимать прилежно
И пред тобой благоговеть.
Тебя, Марию дорогую,
Хочу с любовью целовать,
Как дочь любимую родную
В своих объятьях обнимать.
Хочу любить я всей душою,
Как нежный брат свою сестру,
И духом быть всегда с тобою,
Когда я плотию умру.

Сел. Рыковское, 12 мая 1888 г.

Годовщина 23 марта
1888–1889 г.

Мир и Любовь

Прости, забудь все прегрешенья:
Всесильный Боже, призови
В блаженство вечного спасенья,
К союзу мира и любви.

Облекши в светлую одежду,
Нам, Милосердный, обнови
Святую веру и надежду
Союзом мира и любви.

Чтоб мы Тебе служили вечно:
Ты нас, Святый, благослови –
В среде святых хвалить сердечно
В союзе мира и любви.

Сел. Рыковское, 23 марта 1889 г.

* * *

Мария
Радуйся благодатная![72]

Со Вседержителем вселенной
И Искупителем Христом
Хвала Тебе, Благословенной,
Всегда в собрании святом!

Шлиссельбург, 1885 г.

Марии Антоновне[73]

Загляни, Мария Дева,
В душу бедную, молю!
О! услышь, Царица неба,
Скрытых слез тоску мою.

Сел. Рыковское, 15 ноября 1889 г.

69-й Псалом Давида
В воспоминание[74]

Внемли мне, Боже милосердный,
Спеши на помощь мне прийти.
Господь, помощник мой усердный,
Прошу с небес ко мне сойти.
Да постыдятся, посрамятся,
Кто ищет душу погубить,
Да постыдятся, возвратятся,
Кто хочет зло мне причинить.

[72] Ср.: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие...» (молитва пресвятой Богородице). В рукописи поверх слова «Мария» нарисован крест.

[73] Стихотворение написано в нотном тексте.

[74] Есть также и нотный текст, в названии которого значится дата: «24 янв.<аря>» – день рождения М. А. Кржижевской, т. е. стихотворение написано в ее честь.

Услышь и посмотри, как злятся:
«О, хорошо же!» – говорят.
Молю, да тотчас возвратятся,
Да устыдясь, назад бежат.
Но да возрадуются Духом,
Возвеселятся о Тебе,
Кто сердцем, зрением и слухом
Ища, влечет Тебя к себе.
Кто любит Божие спасенье,
Пусть дух того душа и плоть
Всегда возносит это пенье:
«Да возвеличится Господь!»
А я? – я – нищий и убогий…
Помощник Боже, помоги!
Мой избавитель превысокий,
Не медли, Господи, приди!

Милость и Истина

Суд строгий истинный ума
Любовь сердечная смягчает.
Морозит страшная зима;
При летнем зное все растает.

Так Матерь Божия Христа
За всех нас грешных умоляет;
И скорби нашего креста
Блаженством вечным заменяет.

Сел. Рыковское, 9 февраля 1890 г.

Слезы-дождь
Марии Антоновне

Чтоб Моисей воды доставил,
Израиль жаждущий вопил.
Пророк жезлом в скалу ударил –
И камень воду источил.

Пс.113.8[75]

[75] Пс. 113: 8: «…превращающего скалу в озеро воды и камень в источник вод».

Вот так случается с душою,
Когда томится от грехов
И станет жаждущей землею,
Прося дождя целебных слов.

Пс. 142.6[76]

Вдруг грянет голос обличенья,
До сердца жесткого пройдет,
Польются слезы умиленья;
Душа в них моется и пьет.

Сел. Рыковское,
20 дек.‹абря› 1889 – 12 марта 1890 г.[77]

Божией Матери
молитва в день Пресвятой Троицы

Под Твоим святым покровом
Сохрани в *любви* Своей.
Утверди нас в *вере* Словом,
Дай *надежду* в жизни сей.

Благодать пусть в нас вселится,
Милость Божью приклони.
Вечный *мир* пусть нам продлится
Ум и сердце в нем храни[78].

Пусть Дух *истины* пребудет.
Дай *премудрости* венец.
Но в *любви* всегда да будет
И начало и конец.

Сел. Рыковское, 16 марта 1890 г.,
в день «Похвалы Богородицы»

[76] Пс. 142: 6: «Простираю к Тебе руки мои; душа моя – к Тебе, как жаждущая земля».

[77] 12/24 марта 1890 года Ювачев отметил в дневнике, что писал это стихотворение «84 дня!?» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 11об.).

[78] В круглых скобках вариант: «И в покое сохрани».

На могилу Параскевы Бутаковой[79]

Богоматерь, Мать-Девица!
Сохрани Ты нашу мать.
Неба ангелов Царица!
Повели на небо взять.

Отец сирот, всех безутешных!
Сирот печальных не покинь.
Встречающий в объятья грешных!
Отца земного не отринь.

Омытый горькими слезами,
Здесь Параскевы прах зарыт;
Но дух ее пусть будет с нами
В Твоих объятиях сокрыт.

Сел. Рыковское, 2 апреля 1890 г.

На могилу Льва Шван[80]

Мария Дева Пресвятая!
Услышь Марию на земле:
Всели дитя в обитель рая;
Нам дай утешиться о Льве.

Сел. Рыковское, 5 апреля 1890 г.

На могилу Николая Ренгартена[81]

Великий телом средь людей,
Смиренный духом пред Тобою,
Душою молит: пожалей!
Будь, Боже, милостив со мною.

Сел. Рыковское, 5 апреля 1890 г.

---

[79] Параскева Васильевна Бутакова – жена начальника Тымовского округа А. М. Бутакова.

[80] Исправлено из «Швана». Лев Шван – сын капитана Валерия Карловича Швана (1845–1890), основателя и первого начальника Муравьевского поста (1867–1869), впоследствии начальника воинской команды в Тымовском округе (см.: *Шван В. К.* Занятие Южного Сахалина // Тюремный вестник. 1894. № 8. С. 392–404; № 9. С. 422–436).

[81] Ренгартен Николай Петрович – помощник смотрителя Рыковской тюрьмы и эконом.

Молитва к Божией Матери

На могилу Параскевы Бутаковой

Молю за душу Параскевы:
Украсъ к небесному венцу,
Ей дай светильник мудрой девы,
Веди к бессмертному Творцу.

(вариант:)

Помилуй душу Параскевы:
Одень в небесную фату,
Ей дай светильник мудрой девы
Веди к бессмертному Христу.

Сел. Рыковское, 6 апреля 1890 г.

Пасха

Переложение тропаря

Воскрес из мертвых Искупитель,
Христос смерть смертию попрал,
Всем сущим во гробах спаситель,
Умершим жизнь Он даровал.

Сел. Рыковское, 8 апреля 1890 г.

* * *

Что худо – то моя поспешность;
Что хорошо – то Божья благодать; –
Прости Господь мою погрешность; –
Сам помоги мне что и как писать

(вариант:)

Прости Господь мою поспешность!
Сам помоги мне как писать.
Прости Господь мою погрешность!
Пошли Твою мне благодать.

12 июня 1890 г., сел. Рыковское

На могилу Андрея Карпенко[82]
(Первый из пол.<итических> сс.<ыльных> призван к Богу)

Он жил и умер за идею
Свободы, правды и любви[83], –
Как Первозванному Андрею,
Свет царства вечного яви.

Александровский пост, 1890 г. июля 8 ?

Псалом 89-й
переложение
Молитвы Моисея человека Божия[84]

Ты был нам, Господи превечный,
Прибежище во всех родах.
Ты без начала, бесконечный;
И нет числа в Твоих годах.
Еще и горы не являлись,
Вселенная и человек,
Земля и небо не создались,
Ты Бог от века и во век!
Взгляни на нас, как мы смирились:
Нам годы краткие даны.
Ты Сам сказал, чтоб возвратились
К земле Адамовы сыны.
Но Ты велик! и пред Тобою
Как малы дни Твоих рабов!
Твой день со стражею ночною
Для них как тысяча годов.

[82] Карпенко Андрей Леонидович (1863–7.07.1890), член «Народной воли», организатор рабочих кружков на юге Украины, в 1889 году был выслан на Сахалин на десять лет. 6/18 июля 1890 года Ювачев записал в дневнике: «В эту ночь умер Андрей Карпенко – администр.<ативно>-ссыльный (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 30).

[83] Вариант первых двух стихов: «Он умер, Боже, за идею Всеобщей правды и любви».

[84] Стихотворению предшествует нотный текст с первыми четырьмя стихами, озаглавленный «Псалом 89-й. В память 50-летнего юбилея государственной службы Павла Ивановича Ювачева. 22 января, 1840–1890».

Их наводнение смывает;
Они уносятся как сон;
Как травка – утром отцветает,
Засохнет к вечеру, – и вон!
Как грешники, мы исчезаем,
Когда Твой гнев палит людей;
И все в смятении бываем
От сильной ярости Твоей.
Вот беззаконие не скрыто:
Ты пред Собою положил –
И наше тайное открыто:
Во светлости лица явил.
Исчезли наши дни во гневе,
Теряем их как мысль, как звук.
Вся наша жизнь – как сеть на древе
Заботливо плетет паук.
Лет семьдесят едва проходим,
Кто в силах – восемьдесят лет.

В трудах и муках дни проводим,
Пока не прилетим в Твой свет.
Кто знает, чтобы нам поверить,
Как силен гнев Твой на людей?
Кто может ужас их измерить
От страшной ярости Твоей?
Чтоб пред Тобой явиться смели,
Твою десницу дай познать.
Чтоб сердце мудрое имели,
Ты научи нас дни считать.
Доколе будет продолжаться?
Когда ж Ты обратишься к нам?
Доколе нам еще скитаться?
Будь милостив к Твоим рабам!
Ты рано поспеши явиться,
Скорей нас милостью насыть.
Мы будем вечно веселиться,
Во все дни радоваться, жить.
Возвесели за дни смиренья:
В бедах вся наша жизнь прошла;
За годы долгого терпенья:
Мы видели в них много зла.
К Твоим делам с небес приникни,
Взгляни же на Твоих рабов,
В печальную молитву вникни,
На путь настави их сынов.

Господь и Бог наш вездесущий!
Явись во светлости Твоей,
Исправь дела нам, всемогущий,
Дела рук наших поскорей.

19 мая – 12 июня 1890 г.,
сел. Рыковское на острове Сахалин

Моему отцу

Полвека сильно потрудился,
Полвека честно послужил.
Дай Бог, чтоб в небо ты вселился
И там в покое вечно жил.

Сел. Рыковское,
24 мая 1890 г.

Псалом 96-й
23 июня 1891 г.

Песнь Господу воспойте вновь;
Воспойте Богу вся земля.
Алилуиа, алилуиа, алилуиа,
Алилуиа, алилуиа.

Воспойте песнь из новых слов,
Господне имя восхваля.
Алилуиа, алилуиа, алилуиа,
Алилуиа, алилуиа.

Рыковское селение

Эпиграф на Библию[85]

В этой книге вся жизнь отразилась;
В ней как в зеркале видим весь свет;
Тайна Божиих дел нам открылась;
Здесь на все есть готовый ответ.

[85] Первое четверостишие в нотном тексте, второе написано дважды – в нотном тексте и отдельно.

Что уж было, что есть и что будет
Чрез пророков Господь показал...
Милый друг! и тебя не забудет,
«Только верь и люби», – Он сказал.

И не бойся, когда ты читаешь
Правду вечную Божиих слов:
Помолись, потерпи и узнаешь-
В ней скрываются *мир* и *любовь*.

Эта Библия – Ангел Хранитель;
С ней, как с спутником, в жизни пойдешь,
Приведет тебя в Божью обитель,
Там опять новый свет в ней найдешь.

23 августа – 25 августа 1891 г.;
Александровский пост

СТИХИ ИЗ ПИСЕМ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК

Начало тропаря в честь Казанской Иконы Богоматери[86]

8 ноября 1886 г.

Заступница усердная Святая,
Мать Господа Всевышнего Христа,
Его ты умоли за всех, Благая,
Да Он спасет нас силою Креста.

Со Вседержителем вселенной
И[87] Искупителем Христом,
Хвала тебе, Благословенной,
Всегда в собрании святом!

[86] ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 3. Конв. 1. Л. 6–6 об. (письмо к родным от 8 ноября 1886 г.: «8 ноября. в память собора ангелов, 1886 г.»). В письме этому тексту предшествуют две строфы, начинающиеся словами «От дум печальных и смущенных...», которые вошли в сборник как отдельное стихотворение.
[87] Вариант: Со.

Мы всю надежду возлагаем
На милость и Твою любовь.
К Твоей защите прибегаем,
Святой Божественный покров!

* * *

Волнуемы в морской пучине[88],
Томимся в душной тесноте;
И плачем горько в злой кручине,
Как некогда пророк в ките.

И в том же море, где Иона
В пучине, как в аду, молил,
Несутся к небу звуки стона,
Народ несчастный слезы лил.

Как у кита в утробе скрыты,
Мы в узах в тесноту вошли;
Как в бездне иль в аду зарыты;
Над нами воды перешли[89].

Страдальцы в узах умоляем
Тебя, Царицу в небесах;
К Твоей защите прибегаем,
Смиренно молимся в слезах:

Заступница! Твоим покровом
В любви и мире нас храни.
Ты укрепи нас Божьим словом
Для счастья[90] в небе полони.

* * *

Во всем Ты помоги, Благая[91],
Под кровом сохрани Твоим,
Спасителя Мать Пресвятая,
Да славим мы Тебя, хвалим.

[88] ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 3. Конв. 2. Л. 7–7 об. (письмо к родным от 13–14 июня 1887 г.). Комментарий Ювачева: «Я в этом стихотворении отдельные случаи всего пути (и даже, полагаю, будущего) соединил в одну картину, и потому она вышла, может быть, более ужасною, чем в действительности».

[89] Примечание в письме: «Эти слова Давида отчасти исполнились над нами».

[90] Вариант: жизни.

[91] Ед. хр. 3. Ч. 1. Л. 2 об. (письмо к родным от 1 декабря 1886 г.).

НЕЗАВЕРШЕННОЕ[92]

На память о Марии Антоновне[93]
8 июля 1892 г. Сел. Рыковское

Любви внимательной подруги,
Заботы матери родной
И нежной сестриной услуги
Лишился здесь в тебе одной.

11 июля:
Теперь во мне одно желанье,
Чтоб ты, придя ко мне опять
И видя слезы, грусть, страданье,
Могла любовь мою понять.

12 июля:

Лет 5 тому назад в столице,
Прощаясь с родиной своей,
Сквозь сон молился я в темнице,
Склонясь у запертых дверей.

13 июля:

Вдруг сразу мне Мария снится:
Задумчивый печальный вид,
Она – начальница – садится
И тихо с грустью говорит:

16 июля:

«Туда поеду я с тобою,
Ведь я же не оставлю их»...
(Как будто на войну сестрою
Она поедет для родных)[94].

* * *

Что так задумчива, что так печальна?[95]
Друг милый, головку склонила свою?
Иль в час разлуки привет мой прощальный

---

[92] ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. III. Л. 24 об. – 26.

[93] 1-я строфа написана в нотном тексте.

[94] Соседний лист аккуратно вырван, но по оставшемуся краю можно судить, что стихи продолжались, ими исписана вся страница. Начало первой строки: «А ты...»

[95] Следующий за вырванным лист – ноты с текстом. См. в дневнике: «Писал романс „Что так задумчива“» (Дн. 3. Л. 29, зап. 15/27 ноября 1892).

Так убивает всю душу твою,
Так убивает всю душу твою.

* * *

От себя отказаться, полюбить злых людей[96]
И за Ним понести крест страданий

†

Так Христос убеждает нас в беседе своей:
Не бояться изгнанья, темницы, оков
Удержать свои страсти земные
Воздержаться от гнева полюбить и врагов
Надо помнить, что люди – больные.
Но могу ли я бедный земной человек...

†

И не выполнить мне всех велений

†

Отказаться земных наслаждений
Недостаток во всем претерпеть целый век
Убеждает в Евангельской книге своей
Наш Господь и Учитель смиренья.

†

И за Ним понести крест терпенья.

6 авг.<уста> 92 г.

* * *

Ум пытливый не может понять тех идей[97],
Что смиренный Христос проповедал: –
От себя отказаться, полюбить всех людей,
Крест страданий принять заповедал.

---

[96] Все написанное накрест перечеркнуто.

[97] Зачеркнуто четверостишие. Написано, видимо, в 1894 г. (тот же почерк, что и в следующем датированном стихотворении, обращенном к Н. М. Поповой).

Напутствие
Надежде Михайловне Поповой, написанное на Библии

Мой друг, ты не забудь, плывя в житейском море,
Того, кто так тебя сердечно полюбил,
Всегда делил с тобой и радости и горе,
Молился за тебя и в путь благословил.

Рыковское, 13 июля 1894 г.

Эпиграф на Евангелие
Гил.<ярию> Вик.<ентьевичу> Гоцкевичу[98]

Чтоб всегда была с тобою
Правда Божья книги сей, –
Ты, приняв ее с любовью,
Схорони в душе своей.

27 июля, с. Рыковское

Молитва к Царице Небесной[99]

Когда бываешь Ты со мною
Тогда готов забыть весь мир
Тогда живу одной Тобою
Ты для меня любовь и мир.

Когда бываешь Ты со мною
То что тогда мне целый мир
Тогда живу одной Тобою, Тебе молюсь
В тебе одной любовь и мир.

[98] Госткевич Гилярий-Бернард Викентьевич (1861–1928), член партии «Пролетариат», политкаторжанин, на Сахалине с мая 1887 года. С 1895 года жил в Рыковском, служил помощником заведующего отделом колонизационного фонда. В 1896–1897 годах заведовал двухклассной школой в селении Дербинском.

[99] Ноты с текстом. В дневнике это стихотворение, написанное в 1893 году, названо романсом: «Ходил поздравить именинницу Татьяну Илларионовну. Написал ей романс „Когда бываешь ты со мною“ ...» (Дн. 3. Л. 39, зап. 12/24 января 1893). Татьяна Илларионовна Александрина, урожденная Ульянова, учительница в Рыковском. В 1889 году добровольно последовала на Сахалин за Александром Ивановичем Александриным, осужденным на 18 лет каторги, в 1890 году, получив высочайшее разрешение, они поженились.

Эпистолярный дневник

Переписка с М. А. Кржижевской (июль – август 1891 года)

Один из сахалинских дневников Ювачева имеет эпистолярную форму и содержит его переписку с Марией Антоновной Кржижевской[1]. Обстоятельства появления дневника таковы. Летом 1891 года Ювачев был командирован в «столицу» Сахалина пост Александровский для выполнения ряда заданий, требовавших его профессиональных умений: предстояло испытать в дальних плаваниях новый пароход «Николай Шаховской», «сделать морскую карту Александровского рейда и составить лоцию Татарского пролива»[2]. Не желая изменять обычаю ежедневного письменного самоотчета, он продолжает вести дневник в форме писем к Кржижевской. После смерти Кржижевской Ювачев соединил под одной обложкой ее и свои письма – так сложился этот своеобразный роман в письмах[3].

Время появления эпистолярного дневника как целостного текста неизвестно, но записи в других сахалинских дневниках Ювачева показывают, что он возник как результат обращения после смерти Кржижевской к переписке с ней. «Читал письма Мар.<ии> Ант.<оновны> ко мне в прошлое лето...» (Дн. 2. Л. 116, зап. 23 июня/5 июля 1892); «Читал письма 1891 года и мечтал, как бы я проводил первую ночь с женою» (Дн. 3. Л. 87 об., зап. 7/19 октября 1893). Периодическое возвращение к переписке с Марией Антоновной, видимо, и привело к тому, что она оформилась как единый текст. Это могло быть сознательным литературным действием, ориентированным на определенные образцы, в частно-

---

1 ГАТО. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4а. Дн. 1. Во вступительной статье и комментариях использованы материалы еще двух сахалинских дневников: Ед. хр. 4а. Дн. 2; Ед. хр. 4а. Дн. 3. Далее отсылки к дневникам даны в тексте с указанием номера дневника и листа.

2 *Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 132.

3 Вперв. опубл.: «Мне кажется, я люблю и любил ее искренно...»: Эпистолярный дневник Ивана Ювачева / Вступит. статья, примеч. Е. Н. Строгановой; подгот. текста Е. Н. Строгановой и А. И. Новиковой // Новый мир. 2001. № 6. С. 128–158. Для настоящего издания сделаны необходимые уточнения и дополнения.

сти на опубликованную в журнале «Русская мысль» переписку А. И. Герцена и Н.А. Захарьиной[4]: 22 июля/3 августа 1893 года Ювачев отметил в дневнике, что «читал переписку Герцена с Натальей» (Дн. 3. Л. 75). Однако не исключена и другая логика оформления замысла: осознание потенциальной литературности своей переписки с Кржижевской пришло к Ювачеву уже после того, как был восстановлен ее полный текст. Из сказанного, однако, не следует, что он предназначал дневник для публикации, скорее, это было «произведение» только для собственного чтения.

О том, что Ювачев подходил к эпистолярному дневнику как автор литературного произведения, свидетельствуют текстологические особенности документа, в котором обнаруживаются несколько слоев правки, дополнений и помет. Верхний слой – это спонтанные исправления и дополнения, другого рода заметки появляются в дневнике позже, после смерти Кржижевской, возможно, уже на той стадии, когда Ювачев оформляет переписку как целостный текст. Перечитывая дневник, он по-новому переживает свое общение с дорогим человеком и, как и в других сахалинских дневниках, делает записи, соотносящие то или иное событие со смертью Марии Антоновны. Эти заметки, не предназначенные для постороннего глаза, отражают определенный умственный настрой и напряженную внутреннюю работу. Наконец, имеются исправления комментаторского и стилистического характера, вызванные стремлением улучшить текст, сделать его более удобным для чтения. За пределами основного текста дневника существует еще один событийный ряд – пасторская поездка епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Гурия, происходившая одновременно с пребыванием Ювачева в Александровке. Факты путешествия Гурия, судя по всему, Ювачев зафиксировал позже, просматривая газеты. Эти заметки могли появиться в размышлениях об общем смысле, объединявшем столь различные и вместе с тем сходные события, так как и епископ и Ювачев выполняли некую миссию. Такого рода дополнения относятся, скорее всего, к позднему периоду. В процессе оформления эпистолярного дневника все даты были выделены цветными карандашами.

Эпистолярный дневник Ювачева публикуется в соответствии с правилами современной орфографии при сохранении некоторых грамматических, графических и стилевых особенностей документа; различные написания одних и тех же личных имен (напр.<имер>, Гловацкий – Головацкий) и географических названий унифицированы. Зачеркнутые слова показаны в квадратных скобках.

[4] Русская мысль. 1893. № 1, 3–4, 6–7 и др.

אֱלִיעֶזֶר כִּי־אֱלֹהֵי אָבִי בְּעֶזְרִי (*Исх.18.4*)[5]

†

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

5 июля 1891. Мир и Любовь!

Александровский пост

Слава Богу! благополучно прибыли в Александровку в 9 ч. вечера 2 июля. Благодаря доброму Владимиру Алексеевичу[6], дорога мне ничего не стоила. Остановился у Гг. Плосских.[7] Они меня радушно приняли, предложили занять весь второй этаж. На другой день,

---

[5] Надпись, сделанная на титульном листе, переводится с древнееврейского как «Элиэзэр, ибо Бог отца моего мне в помощь», в более широком контексте: «А имя другому Элиэзэр, ибо Бог отца моего мне в помощь и избавил меня от меча Паро» (Пять книг Торы / Рус. перевод Давида Йосифона. – Йырушалаим: Мосад арав Кук, 1975. С. 91). Элиэзэр в переводе означает «Бог помог». Изучением древнееврейского языка Ювачев занимался на Сахалине. В письме к родным от 13 декабря 1887 года он просит прислать ему книги, в том числе и «учебник древнего (библейского) еврейского языка» (Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 20), а 12 мая сообщает, что посылку с книгами получил. С Торой Ювачев впервые познакомился в 1890 году: 19 июня/1 июля он записывает свой разговор с еврейским мальчиком о том, какая у них толстая книга. «Он сказал: Тора. Я попросил. Он принес тотчас: оказывается *Библия*» (Дн. 2. Л. 29).

[6] Сасапарель Владимир Алексеевич – врач Тымовского лазарета, на Сахалине с 1883 года (Дн. 3. Л. 11 об.). По словам Ювачева, «добродушнейший старик», который «никогда не жаловался смотрителю на больных каторжных. Он и совершенно здоровым давал по их просьбе два-три дня отдыха. За это же и любили каторжные своего терпеливого доктора» (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 48, 50). В дневниках Ювачев чаще всего именует его Доктором.

[7] Плоский (Эдмунд) Эдуард Александрович (1859–1942) – член «Тайного совета» польско-литовской социально-революционной партии (петербургского резерва польской партии «Пролетариат»), осужден на 13 лет, на Сахалине с 1886 года; Плоская, урожд. Онуфрович (Мария-София) Софья Ильинична (1862/1863/1865–1922) – его жена, женщина свободного состояния, учительница в селении Корсаковском. Плоский упоминал о Ювачеве в мемуарном рассказе, посвященном Брониславу Пилсудскому (см.: *Плоский Эдмунд.* О Брониславе Пилсудском. Вступительное слово [http://www.icrap.org/ru/Ploski-9-1.html] [1.07.2017].

Пост Александровский

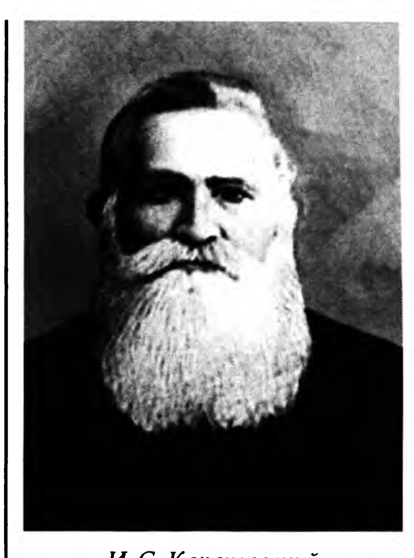
3 июля, поспешил явиться Сергею Николаевичу[8]. Он очень любезно меня принял. Кстати у него познакомился со многими чиновниками, с которыми придется мне иметь сношения по своим делам. Все они очень внимательны ко мне. Сергей Николаевич взял меня[9] на пристань, показал мне, что надо сделать, и предложил всегда пользоваться лошадью для поездок на пристань. Я тотчас же поспешил сделать заказы в мастерских и собирать инструменты. Ив.<ана> Сем.<еновича> Карауловского нет дома (скоро вернется); его жена, Дарья Ивановна, дала нам мензулу[10]. Она спрашивала о книгах. Мария Антоновна! Вы при случае пришлите мне три книги: о Серафиме, Фому Кемпийского

---

8 Позже вписано: «к Начальнику Острова». Таскин Сергей Николаевич (р. 1863) – выпускник Александровского лицея, начальник Александровского округа с 1888 года. В 1891 году по отъезде в Петербург начальника острова генерал-майора В. О. Кононовича временно исправлял должность начальника острова (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 130).

9 Позже вписано: «в свой экипаж и поехали».

10 Карауловский Иван Семенович (1838–1912) – сахалинский землемер, которому в 1879 году было поручено разбить селение, впоследствии получившее название Рыковское (об этом: Дн. 3. Л. 5). Ювачев характеризовал его как «в сущности превосходного человека, к которому стекались ему подобные люди, алчущие и жаждущие правды» (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 133). Жена – Дарья Ивановна (р. 1864), дочь поселенца Сальникова.

И. С. Карауловский

и Погодина[11] (у Мих.<аила> Ник.<олаевича> Ренгартена[12]).

Известная Вам Ирина[13] уехала на материк.

Могу Вам сообщить нечто о Вашей знакомой Акимовой-Калининой. M-me Плосская жила у ней во Владивостоке; и как-то заговорила Акимова, что вот какая хорошая женщина живет в Рыковском – ее подруга Марья Антоновна. София Ильинишна Плосская с своей стороны прибавила, что действительно она слышала много хорошего про Марию Антоновну Кржижевскую от жителей Сахалина. Вдруг как раскричится M-me Калинина: «Да как они, сахалинцы, смеют хвалить Марию Антоновну. Они недостойны даже подумать, помыслить о ней, – так она высока́ для них!»

Софья Ильинишна подтверждает, что Акимова действительно тронулась рассудком.

4 июля опять был у Сергея Николаевича. Он предложил мне помощника чертежника Загарина. Сегодня же приступил к рабо-

---

[11] Имеется в виду одно из жизнеописаний Серафима Саровского. Ювачев читал житие Серафима в июле 1890 года, о чем делает записи в дневнике. 27 июля 1890 года он упоминает о беседе с одним из своих единомышленников о том, что Серафим Саровский «дал правило всем: утром, в полдень и вечером по 3 раза „Отче наш“, по 3 раза „Богородица“, 1 раз „Верую“» (Дн. 2. Л. 33 об.). Кроме того упомянуты, вероятно, издания: *Кемпийский Фома.* О подражании Христу (СПб., 1890), *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах (М., 1873).

[12] Ренгартен Михаил Николаевич – эконом Рыковской тюрьмы, с которым Ювачева сближали интерес к вопросам религии и участие в церковной жизни (Дн. 2. Л. 49 об., зап. 16/28 октября 1890; Л. 84 об., зап. 13 сентября 1891; Л. 78 об., зап. 21 мая/2 июля и др.).

[13] Ивашкина Ирина Степановна – знакомая Ювачева, в 1890 году жила в селении Корсаковском (Дн. 2. Л. 30, запись о знакомстве с ней 2 июля 1890), имеются упоминания о переписке.

там, но ветер помешал. Загарин предлагает остановиться у него, но Гг. Плосские не пускают меня. Сама Софья Ильинишна старается оказать мне радушное гостеприимство, хлопочет много на кухне, а теперь со мною поет; у ней прекрасный голос.

Алексей Александрович[14] вздумал устроить такое дело: просит меня дать ему расписку в получении 35 [40] рублей [за] на расходы по командировке в Александровск. Деньги он прислал мне на квартиру, но [мн] я стесняюсь принять их. Ведь не по делам метеорологии я сюда приехал! Сергей [Алек] Николаевич, я думаю, сам бы нашел возможность дать мне денег на расходы.

5 июля. Сегодня был у меня Владимир Алексеевич. Он очень понравился Софье Ильин.<ичне>.

Сильный дождь помешал мне выйти на работу.

Как то Вы, Мария Антоновна, без большого зонтика?

Скажите, пожалуйста, Александру Лоцину[15], чтобы он[16] на плите сожег побольше серы и запер двери и окна комнаты на несколько дней. Говорят, что клопы пропадают от серных газов. Только бы сам остерегался, не присутствовал бы при горении. Пятницу провел дома: дождь и ветер. Занимался библейской хронологией[17].

В субботу же 6 июля пошел на работы. Сделал мензульную съемку от мыса Жонкиера до устья реки. Вечером был в Церкви. Храм такой же убогий, как когда-то был у нас в казарме тюрьмы[18].

---

[14] Фрикен (фон Фрикен) Алексей Александрович (1857–1924) – агроном, инспектор сельского хозяйства на Сахалине с 1888 года. В 1890–1892 годах заведовал метеорологической станцией в селении Корсаковском. По словам Ювачева, «отличный знаток всех условий поселенческого быта» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 115). См. о нем: *Рыхляков В.Н.* Алексей Александрович фон-Фрикен // Краеведческий бюллетень. 1991. № 4. С. 3–14.

[15] Лоцин Александр – ссыльнокаторжный латыш, духовно близкий Ювачеву стремлением «достигнуть евангельской святости» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 239); с сентября 1890 года слуга Ювачева (Дн. 2. Л. 43 об.).

[16] Вписано: «в моей комнате».

[17] В дневниках Ювачева многочисленны записи, свидетельствующие о его занятиях «библейской хронологией»: размышления над символическим значением чисел, обнаружения соответствий между фактами собственной жизни и событиями Священной истории.

[18] Посещая Александровск в июле 1890 года, Ювачев записал в дневнике: «Убогость Церкви и священника трогала чуть не до слез» (Дн. 2. Л. 30).

Мне дан в услужение один человек, кроме 5 постоянных рабочих для съемки. К промеру еще не приступал, хотя Вонифатий Петрович Лукьянов[19] показывал сегодня хорошие и дурные стороны буксирного морского пароходика «Князь Ник.<олай> Шаховской»[20]. Он очень зарывается, как говорят, на волнах, т. е. заливает его с носа волною, посему Г-н Лукьянов приделывает на носу высокий фальшивый борт (фальшборт). Машина – грубая по работе. Пароходик приспособлен главным образом для буксировки, а не для прогулок, как на яхте. Я желаю очень работать, да желаю и праздновать 8 июля[21]. Ну, что даст Божия Матерь.

Кланяюсь Надежде Михайловне[22], Феодору Никифоровичу[23] и всем знакомым. На почте мне нет ни писем, ни посылок.

---

[19] Лукьянов Бонифатий Петрович (р. 1850) – мещанин свободного состояния, механик-самоучка, заведовал литейной мастерской в Александровске.

[20] Ювачеву предстояло опробовать этот новый «небольшой пароход грубой немецкой работы, приспособленный главным образом для буксировки судов в устьях морских рек» (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 135). Свое название пароход получил по имени князя Н. Д. Шаховского, заведующего ссыльнокаторжными в Приморской области (1878–1882), о котором Чехов писал как об «отличном администраторе, умном и честном человеке» (*Чехов А. П.* Остров Сахалин // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. М., 1978. Т. 14–15. С. 317. - Далее: *Чехов*).

[21] 8 июля – праздник явления Казанской иконы Пресвятой Богородицы, храмовый праздник в селении Рыковском, где церковь была освящена в честь Казанской иконы Божией Материи. В незавершенной летописи Рыковского (Дн. 3. Л. 4–17) Ювачев приводит данные об истории церкви, строительство которой закончилось в сентябре 1888 года. В другом дневнике имеется пространное «Описание храма в честь Казанской иконы Божией Матери» (Дн. 2. Л. 52–55 об.). По прибытии на Сахалин Ювачев некоторое время работал плотником на строительстве церкви и видел в этом некий перст судьбы, ибо икону Казанской Богоматери считал своей покровительницей (см. в письме к родным от 15 августа 1887 года: «Как много раз в моей жизни встречается Казанская икона Божией Матери, теперь вы об этом сами можете сказать. Итак не печальтесь: у меня есть высокая Покровительница». – Ед. хр. 3. Конв. 2. Л. 17). О дальнейшей судьбе церкви узнаем из письма к Ювачеву его жены Надежды Ивановны от 9 сентября 1906 года, где сообщается о посещении С. А. Волохова, выехавшего с Сахалина в 1902 году: «Я, конечно, засыпала его вопросами о Сахалине. <...> Церковь в Рыковском селении сожгли до основания» (Ед. хр. 2. Ч. 7. Л. 162 об.).

[22] Попова Надежда Михайловна – жена телеграфиста Николая Павловича Попова, приехавшая в Рыковское вместе с мужем из Де-Кастри в 1885 году (Дн. 3. Л. 12 об.), подруга Кржижевской.

[23] Ливин Федор Никифорович (1845–1907) – за время службы на Сахалине (1884–1893) смотритель тюрем в разных селениях, в том числе в Рыковском. Ювачев писал, что Ливин пользовался дурной репутацией и среди каторжан и среди

7 июля. Сегодня хочу поминать того, «кто жил и умер за идею свободы, правды, и любви, как Первозванному Андрею свет царства вечного яви»[24]. Кстати, о стихотворениях. Не послать ли нам с доктором книжку со стихотворениями в С. Петербург к родным?[25] Может быть, они найдут нужным кое-что из них поведать и другим простым религиозным людям? Только надо бы на всякий случай оставить копию с них у нас.

Сделали ли ящик для моих Книг? У меня теперь денег с лишком 50 рублей; а вы знаете, как опасно иметь мне много денег! то 20 рублей я посылаю спрятать, а 4 рубля для ваших слуг (рубль я уже дал Лоцину). Напишите, Мария Антоновна, как подвигается окраска и вообще поправка Церкви. Как Ваше здоровье? Чем занимаетесь? Слава Богу! Перемена места, хождение по берегу моря, работа под солнцем, болтовня со знакомыми – все это, что так обыкновенно тяжело на мне отзывается, теперь ничего: и голова не болит и чувствую себя бодрым.

Поддержите здоровье и вы, Мария Ант.<оновна>, прогулками к [нрзб.] Надежде Михайловне или на мост или с кем-нибудь в лес. Пожалуйста, не стесняйтесь с отчетом: времени у меня между делом еще пока много есть. Молитесь за меня.

Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, спаси и сохрани нас под Кровом Твоим.

Ваш Иван Павлович,
искренний слуга ваш.

†

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Селение Александровское Мир и Любовь!

Многоуважаемая и дорогая Мария Антоновна! Как то Ваше здоровье? Как Вы поживаете? Я до сих пор ничего не знаю от Вас: Вы не пишете. Мое письмо чрез Владимира Алексеевича оканчивалось *8-м июлем* (Пожалуйста, сберегите мои письма: они послужат

чиновников, обвинявших его «не только в жестокости, хитрости, лицемерии, но и во многих других пороках» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 19). Автор «Записок сахалинского чиновника» (Тюремный вестник. 1901. № 9. С. 427–443; № 10. С. 475–503), в которых пытался обелить себя.

[24] Речь идет об умершем 7 июля 1890 года политическом ссыльном Андрее Карпенко. Ему было посвящено процитированное в письме четверостишие Ювачева.

[25] О книжке стихотворений Ювачева см. в настоящем издании.

мне моим дневником, который я в суетах не веду отдельно). Не знаю, как то Вы провели храмовой праздник, а я только что прихожу домой после обедни, как застаю у себя гостей: механика Вонифатия Петр.<овича> Лукьянова и Петра Кирилл.<овича> Игнатьева[26], которые пришли просить меня съездить с ними в Де-Кастри[27]. Вечером поехали определять девиацию, но бурная погода и недостаток в инструментах помешали нам повернуть свой компас, который ужасно погрешает, будучи обставлен кругом железом машины.

Во вторник 9 июля был на маяке, где принимают всегда меня с таким радушием, а потом делал съемку мензулой. Утром сегодня получаю с «Байкала»[28] письмо от товарища Ант.< она> Ник.<ифовича> Моисеева, чтобы я поспешил приехать к нему, но... опоздал. Вместо «Байкала» попал на «Стрелок»[29], где познакомился с командиром Эриксоном и его помощником Бредихиным[30]. Снабдили они меня книгами и лотом.

В среду 10 июля[31] порешили выехать в море на «Князе Ник.<олае> Шаховском». Ветер – ужасный! Волны – страшные! Сергей Николаевич никак не хотел пускать нас, и я сам отговаривал, но Петру Кирилловичу надоело ждать погоды, и он настоял отправиться. Но раз отправившись, не захотели вернуться. Сперва были опасения у меня за катер: выдержит ли он волнение, исправна ли будет машина в качку. Оказалось все хорошо. Катер, как утка, взбирался на волну, и как бочка, омывался водою. Наши ноги по колени в воде. С головы до ног обдавало нас брызгами. Спасибо Вам за шапку с клеенчатой прокладкой,

---

[26] Игнатьев Петр Кириллович – помощник смотрителя Александровской тюрьмы (Чехов. С. 63). Видимо, был приставлен для надзора за Ювачевым на время плавания. Ювачев называет его «неразлучным спутником в <...> путешествиях по здешним морям» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 162).

[27] Де-Кастри – «довольно большой залив, сильно вдающийся в материк» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 138) и небольшое селение, расположенное на материке.

[28] «Байкал» – пароход, совершавший рейсы из Николаевска на Южный и Северный Сахалин, в Китай, Японию, Владивосток.

[29] «Стрелок» – пароход, зафрахтованный сахалинской администрацией для отправки груза из Корсаковского поста на юге в пост Тихмеевский (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 161).

[30] Эриксон Иван Мартынович – старший офицер парохода «Байкал», на время фрахта командир парохода «Стрелок»; Бредихин Ипполит Петрович – офицер парохода «Байкал», в период фрахта выполнявший обязанности помощника капитана парохода «Стрелок».

[31] Позже вписано на полях: «Епископ Гурий выехал из Владивостока в Камчатку».

она удивительно хорошо сохраняла мою голову от воды. Наконец сахалинский берег скрылся из вида. Я всю дорогу стоял на корме и про себя молился, призывая Божию Матерь и Святителя Николая. В каюте нельзя быть. Я спустился одеть ватный сюртук под плащ минут на 10 и то почувствовал неприятное состояние, поэтому все находились наверху. Всю дорогу[32] не ели, кроме некоторых, которые имели в кармане ржаные сухари. Наконец вечером увидели берег материка. По некоторым соображениям я взял курс не прямо на Де-Кастри, а южнее. Если бы я прямо подошел к Де-Кастри, то я все-таки не знал бы, где я, потому что не знаком с очертаниями берегов. Но тут мне Сам Господь помог. Мы подошли к 2-м громадным камням (островам), по которым сразу я узнал, что нахожусь близ островов Святых Константина и Елены. Поблагодаривши в душе этих Равноапостольных, я уже смело повернул к Де-Кастри.

В 10 ч. вечера бросили якорь в виду селения, проплававши 11 часов. На наш свисток приехали 2 телеграфиста (один из них Морозов), которые были[33] любезны, что предложили свою лодку в наше распоряжение. Поужинавши, поспешили лечь спать. Провизия наша состояла главным образом из консервов и разных закусок и вин. На другой день утром в *четверг 11 июля* я вступил на материк. Зашли на телеграфную станцию, потом я пошел к Церкви (она ремонтируется, полы выкрашены), помолился немного и направился в дом моего товарища Кап.<итона> Вас.<ильевича> Богданова – штурманского офицера[34]. Хотя его не было в Де-Кастри, все-таки я осмотрел его помещение, его картины (он художник), поиграл на фис-гармонии, написал письмо и отправился на свой пароход. Вдруг получаю приглашение от здешнего офицера (он же и начальник поста) на обед. Хотя костюм у меня был не совсем приличный, однако пошли.

Юлиан Николаевич Бялозор и его супруга Мария Иосифовна оказываются совсем молодые люди, петербуржцы (по происхождению, кажется, он поляк, а она немка), очень милые, гостеприимные, симпа-

---

[32] Вписано: «ничего».

[33] Вписано: «так».

[34] Богданов Капитон Васильевич (1859–1919) – мичман Черноморского флота, член Николаевского военно-революционного кружка, сосланный сначала в Сибирь на Кару, затем на Сахалин (*Семанова* М.Л. Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными? // Русская литература. 1972. № 1. С. 149), товарищ Ювачева по Техническому училищу.

тичные[35]. Вскоре мы [так] очень близко сошлись. Они интересуются литературою и новым учением Толстого. Они были настолько любезны, что предложили нам троим ночевать у них, но я и механик не воспользовались их вниманием. В эту ночь у нас бушевала гроза. Я подумал о Вас, Мария Антоновна, здоровы ли Вы? Ведь до сих пор от Вас никакого известия. Слышал от других, что предлагали ремонтировать Вашу комнату, но Вы побоялись за барометр. Мария Антоновна, ведь Вы лучше меня знаете, как необходимо поправить окна!

В пятницу 12 июля я съехал на берег помолиться в одной заброшенной избушке, которую построил какой то монах и просил жителей поддерживать ее; но она пришла в ветхость. В ней стоит только деревянный крест[36] от полу до потолка и больше ничего. Говорят, что после того, как какой-то доктор позволил сделать в ней вскрытие[37], избушку забросили. Ради пятницы я думал не сходить на берег, но в 4 часа пришли к нам Гг. Бялозоры и мы поехали в гости на маяк (4 мили от города). Там, после разных приключений на дороге, нас радушно встретил Г-н Спирготин с женою. Обо мне в Де-Кастри так же хорошо знают, как и в Александровке. Вечером вернулись в город, и я опять должен был съехать на берег – провести с Бялозорами последние минуты в Де-Кастри. Жалко было расставаться.

Ночью вышли в море. Сначала погода благоприятствовала. Тихо. Звезды и луна. После полночи засвежел ветер и надвинулся туман. С рассветом в *субботу 13 июля* я решил повернуть в тумане прямо на берег, чтобы определить место и идти, так сказать, ощупью вдоль берега. На наше счастье, как только подошли к берегу, туман в одном месте немного рассеялся и мы увидели селение и людей. Мы стали их

[35] Бялозор Юлиан Юлианович, ошибочно: Николаевич (1862–1942) – начальник военного поста в Де-Кастри. Жена – Мария, урожд. Глеб-Кошанская (1868–1950) (см.: *Рачков И.В.* Из истории рода Бялозоров герба Венява // Поляки в России: история и современность. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007. С. 13–23). В мемуарах Ювачев писал о Бялозорах: «Их разговоры еще дышали последними новостями столицы, откуда они недавно прибыли. Посидев с ними до глубокой ночи, я весь отдался своим прошедшим временам, забыл, что нахожусь за далекими горами и лесами в настоящей, глухой Сибири, и мысленно перенесся в культурную Россию, где когда-то так сильно работала мысль над модными идеями, где так увлекался толпою и вместе с нею горячо стремился принять участие в борьбе со старыми формами жизни» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 140).

[36] Позже вписано: «величиною».

[37] Позже вписано: «тела».

звать свистком, а они в ответ стреляли[38]. Вскоре подошла лодка и сказали нам, что селение их называется Мангач[39]. Тогда, обрадовавшись, что Бог привел *как раз к селению*, которые так редки на берегу Сахалина, стали на якорь и завтракали. Чрез 3 часа пришли в Александровку, где нас давно ждали с нетерпением и опасением.

Немного выспался, потому что целую ночь бодрствовал в плавании, и поспешил ко всенощной благодарить Бога за благополучное плавание. Я попросил священника Попова-Какоулина[40] отслужить молебен Казанской иконе Божией Матери. Это было мне приятно еще потому, что Священник сам недавно прибыл из своего прихода, в районе которого числится и Де-Кастринская Церковь.

В воскресенье 14 июля после обедни ходил с визитом к некоторым знакомым, а вечером – ко всенощной. Где то у вас служит батюшка?[41] Да и служит ли еще?

В понедельник 15 июля после обедни ходил на реку купаться (память Св. Владимира и Крещения Руси). Остаток дня провел на маяке в гостях. *Во вторник 16 июля* я вышел на работу. Здесь трудно теперь дождаться хорошей погоды: тихо – туман, ясно – ветер. Вдруг приходит пароход «Байкал».

Я сейчас же поспешил на него и увидел (впервые после ареста) своего товарища по выпуску Антона Никифор.<овича> Моисеева. Там же оказалась еще знакомая Наталья Сергеевна Богданова с 3 детьми – николаевская барышня (Черного моря), а теперь жена товарища в Де-Кастри Богданова, у которого я был в пятницу. Скоро я вернулся на берег взял Софию Ильиничну, которая для детей захватила громадную бутыль молока, и провели весь день на пароходе в кругу наших знакомых женщин, Ан.<тона> Н.<икифоровича> Моисеева

---

[38] Позже вписано на полях: «А Епископ Гурий прибыл на Сахалин в Корсак.<овский> пост и тотчас же отправился в Камчатку».

[39] Позже карандашом вписано: «Мгачи».

[40] Попов-Какоулин Николай – впоследствии священник в селении Дербинском. Вероятно, один из тех, кого подразумевал Ювачев, когда писал: «Я видел в священниках на Сахалине гражданских чиновников в рясе...» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 52). Г.В. Госткевич характеризовал его как «игрока и пьяницу» (*Госткевич Г.В.* Записки пролетариатца // Каторга и ссылка. 1926. № 6. С. 149).

[41] Винокуров Александр Георгиевич – священник в Рыковском с августа 1890 года (см. запись в дневнике Ювачева 19/31 августа 1890 года о его приезде: Дн. 2. Л. 41).

и командира Лемошевского[42]. Вы подумаете, какая праздная жизнь у меня! Отчасти правда, хотя многое не от меня зависит. До сих пор нет сделанных вех у меня (веревок не было), да если бы и были – погода мешает. Мария Антоновна, поспешите прислать наблюдения и дайте мне возможность хоть вычислением отчета оказать Вам маленькую услугу. А Вы к тому же, как нарочно, молчите – здоровы ли Вы? тяжело ли ходить Вам в будку? Простите за зонтик – не знаю, с кем его прислать. Сегодня получил письмо Миши[43] – прочтите.

Среда 17 июля. Был с утра на съемке. Ветер страшно гудит.

Голубушка, Мария Антоновна! Скажите, что Вам купить в Японии или во Владивостоке? теперь это так удобно!

Моя хозяюшка Софья Ильинишна – очень интересная женщина. До сих пор еще я не видел такого нервного человека, как она. Стоит вам сказать ей что-нибудь трогательное, как слезы тотчас же [бегут] появляются в глазах. Вся жизнь ее переполнена многими испытаниями и страданиями.

При всем том она удивляла всех своею добротою и вниманием. Когда ехали на Сахалин, то, исполняя должность сестры милосердия, она заразилась от больных чирьями. Перед тем как съехать в Александровку, ночью видит сон: Огромная икона Мадонны в раме из белых роз, которые распространяли приятный запах. Губы Мадонны зашевелились, и Она три раза сказала тихо: «Не бойся: я с тобой». Проснулась – и чувствует наяву запах роз[44]. Чирья прорвались, и стало легко. С этих пор С.<офья> Ильин.<ична> перестала быть атеисткой [и]. Со мною была в Церкви раза три.

Ив. П. Ювачев

Четверг 18 июля.[45] [Сегодня] Вчера вечером много думал о Вас – здоровы ли Вы. Я же не смею жаловаться на болезнь, хотя эту ночь почти не спал. Встал в 4 ч. утра и собрался на съемку. До 2-х часов работал с мензулой. Вечером с 4-х до 8-ми опять делал съемку.

---

[42] Лемошевский Павел Густавович (р. 1833) – командир парохода «Байкал», о котором Чехов писал, что «обязан ему многими сведениями»: «На своем веку он видел много чудес, много знает и рассказывает интересно» (*Чехов*. С. 44).

[43] Михаил Павлович, младший брат Ювачева.

[44] Позже вписано на полях: «чрез 11 месяц. <ев>† М.<ария> Ант.<оновна>».

[45] Позже вписано перед началом письма: «Епископ Гурий прибыл в Петропавловск».

Пятница 19 июля. С 6 ч. утра до 2 часов опять работал с мензулой. Самая главная работа на берегу окончена, теперь остается промер на море. Попробовал было сегодня, да пришлось оставить: ветер и волны. Походивши по горам, так устал, что тотчас же заснул, как повалился на кровать.

Наконец Вы меня утешили известием о себе. Я получил телеграмму. Спасибо, мне особенного ничего не надо, разве вот носков пришлите, если найдете, потому что мои старые скоро потрепались. Про какие книги Вы говорите, которые собираетесь прислать с Феодором Никифоровичем? Если те, что я оставил на шкафу (Библия, Евангелия, тетради), то я прошу только сложить их в новый ящик, если его сделали, и хранить у себя же до моего приезда. Здесь мне заниматься некогда, да и перевозить опасаюсь. Сейчас пришел от всенощной. Здесь служат не короче нашего; напротив, канон бывает всегда с ирмосами и с катавасией[46].

С 20 по 22 июля – три дня праздники[47]. Я боюсь работать. Думаю, что Господь подаст успех и в будни. [Неприятно если] Не хотелось бы, чтобы начальство обратило на это внимание. Пожалуй, и Вам не нравится, что я так затягиваю дело. Но Бог милостив. Молю Богородицу защитить меня от всяких неприятностей. До сих пор все Слава Богу! Я бы и сам хотел поскорей, да не от меня зависит. Съемку *2 раза* делал!

Вспомнил. Вы, вероятно, говорите о тех книгах Ивана Семеновича Карауловского, о которых писал я чрез Владимира Алексеевича («Серафим», Новиля[48], Погодина, Фомы Кемпийского). Да, эти книги надо прислать. Пожалуй, чрез Лоцина попросите[49] для меня на время *английский* Новый Завет у Robert'а Ивановича Вейера[50] (если у него есть).

Не надо ли Вам купить посуды?

Суббота 20-го июля. У нас ветер и дождь. Оно и кстати: мне удобнее пойти в Церковь утром и вечером. Вы замечаете, я пишу письма

---

[46] Канон – жанр церковной гимнографии; ирмос – начальная строфа каждой из девяти песен канона; катавасия (будничная) – повторение ирмоса в конце каждой песни канона.

[47] 20 июля – день памяти Святого пророка Илии, 21 июля – воскресенье, 22 июля – день памяти Святой мироносицы Марии Магдалины.

[48] Возможно, имеется в виду книга реформатского богослова и философа Эрнеста Навиля «Отец небесный» (СПб., 1868).

[49] Вписано: «еще».

[50] Вейер Роберт Иванович – знакомый Ювачева, с которым его связывали духовные интересы и церковная жизнь; в дневниках часто именуется Robert.

Вам в виде дневника. Это потому, что я не веду его теперь, как в Рыковском. Вы, конечно, будете любезны поберечь эти письма. Надо сделать визиты Карлу Хр.<истофоровичу> Лансбергу[51] и Александру Головацкому[52]: оба приглашали зайти *по делам* каким-то.

После обедни зашел к Карлу Христ.<офоровичу> (сперва побывавши у Сергея Никол.<аевича>) Оказывается, он просто желал меня видеть у себя и угостить обедом. До 4-х часов сидели за столом и оживленно беседовали втроем. Ольга Владим.<ировна>[53] думает, что Вы рассердились на нее, отказываясь приехать к ним (хотя надо правду сказать – у них теперь ремонт дома и, как они говорят, сами стеснились с детьми в двух-трех комнатах).

Вечером ходил ко всенощной.

Воскресенье 21-го июля. Обычно ходил к обедне. Хотел идти в Дуэ[54], чтобы побывать на службе протоирея, но Господь исполнил мою просьбу и в Александровке. Сегодня вечером Протоирей Виктор[55] с собором еще 2-х иереев здешних, с литией, с благословением хлебов, служил всенощную по случаю закладки часовни.

---

[51] Ландсберг Карл Христофорович (1856–1909) – поселенец Александровского, лавочник, в прошлом гвардейский офицер, осужденный в 1879 году за зверское убийство. На Сахалине «исполнял также разные поручения по дорожной и иным частям, получая за это жалованье старшего надзирателя» (*Чехов.* С. 58). Об особенностях поведения Ландсберга пишет В. Дорошевич, нарисовавший его выразительный портрет: «Он – сама предупредительность. Быть может, он даже слишком предупредителен, – в нем есть что-то заискивающее; – он никогда не говорит иначе как с любезнейшей улыбкой. <...> Смеется он, или рассказывает что-нибудь для него тяжелое, оживлено у него лицо или нет, – у него играет только одно лицо. Серые, светлые глаза остаются одними и теми же, холодными, спокойными, стальными» (*Дорошевич В. М.* Сахалин: В 2 ч. М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1903. Ч. II. С. 83).

[52] Головацкий Александр Васильевич (р. 1855) – ссыльнокаторжный, писарь, наблюдатель на метеорологической станции в Корсаковском селении; Ювачев познакомился с ним 2 июля 1890 года (см.: Дн. 2. Л. 30).

[53] Дитятова Ольга Владимировна – жена К. Х. Ландсберга, дворянка, женщина свободного состояния, фельдшерица Александровского лазарета.

[54] Дуэ – пост, основанный в 1857 году, первая «столица» сахалинской каторги, расположен южнее Александровска.

[55] Тимошенко Виктор – протоиерей, в 1890 году настоятель Мало-Тымовской церкви имени Святого Антония Великого; «благочинный»: в его ведении находились, видимо, церкви Тымовского округа.

Понедельник 22-го июля. После обедни при 3 священниках, все вышли на место закладки часовни во имя Св. Николая Чудотворца[56]. Торжественное богослужение, пение певчих, звон колоколов, военная музыка, речи начальников, непрерываемое ура, – все это оживило и взволновало здешнее население. Отец Виктор сказал проповедь о политическом значении России, о русском духе... «Даже нигилисты и социалисты с пением тропаря „Спаси Господи“ под знаменами бросаются на врагов»... ([вероятно] в Турецкую войну был такой факт?!). Говорил о великом и знаменательном принципе монархической власти. Но замечательно, там, где много веселья и шума, мне как-то грустно. Мне кажется под этим наружным веселием что-то напускное, неестественное. Я вам пишу эти строки, а рядом на участке у Сергея Никол.<аевича> обед парадный. Музыка гремит на все селение. [Я думаю] Главный сахалинский элемент – каторжные – официально не участвовали в этом торжестве (были, может быть, случайные посетители, как я, например). Вся прелесть праздника выпала на долю начальства. Что остается рабочим?[57] Я думаю, их удел – скрытое богатство милостей Божиих по молитвам Св. Николая. Начальники теперь, а рабочие потом будут пользоваться утешением в часовне нашего молитвенника[58].

А. М. Бутаков

[56] Часовня была заложена в память избавления от смерти цесаревича Николая (будущего императора Николая II), на которого в апреле 1891 года было совершено покушение в Японии (см.: *Дорошевич В. М.* Указ. соч. Ч. I. С. 160).

[57] Все писавшие о Сахалине обращали внимание на то, что сами каторжане называют себя «рабочие».

[58] Этот фрагмент интересен своеобразной амбивалентностью – свойственной Ювачеву смиренностью протеста.

Вечер просидел дома в ожидании Арсения Михайловича[59] и просматривал Навигацию и Астрономию. Но не дождался.

Вторник, 23 июля, с утра побежал в мастерские. Вонифатий Петрович Лукьянов угостил завтраком, поговорили об устройстве катера и инструментов, и я поспешил к Арсению Михайловичу, но он был так любезен, что предупредил меня и пошел разыскивать в канцелярии, где я живу, чтобы прислать пакет. Теперь я читаю Ваше письмо давно желанное.

Мария Антоновна! ведь я умышленно прислал деньги, потому что я предвижу там[60] расходы, а здесь они у меня могут легко разойтись – сами знаете! О жалованье поэтому я не хлопочу: где-нибудь получу, а теперь пока не надо. Г-м Плоским я дал вперед 15 рублей. Они говорят, что это очень много; возьмут с меня то, что придется по раскладке на 4 человек. Говорят, что не больше 5 рублей в месяц.

Голубушка Мария Антоновна! Не мучьте себя вышиванием. И то уже много, что сошьете рубахи. К чему вышивать? Им еще труднее будет принять Ваш подарок. Впрочем, я не буду с ними церемониться, если не возьмут, то пришлите ко мне сюда 2 рубашки. Я буду Вам очень благодарен.

Благодарю за любезность доктора. Всех пришлите, которых у Вас много. Необходимо, конечно, хины – сколько можете. Побольше «животных» капель. От цинги, от лихорадки, ревматизма и простуды. Мне лично – веротрину[61]. Распайловой воды[62]. Касторки и других слабительных. Вы лучше Сами знаете, какие болезни чаще встречаются. На север, кажется, скоро отправляемся. О часах не беспокойтесь. Я уже говорил с В.П. Лукьяновым. Теперь спешу отправить это письмо и, Бог даст, примусь за отчет. Будьте здоровы.

---

[59] Бутаков Арсений Михайлович (1845–1894) – начальник Тымовского округа, считавшийся на Сахалине «образцовым хозяином и неусыпным деятелем». Ювачев ценил и «искренно любил Бутакова как человека с принципами, трудолюбивого и заботливого хозяина» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 29, 243).

[60] Вписано: «в Рыковском».

[61] Вератрин – алкалоид, содержащийся в семенах сабадиллы, применяется в мазях при неврите и ревматизме.

[62] Распай, Распайль (Raspail) Франсуа Винсент – французский химик и врач, основатель гистохимии. Распайля вода – водный раствор хлористого натрия и едкого аммиака с примесью камфорного спирта; «болевой анестетик», применялся при мигрени, ревматизме и т. д.

Да благословит Вас Господь да сохранит Царица Небесная под Кровом Своим в мире и любви!

Ваш покорнейший слуга,
сердечно уважающий Вас.
Иван Павлов.

†[63]

21 июля

Слава Богу, что Вы хорошо устроились, Иван Павлович, и что живется Вам не худо! Я очень была недовольна, что Вы прислали мне эти двадцать рублей на сохранение. Подумайте, как неудобно сохранять деньги за шестьдесят верст! При всем моем желании возвратить их Вам поскорее я не могла за неимением случая. На что Вам их сохранять? С церковью Вы в расчете, а потому и тратьте их с спокойною совестью. Арсений Михайлович предлагал мне получить Ваше жалованье, но я отказалась на том основании, что между нами было условлено, что Вы получите сами у Фрикена. Если же Вы у Фрикена стесняетесь спросить, то получите у Арсения Михайловича, или напишите мне, я получу и пришлю Вам с Ливиным. Экономию соблюдать будете в Рыковском, а в Александровке неудобно, там всегда может встретиться масса непредвиденных расходов, и лишний рубль никогда не мешает. Представьте себе, что у нас все это время погода стояла тихая и ясная, за исключением 2–3 небольших дождей, так что я и не подозревала [зач.] о Вашей борьбе с ветрами и туманом, как я узнала из сегодняшнего Вашего письма. Спасибо, что меня не забываете, и простите мое долгое молчание. Сами знаете, какая я лентяйка писать письма, да и писать нечего! Образ жизни мой Вам так хорошо известен! Отпуска я не брала, так как все боли у меня прекратились, осталась только сильная слабость. Хождение в будку меня не утомляет и не затрудняет, а грозы, слава Богу, не было. Хотела подсчитать Вам бланку, да некогда было: все вышивала рубахи. Кстати напишите маленькую записочку Пильсудскому, что Вы посылаете им 3 рубашки и 3-ое подштанников[64]. Я скоро, даст Бог, покончу с этой работой и с этой записочкой отошлю. Хоругви давно починила и отправила надзирателю, и зонтик себе обтянула, так что в зонтике не нуждаюсь совсем, и Вы, пожалуйста,

---

[63] Крест нарисован рукой Ювачева.

[64] Вписано: «и записочку пришлите мне».

мне не присылайте. Я Вам говорю правду, и Вы послушайтесь, а может быть, Вам он понадобится, у меня же будет стоять без надобности.

Доктор благодарит Вас за поздравление и с удовольствием готов Вам выслать немного медикаментов, но не знает, чего именно Вам надо. Если стесняетесь назвать медикаменты, то по крайней мере укажите от каких болезней, он сам сообразит.

Стихи Ваши, конечно, не худо бы отправить родным, это доставит им большое удовольствие, по окончании шитья белья я возьмусь за переписку. Об отказе моем в ремонтировке комнаты Вам совершенно ложно сообщили. Ни одна душа, от кого это зависит, мне ничего не предлагала, и даже намека никакого в разговоре не было. Правда, говорил мне Сцепенский[65], что я еще больше болею от квартиры и что мне следует позаботиться о ее исправлении. На это я ему сказала: если бы я была немного здоровее, то отказалась бы совсем от их квартиры и перешла бы к поселенцу, но так как 5 раз в день сюда приходить не могу, то должна мириться с нею. Ремонтировать они не будут как следует, так как уже два года говорят, что он назначен на слом, ничего не стоит там делать нового, а щепки замазывать не стоит. Да, наконец, если ее очистить, то куда же я дену барометр и кто его перенесет? На этом весь разговор и покончился. Сцепенский обещался поговорить об этом с Арсением Михайловичем. Вот и все[66].

Вы спрашиваете, что мне купить в Японии или во Владивостоке? Спасибо Вам. Но Вы и сами прекрасно знаете, что мне ничего не надо. Впрочем, мне действительно очень нужна одна вещь, так что если возможно будет достать, то хорошо бы было. Я купила у Шван[67] сифон

---

[65] Сцепенский Василий Яковлевич (1857–1910) – военный врач, родственник А. М. Бутакова (см. письмо Бутакова Чехову. – *Теплинский М. В.* Новые материалы о сахалинском путешествии А. П. Чехова // Антон Павлович Чехов. Сборник статей. Южно-Сахалинск, 1959. С. 213). Другой сахалинский адресант Чехова – И. С. Вологдин – характеризовал его как одного из врачей, причастных к «вакханалиям», начавшимся на острове после отъезда В. О. Кононовича в 1891 году (см.: *Теплинский М. В.* Указ. соч. С. 187).

[66] На этой странице сверху приписано: «22 Июля. Напишите что-нибудь с Арсением Мих.<айловичем> и будьте здоровы. До свидания. Мария».

[67] Шван Мария Лаврентьевна – вдова капитана В. К. Швана, начальника Тымовской воинской команды, умершего 21 ноября/3 декабря 1890 года (Дн. 2. Л. 59 об.). О Шване см.: Календарь знаменательных и памятных дат по Сахалинской области на 2015 год / Сост. Н. Н. Толстякова, Чен Ден Сук. – Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалин. обл. тип.», 2014. С. 27.

Мост через Тымь в Рыковском

для зельтерской воды, а приготовлять ее не из чего, а доктора Сцепенский и Сасапарель советуют мне ее пить с молоком. Если возможно будет попросить кого-нибудь купить во Владивостоке в аптеке готовые порошки для приготовления зельтерской воды, то я была очень благодарна. Сцепенский говорит, что они дешево стоят, но только надо и наставление взять, как приготовлять.

Сейчас приходила Манефа Петровна[68] и говорит, что она на днях едет во Владивосток, так я ей заказала уже купить, а потому и не беспокойтесь.

Ящик Ваш не сделан, Вы уже сами поговорите с Ливиным, он скоро едет в Александровку, а мне неохота говорить: он все что-то не в духе.

Из присланных четырех рублей три я тогда же отдала Лоцину от Вашего имени, а рубль отдам ему позднее тоже от Вас, Емельяше[69], по-моему, не следует. Просила его также от Вашего имени вывести

[68] Ренгартен Манефа Петровна – мать М. Н. Ренгартена, вдова бывшего помощника смотрителя тюрьмы и эконома в Рыковском Н. П. Ренгартена.

[69] Емельян – слуга Марии Антоновны. В дневнике Ювачева встречаются записи о его недовольстве поведением Емельяна (7 апреля 1890: «Сделал замечание Емелиану за табак. Не понравилось ему». – Дн. 2. Л. 16).

клопов, но о выкуривании серой ничего не говорила, потому что у нас очень душно было все это время, а главное, это бесполезно. Много раз доктор прибегал к выкуриванию в околодке и никогда не имел успеха. Он обещает вывести сам, раз белил и еще побелит.

Кажется, на все Вам дала ответ, теперь приступлю сама к вопросам. Не мало ли у Вас белья? Мне Лоцин принес одну смену, можно прислать если нужно. Условились ли Вы с Плоцкими о цене за квартиру и стол? Я слышала, что с Чернова[70] они брали по 30 рублей в месяц, для Вас эта сумма слишком велика, так как Вам надо еще и на стирку, и кучеру на чай, да и в дороге подчас понадобится. Я очень рада, что Вы ведете теперь такой оживленный образ жизни. Думаю, что поправитесь здоровьем, да и развлечетесь немного. Я же сижу самым усердным образом дома и работаю, подчас бываю недовольна и гостям, которые, по правде сказать, мне не очень докучают, даже Над.<ежда> Мих.<айловна> и Манеф.<а> Петровна не очень часто ходят, чем я и довольна.

Как Вы думаете, долго ли Вам еще придется пробыть в Александровке? Поедете ли Вы в Погиби[71] и другой северный порт, забыла его? Надеюсь, что Господь и Матерь Божия помогут Вам, а все лучше бы поскорее съездить и успокоиться. Наш храмовой праздник прошел очень скромно, на площади, межу церковью и Малявкиными[72], отслужил батюшка молебен с акафистом и только, больше служб у нас и не было. Снаружи церковь уже окрасили, теперь красят фундамент под цвет кирпича, с разделениями тоже вроде кирпичей, и поправляют крыльцо. Внутри не была, но говорят, что Арсений Михайлович велел-таки оборвать обшивку и замазать все щели глиною, а потом будут обтягивать полотном. Не надеются скоро окончить церковь, так что не скоро еще придется нам побывать у обедни.

---

[70] Чернов Виталий Васильевич – дворянин, осужденный по Донскому процессу на 15 лет, на Сахалине с 1889 года.

[71] Погоби – мыс в Татарском проливе, место расположения самого северного кордона. Кржижевская называет его «Погиби», потому что бытовало мнение, будто это «погибельное место»: мало того, что «пролив в узком месте имеет очень сильное течение», но для беглых каторжников кордон был страшен еще и солдатами (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 152). Ныне используется форма «Погиби».

[72] Малявкин Григорий Павлович (служащий) и его жена Агния Петровна (Дн. 2. Л. 31 об., 35).

Катин[73] и Скороходов[74] захаживают по праздникам к Емельяну и он, кажется, довольно любезен с ними. Юрченко принят в богадельню[75] и уже получает провизию. Больше ничего не знаю. Вы теперь часто видитесь с Лукьяновым, не найдете ли возможность выручить наши часы, ведь он их держит больше году. Пусть их не поправляет, я отдам кому-нибудь другому, только уж пусть возвратит. Я много раз просила Ливина взять их у него, но он все церемонится.

И пока до свидание. Будьте здоровы, и да сохранит Вас Господь Бог и Божия Матерь от всяких бед и напастей и да пошлет Вам полного успеха в делах.

Преданная Вам Кржижевская

†

Вторник 23 июля. Утром поспешил кончить письма домой родным и Вам, затем принялся искать Арсения Михайловича. Наконец нашел его в управлении Начальника острова. Попросивши его передать Вам письмо, я попрощался с ним, потому что назначено завтра отправляться в море. Вечер просидел за отчетом.

Среда 24 июля. Погода сырая, ветреная. Волны яростно потрясают пристань. Мои спутники собрались на совет. Кроме прежних П. К. Иг-

---

[73] Катин Александр Степанович (ум. 30 мая 1890) – раскольник, который «в молодости за отказ от военной службы и за публичное провозглашение власть имущих антихристами» был приговорен к каторжным работам; «желая быть последовательным, он и в каторге отказывался повиноваться антихристовым властям» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 66). Один из наиболее близких Ювачеву людей, в дневнике постоянны записи о встречах, беседах и совместных молитвах.

[74] Скороходов Николай Львович – ссыльнопоселенец, один из кружка людей, стремившихся «достигнуть евангельской святости». О нем, Катине, Лоцине и некоторых других. Ювачев писал, что такие люди «сделали бы честь любой стране» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 239). В 1893 году уехал с Сахалина на Амур (см.: Дн. 3. Л. 77), но общение с Ювачевым продолжалось на протяжении всей жизни (Ювачев писал о возвращении Скороходова «на родину, в деревню Никитскую Кадниковского уезда Вологодской губернии». – *Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 239).

[75] Юрченко Евтропий – знакомый Ювачева. В дневнике упомянут в числе тех, кто читал псалтирь над телом Кржижевской (Дн. 2. Л. 112 об.). О каторжной богадельне в селении Дербинском, куда был принят Юрченко, В. Дорошевич писал как о забытом всеми и заброшенном месте, где процветала картежная игра, – сахалинское Монте-Карло (*Дорошевич В.М.* Указ. соч. Ч. II. С. 182–199).

натьева и В. П. Лукьянова захотели ехать Алексей Александр.<ович> Фон-Фрикен, Менандр Яковлевич Попов (Адъютант)[76] и Пав.<ел> Алекс.<еевич> Фельдман (гимназист)[77]. Я конечно не советовал ехать. Алексей Алекс.<андрович> отказался от плавания, если вздумают сейчас отправляться. В. П. Лукьянов был такого же мнения. Один П. К. Игнатьев настаивал выходить в море и убедил Сергея Николаевича дать приказание отправляться. Тогда я поднимаюсь и сердитым голосом доказываю им, что никак нельзя выходить при таком сильном NW ветре: все[78] бухты для него открыты, значит пришлось бы трепаться в море. Зачем? Зачем и искать нам другую бухту от NW, когда мы дома стоим спокойно у пристани!? Наконец при таком сильном прибое [зач.] трудно пристать к берегу. Тогда решили подождать погоду. Мне показалось, что С. Н. Таскин и П. К. Игнатьев на меня обиделись, посему я огорченный пошел домой, помышляя о том, как бы мне вернуться в Рыковское. Кончивши отчет, отнес его к Алекс.<ею> Александровичу. Он поспешил сейчас же дать мне жалованье. В 2 ч. погода стихла и мы опять собрались на пристани, а в $3^1/_2$ часа пополудни вышли в море. Встречная зыбь сильно качала нас, но ветер стал переходить от NW к SW. Погода прояснилась. Алек.<сей> Ал.<ександрович> Фрикен захотел вынуть двустволку, чтобы пострелять встречных уток, но... к общему огорчению прекрасные дорогие стволы полетели за борт! Наконец вечером в $7^1/_4$ ч. стали на якорь против селения Хои[79]. Чиновники съехали на берег и ночевали там. Я и механик Лукьянов нашли нужным остаться на пароходе, потому что ветер свежел и зыбь сильно дергала судно. Каждый час в продолжение всей ночи выскакивал наверх смотреть,

[76] Попов Менандр Яковлевич – адъютант управления войск острова Сахалин, в письме Д. А. Булгаревича к Чехову упоминается как «каламбурист и остряк» (*Теплинский М. В.* Указ. соч. С. 193).

[77] Фельдман Павел Алексеевич – сын Фельдмана Алексея Степановича, смотрителя Дуйской тюрьмы, известного своей жестокостью. По словам одного из каторжников, только дети Фельдмана, если были дома, своими мольбами «не допускали его до порки» (*Дорошевич В. М.* Указ. соч. Ч. I. С. 292).

[78] Вписано: «известные».

[79] Хоэ и упоминаемые далее Ванги, Виахты, Трамбаус, Танги и Мгачи – шесть небольших селений на западном побережье, основанные «на выдающихся в море мысах или у устьев небольших речек, от которых и получили свои названия» (*Чехов.* С. 125). По словам Ювачева, все селения были «построены на берегу моря как станции почтового зимнего тракта в Николаевск» (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 159).

дрейфует ли нас на берег. Оказалось с рассветом, что мы порядочно подвинулись к берегу, посему поспешили свистками[80] скорей вернуться чиновникам на судно, а в *Четверг 25 июля* в $5^{1}/_{2}$ ч. утра отправились дальше к северу вдоль берега Сахалина. В эту ночь, как потом оказалось, сильный шторм ревел около Александровки, – все побаивались за нас. Съехать в следующем селении Трамбаус не могли: волны заставили искать убежище дальше. Подошли к сел.<ению> Виахту, стали искать вход в реку. Волны так бурлили на баре[81], что гиляки с надзирателем селения не осмелились перейти чрез него, а перетащили лодку чрез косу на берег моря и уже отсюда попробовали подойти к нам. Между тем П. К. Игнатьев, желая войти в селение, сам на [своей] пароходной шлюпке отправился искать вход, но вернулся, ничего не сделав. Стали просить, чтобы гиляки на своей шлюпке провели кого-нибудь через бар – боятся. Тогда высадили их на пароход, а посадили на гиляцкую лодку матрос наших с рулевым Проскуряковым, который и сделал промер бара – 5 фут. Опять вопрос – идти или не идти? Я и Проскуряков решили не идти, потому что судно сидит $4^{1}/_{2}$ фута, следовательно волна может ударить пароход обо дно. Но наш храбрый командир П. К. Игнатьев[82] решил идти. В $11^{1}/_{2}$ часа проскочили полным ходом бар, один раз легко ударивши обо дно. С восторгом бросились в глубину озера, несмотря на то, что оно весьма неглубоко даже в прилив. Что же будет в отлив? Но храбрый П. К. Игнатьев ведет все дальше и дальше к самому селению. В $12^{1}/_{2}$ ч. стали на якорь у самого берега. Все съехали на берег, потушили огонь в печах, выпустили воду из котла и стали пировать на траве. Устроили из паруса палатку, наложили подстилок и подушек, сварили суп, яйца, поставили самовар и вышло в полном смысле «возлежание». Потом я поспешил делать съемку озера[83], а гимназист Фельдман мне сопутствовал на шлюпке. В [прилив] отлив вечером мы поехали на пароход. Насило добрались! Где поглубже – там сильное течение, где помельче – едва может шлюпка пройти. Наконец к ужину добрались до парохода, который величественно стоял на мели (был отлив). Ночевали все вповалку на сене в кордоне. Рано утром[84] я поспешил

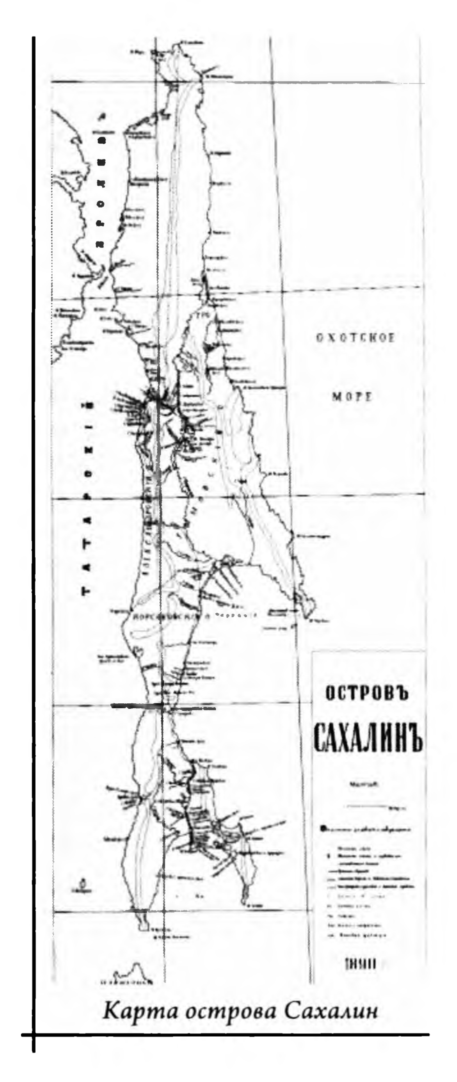
[80] Вписано: «пригласить».

[81] Бар – наносная мель у морских берегов.

[82] «Потом Сергей Николаевич сделал мне замечание – зачем я позволил ему распоряжаться плаванием» (примеч. авт.).

[83] Вписано: «по берегу».

[84] Вписано: «В пятницу 26 июля».

Карта острова Сахалин

подняться и отправиться с матросами делать промер. Отыскали новый вход поглубже прежнего, поставили на берегу створные знаки – 2 бревна с досками и поспешили вернуться. Ал.<ексей> Ал.<ександрович> Фрикен снял фотографию с нашего парохода, а затем мы [все] отправились в море, пользуясь приливом в 11 ч. 40 м. утра. В $2^3/_4$ ч. пополудни подошли к[85] селению Тык. Съехали на берег в гости к гилякам. Их старшина[86], рослый видный мужчина с сильною проседью, любезно показал нам свою юрту. Это, оказывается, просторная деревянная изба; кругом широкие нары; посредине обширный ящик с песком – очаг; а вверху отверстие. Ал.<ексей> Ал.<ександрович> Фрикен снял с них фотографию. В 3 ч. 50 м. пополудни отправились на другую сторону Лимана Амурского[87] к мысу Екатерины. Здесь на фарватере встретились с пароходом «Михаил Иебсен», который шел из Николаевска в (Александровку) в Дуэ. Какая радость! Махали шляпами, свистали, салютовали флагами взаимно, долго провожая друг друга взглядами. В 8 ч. 20 м. стали на якорь у мыса Невельского на ночевку. Так как пришлось всем ночевать на пароходе,

[85] Вписано: «гиляцкому».

[86] Сверху вписано: «(В)оркун». В мемуарах Ювачев называет старшину Оркун (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 150).

[87] Лиман Амурский – место, где Амур впадает в Охотское море.

то я завернулся в дождевик и лег на машинном кожухе под открытым небом. Спал хорошо до самого утра. Удивительно! Целые дни ходишь в мокрых одеждах, в сапогах с водою и ничего! – здоров, и даже нет насморка. *В субботу 27 июля* утром в 4 ч. 45 м. пошли в селение Уанги[88]. Был туман небольшой. Шли, пока возможно было по лоту. Наконец ткнулись, дальше идти нельзя: мелко, а до селения еще далеко. Бросили его и пошли опять на фарватер лимана к мысу Муравьева[89]. В 9 ч. 25 м. подошли к последнему конечному пункту нашей экспедиции, к селению Погоби. Это самое узкое место в Татарском проливе, миль 5 (около 9 верст) от Погоби до мыса Лазарева на материке. Погода нам здесь не очень благоприятствовала. К тому же на кордоне нет ни одной шлюпки, так что пришлось выгребать на своей. Матросы сильно измучились. Ради погоды я переменил место и стали на якорь по другую сторону мыса. Однако успели на берегу сварить обед и отправились назад по фарватеру в селение Тык. Хотя ветру не было, но волны еще не успокоились от бури и[90] сильно качались. К счастью, публика наша немного привыкла к качке. Бедный Ал.<ексей> Александр.<ович> Фрикен с начала путешествия[91] лежал на животе, а гимназист иногда и «травил», как говорят моряки. Но теперь ничего, привыкли. Входя в залив к селению Тык, я немного разобиделся. Рулевой, обыкновенный командир парохода, прославленный моряк, известный осенью двухдневною борьбою с бурею в море, конечно, за собою чувствует известное достоинство и мои приказания, как править, неохотно выполнял. Я не хотел подымать истории, а сошел вниз в каюту. Дескать, если хочешь править – правь один: тут 2 головы не годятся[92]. Посему вечер скучно провел. Ходил в компании в тунгузское селение. Побывал у хорошенькой молодой тунгузки в гостях (все крещены) и отправился на пароход. Пошел малый дождь, лучше сказать – туман садился каплями. Поужинали и завалились спать. Я опять по-прежнему лег на кожухе, но ... ночью сильно прозяб, продрог и спустился в каюту. Снял

[88] Ванги (Уанги) – самое северное из селений, расположенных на западном побережье.

[89] Вписано:: «на материк».

[90] Вписано: «мы».

[91] Вписано: «все».

[92] «Потом Начальник острова разъяснил, что я на катере единственный командир без всякого ограничения со стороны чиновников, напр.<имер> Игнатьева и др.» (примеч. авт.).

мокрые сапоги и подвертки, завернулся в пальто и уснул ненадолго, потому что в 4 ч. снялись с якоря и вышли за Тыховский мыс в море в *воскресенье 28 июля*. Ветер затих, волна стала укладываться, и мы по праздничному спокойно возвращались домой. По дороге зашли в пропущенные селения Трамбаус, Танги и Мгач. Из них Танги очень красивое селение на реке между горами. У самого берега гиляки, а рядом подальше русские. В Мгаче я обходил дома селения – бедность![93] мужики ушли в Николаевск, бросили больных баб на произвол...

В 5 ч. вечера стали у пристани в Александровке, совершивши около 250 миль плавания. Сергей Николаев.<ич> с дамами встречал нас. Публика с любопытством приветствовала, а я поспешил к себе домой в «горницу» обмыться и переодеться.

29 июля в понедельник пошел на пристань – и вдруг погода тихая-тихая, море едва колеблется. Я не утерпел, велел спустить шлюпку и стал делать промер, хотя, может быть, и не понравилось моим матросам, которые располагали отдохнуть[94]. Проработав до 2 часов, я пошел обедать и дал возможность отдохнуть команде.

Вечером сильный отлив помешал выйти из реки и я [пров] принужден был закончить работы на сей день; к тому же встретил на берегу Феодора Никифоровича с Сергей Ник.<олаевичем> и Карлом Христофор.<овичем>. Все пошли осматривать пароход «Князь Н.<иколай> Шаховской», а потом я с Серг.<еем> Ник.<олаевичем> вернулся домой. На другой день *30 июля во* [нрзб.] *вторник* утром выехал на катере «Гинце»[95] в море и поставил-таки наконец первые четыре вехи. За обедом получил от Вас письмо и посылку. Четыре книги Ивана Семеновича и Новый Завет на англ.<ийском> языке я получил, но я совершенно не понимаю (забыл), какую книгу Вы спрашивали у отца Александра. Если «Фому Кемпийского», то эта книга взята Благочинным в Дуэ. Благодарю за аптеку и Вас и Доктора. Благодарю за носки. Больше

---

[93] Вписано: «некоторые».

[94] Ювачев вспоминал о сложности своих занятий: «Сначала я провел промер правильными квадратами, выставляя створные вехи на берегу и на воде; но чем дальше уходил в море, тем труднее было удержать их на бурном волнении рейда. Выставленными вехами можно было пользоваться очень короткое время: сильное течение, даже в тихую погоду, к вечеру уже уносило их за Жонкиерский мыс, а в бурю, когда бухта представляла из себя кипящий котел, они были разбросаны по берегам» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 159–160).

[95] Катер был назван в честь Андрея Ивановича Гинце, начальника острова Сахалин в 1884–1888 годах.

не надо. Не знаю – придется ли и эти носить. Напрасно Вы и Надежда Михайловна так горячо взялись за шитье рубах. Вы лучше бы отдохнули немного. Сегодня я много проповедовал. *31 июля среда.* По случаю дождя был дома. Писал письма, чертил план и беседовал о вере. В 3 часа пополудни пошел к Феодору Никифоровичу. Застал их за пивом после обеда в обществе Марии Феодоровны[96] и Г-на Кеслера[97], потом пришли еще какие-то две барыни. Нового ничего не узнал. Болтали пустяки, и я в 6 ч. вечера поспешил пойти в Церковь. Отец Николай после Великого Славословия вынес крест для поклонения. Это было очень торжественно.

1 августа. Четверг. После обедни был крестный ход на реку[98]. До обедни и после до 2 часов чертил[99] в чертежной с Загариным. Хотя день солнечный, но сильно ветреный, поэтому и на пристань не ходил. Итак, я здесь прожил целый месяц. Жил вполне по-светски. Болтал пустяки. Искал, чем бы занять общество. Ходил в гости. Наряжался. Ел и пил без разбору почти (кроме запрещенных чая, пива, водки и пр.). Спал вволю. Гулял немало. Вообще прожил так, как бы я не хотел жить. Мало читал Библию. Кажется, ни одной дельной мысли не записал за это время в дневнике-письмах, которые посылаю Вам. Дай Бог, хоть выполнить хорошо возложенное на меня поручение. Да и об этом пока не смею много сказать. Все начато, но ... finis coronat opus.

Сейчас смотрел море – как в котле кипит! Выдержат ли мои вехи? Хочу пойти к Гловацкому. Мария Антоновна, желаю Вам доброго здоровья, крепости и силы. Будьте в мире и любви. Кланяйтесь Надежде Михайловне, Доктору и всем моим знакомым. Феодор Никифорович говорил, что Вам делаются новые рамы. Он думает обмазать снаружи дом глиною. Все-таки лучше будет! До свиданья! Молитесь за меня. Молю и я Бога, чтобы подал Вам силы и здоровья на благое. Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, спаси и сохрани нас под кровом Твоим в мире и любви.

1891 г. Ив. П. Ювачев

Александр.<овский>пост на Сахалине.

---

[96] Акорчева Мария Федоровна (1832–1901) – фельдшерица и повивальная бабка в Александровском округе, приехала на Сахалин осенью 1885 года вместе с Кржижевской (см.: Дн. 3. Л. 13).

[97] Кестлер Август (р. 1840) – купец в Дуэ.

[98] 1 августа – праздник Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, после литургии совершается крестный ход на воду.

[99] Вписано: «планы».

28 июля

Как поживаете, Иван Павлович? Съездили ли на север и все ли благополучно? Посылаю Вам книги: Навиля, Серафима, Погодина и Фому Кепмпейского. Спрашивала у батюшки книгу, но он сначала ответил, что сдал Вам, на мое же возражение, что он не сдавал, сказал: ну так надо спросить у Мар.<ии> Лаврен.<тьевны>. Просила матушку поискать, но результатов никаких не получилось. Все уложила и завязала и сейчас вспомнила, что новый завет не уложила. Передам Ливину на руки, спросите у него. Посылаю Вам зубные капли, их же у нас дают и от цинги, только в меньшем количестве, чем от зубной боли, но надо и внутреннее лечение. Затем «животные капли», Распайлову воду, касторку и мазь от ревматизма, причем тоже нужно и внутреннее лекарство. Еще 24 порошка хинин, английской соли и глауберовой соли (1 ложка столовая на прием). Да еще веротриновую мазь, которую доктор советует втирать тряпочкой или фланелью.

Сейчас получила Вашу телеграмму, ну и слава Богу! Теперь еще на юг придется съездить? Получили ли жалованье? Белья еще не отправляла, потому что мы решили прибавить еще. Четвертую рубаху и подштанники, чтобы каждому досталось по смене. Над.<ежда> Мих.<айловна> уже 4 дня работает у меня с утра до вечера, больше моего сшила, спасибо ей! Нашла Вам только три пары носков, пока обойдитесь ими, к приезду приготовлю.

Про себя ничего не могу сказать. Сижу дома и работаю, хотя болей не чувствую, но слаба.

Спешу отправить, пока Ливин не улегся спать. Будьте здоровы, и да сохранит Вас Господь Бог и Божия Матерь от всех бед и напастей.

Преданная Вам
Кржижевская.

Пересмотрите книги, не оставила ли я какой записки.

†

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Александровка. Мир и любовь!

1 августа. Узнав, что Феодор Никиф.<орович>, может быть, отправляется сегодня вечером, я поспешил запечатать письмо и отослать к нему, а сам пошел к Ал.<ександру> Главацкому. Впопыхах я не обратил внимания, что огарок стеариновой свечи горит просто

на столе среди массы бумаг и книг: днем огонь не очень заметен. Прихожу ночью – нет свечки. Шарил, шарил – не нашел. Все спички истратил искавши. На другой только день узнал, от какого несчастия избавил меня Господь: свечка догорела, стеарин расплылся, загорелся стол и .... потух, когда в расстоянии меньше одного вершка кругом лежали бумаги. – Долго сидел у Головацкого, смотрел новый барометр. Много рассказывал об Ирине. Бедная! почти все спустила за водку. Теперь она в Хабаровске и ... нуждается; впрочем, у Лансберга есть еще несколько сот ее денег.

2 августа. Пятница. Пошел на пристань утром. Там встретил Алексея Александр.<овича> и с ним вернулся назад: погода бурная. Записал в шханечный журнал[100] наши плавания в Де-Кастри и к мысу Погоби. После обеда чертил немного план, а вечером пошел на пристань, поставил вехи и сделал 5 линий промера до заката солнца. *3 августа. Суббота.* В эту ночь сильный ветер бушевал от SW и все мои вехи, кажется,[101] разбросал. Утром в 5 ч. побежал на берег и нашел одну веху в реке. Потом у Загарина чертил план. Занимался немного астрономиею. Страшная буря заставила наши катера идти в море. «Шаховской» ушел в Де-Кастри. Всенощной не было: священники разъехались. Вечер провел у Ив.<ана> Сем.<еновича> Карауловского в беседе о религиозных вопросах. По дороге поговорил на крылечке с Ольгою Владим.<ировною> и Мариею Феодоровною.

Воскресенье 4 августа[102]. Утром с приходом 2-х пароходов побежал на пристань, а оттуда к В. П. Лукьянову завтракать. Получил часы, и мои и Ваши. После обеда до вечера с моими хозяевами ходил в поле, верст за 5, смотреть картофель. По дороге сбирали ягоды, пели, болтали. Вчера начал писать Лоцманские заметки. *5 августа понедельник*[103]. Проспал. Загарин застал меня в постели. [ради] Бросился на пристань и, пользуясь хорошей погодой, делал промер до 5 часов. Вдруг ... простите меня, бедная, добрая, хорошая Мария Антоновна! меня приглашают ехать на пароходе «Стрелок» в помощь 1-му помощнику Бредихину, потому что командир Эриксон заболел. Придется ехать сегодня

---

[100] Шханечный журнал – то же, что вахтенный журнал.

[101] Вписано: «по берегу».

[102] Позже вписано между строк: «Наследник вернулся из путешествия в Красное Село, а Епископ Гурий выехал из Петропавловска». 4 августа 1891 года завершилось многомесячное восточное путешествие будущего императора Николая II.

[103] Позже вписано: «† Иоанн Наумович протоиер.<ей>».

в 10 ч. вечера. Путь наш кругом Сахалина в Корсаковский пост[104], а оттуда в Тихменевский, т. е. в *Тарайку* на восточном берегу[105]. Полагаю, больше недели, но, Бог даст, не больше двух. Молите за меня Бога, пожалуйста. Сегодня я не мог прочесть даже утром в свое время обычных молитв. Надеюсь на милость Божию и мольбы Божией Матери.

Будьте здоровы. Дай Бог Вам, дорогая Мария Антоновна, силы и благодушия в Ваших делах. Отчет может подождать меня в Александровке.

Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, спаси и сохрани нас под Кровом Твоим в мире и Любви.

Ваш Ювачев, Ив. П.

P. S. Не напишете ли за меня что-нибудь моим родным?!

†

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Тихий океан — Мир и Любовь!

Как я Вам, Мария Антоновна, писал в последнем письме – выехал из Александровки на пароходе «Стрелок» в полночь с 5 на 6-е августа. На пароходе кроме служащих был еще и П. К. Игнатьев. Надо нам провизию взять из Корсаковского поста и отвести (sic!) в Тарайку (в пост Тихменева), где предполагается вести телеграфную линию. Командир Иван Март.<ынович> Эриксон простудился и лежит болен. Его помощник – Ипполит Петр.<ович> Бредихин – молодой человек. Он окончил курс мореходных классов. Еще есть один старичок, который тоже стоит третью вахту с нами – Эмануил Леонт.<ьевич> Кнаст. Я вступил на первую вахту с полночи до 4-х часов утра. Погода серенькая, но тихая. Это был у вас праздник, *вторник 6-е августа*[106]. Днем знакомился с пароходом, с морскими книгами. Беседовал с больным командиром. Спал днем. С полдня до 4-х вечера стоял на вахте – погода серенькая, но тихая. *7-го августа, среда*. С полночи до 4-х утра на вахте. Утром достал лоцию Татарского пролива на английском языке и вместе переводил с Командиром. С 12 до 4-х вечера на вахте. В это время обходили

[104] Корсаковский пост – главный город южного округа Сахалина.

[105] Пост Тихменевский расположен в заливе Терпения в устье реки Поронай. Тарайка – гиляцкое название всей местности, прилегающей к устью Пороная (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 170).

[106] 6 августа – праздник Преображения Господня.

самый южный мыс на Сахалине – Крильон. Погода поднялась бурная. Волна океанская высоко поднималась навстречу нам. С нами рядом шел другой пароход (в Камчатку уголь вез) «Михаил Иебсен», тот самый, который нам встретился у мыса Екатерины в конце июля. Однако к вечеру[107] добрались до Корсаковского поста, где обрели тихое пристанище. Но тут другое неудовольствие: Начальник округа Чаплыгин уехал по селениям. Пришлось дожидаться его, тогда как за каждый [лишний] день казна платит хозяину парохода Шевелеву – 140 руб. и уголь.

8 Августа, четверг[108]. Приехал Начальник округа, и началась нагрузка муки, крупы, солонины и проч. Приезжали к нам чиновники. Матушка посетила нас[109]. Я в 3–5 ч. [вечерком] вечер съехал посмотреть церковь, селение, японцев. Церковь понравилась: чистенькая, много образов, иконостас в 2 яруса. Есть образ Николая в память 17 окт.<ября> 1888 г.[110] Был на японском судне – «джонка» (старинный тип). В 9 ч. веч.<ера> снялись с якоря и отправились в Охотское море на восточную сторону Сахалина. Я встал на вахту с 8 ч. вечера до полночи. Было тихо.

9 Августа, пятница. С 8 ч. утра до полдня на вахте. Занимался астрономическими наблюдениями и вычислениями – очень удачны. С нами поехал инженер Игнатий Иванович Суханевич. Он по берегу Охотского моря хочет [поискать] посмотреть залежи угля. Я его мало знаю. Произвел он на меня [довольно] не совсем хорошее впечатление. Все были недовольны его присутствием, а под конец плавания в Тарайке и совсем рассорились[111]. Между прочим, он предлагал мне[112] с ним вместе работать; [ему] т.е. мне надо было бы сделать для него съемку теодолитом и соответствующие вычисления, но я наотрез отказался. Ночью с 8 до 12 ч. стоял на вахте. *10 августа. Суббота*. Утром

---

[107] Вписано: «10 ч.».

[108] Позже вписано: «Епископ Гурий приехал к устью реки Тигиль».

[109] Речь идет о жене корсаковского священника о. Александра Фаддеева, которого рыковские жители, оставшись в 1890 году без священника, просили назначить к ним (об этом: Дн. 2. Л. 31 об).

[110] 17 октября – день спасения царской семьи. 17 октября 1888 года поезд, в котором царская семья возвращалась с Кавказа, сошел с рельсов, но никто серьезно не пострадал.

[111] Суханевич Игнатий Иванович – горный инженер, который присоединился в Корсаковском к команде «Стрелка» и своим «требовательным и заносчивым тоном» восстановил всех против себя (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 168).

[112] Вписано: «на будущий год».

в пятом часу пришли к Тихменевскому посту к устью реки Поронай (Нева)[113] и стали на якорь. И сколько хлопот было с выгрузкой! Людей русских очень мало – пришлось обратиться к японцам, а они вольный народ – работают, когда хотят. Река имеет очень сильное течение, а навстречу ему [сильная] громадная волна, вследствие чего на баре образуются ужасные буруны, которые опасны для лодки. Я сам едва проехал на судно. Японцы очень живой народ, постоянно смеются, работают с песнями. Их одеяние – на плечах синяя одежда, на голове – платок повязан венком, [а] и еще «целомудренный пояс»[114]. Но я сегодня получил плохое известие относительно одного моего товарища, офицера, который кончил свою жизнь, склонив голову под колеса машины...

11 августа. Воскресенье[115]. Ночью болтались в море. Утром опять стали выгружать провизию. Сколько перепортили муки водою! Иное и совсем потеряли в воде. Сколько хлопот и сколько расходов! – За обедом и долго после обеда разговаривал с Командиром о разных странах. Он много путешествовал по всем частям света и потому может порассказать много интересного. Немного вычислял и писал письмо. Погода пока неудобная для нас. С закатом солнца снялись с якоря и вышли в море малым ходом, а с восходом вернулись опять в Тарайку. Я опять стоял на вахте с 8–12 ночи. На вахте сильно дремал, наконец сменился с вахты (*12 августа. Понедельник*), спустился в каюту и лег... Во сне увидел сестру Аннушку[116], –

---

[113] Поронай – одна из двух крупных сахалинских рек, берет начало в Тымовском округе и впадает в Охотское море. «В 1805 г. адмирал Крузенштерн нашел в ней сходство с петербургскою рекою и потому окрестил ее Невою, но это название удержалось только на географических картах» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 169).

[114] Так Ювачев называет набедренную повязку – фундоси, которая была частью традиционной одежды японских мужчин (прямоугольный кусок белой хлопчатобумажной ткани обертывали вокруг талии, завязывали узлом и пропускали один конец между ног, закрепляя его за поясом).

[115] Позже внизу страницы написано карандашом: «Кажется 9 неделя? и Евангелие Мт. 14.22–33». Видимо, имеется в виду 9-е воскресенье по Пятидесятнице, когда читается Евангелие от Матфея. 14: 22–34.

[116] Ювачева Анна Павловна. В юности близкий Ювачеву человек, о чем он писал ей 22 июля – 10 августа 1893 года: «Наше прошлое так близко и по родству и по воспитанию и по летам... Однажды, помню я, маленькими ребятами мы молча только по взгляду глаз поняли, что нам очень грустно, и оба, отвернувшись, заплакали» (Ед. хр. 3. Ч. 6. Л. 2).

я проснулся и заплакал: она представилась мне такою жалкою. Вообще я мало сплю, тревожно, со сновидениями. Сегодня утром окончательно выгрузили провизию и отправились около полдня в пост Мануэ (к югу от Тарайки – самое узкое место острова Сахалина)[117]. Погода хорошая. Подошли к Мануэ в 9 ч. вечера. Темно, почему ночевали в море, идя малым ходом. Мои вахты: с 8 до 12 днем и ночью. *13 августа*[118]. *Вторник* – годовщина моего ареста[119]. Не могу умолчать и о сегодняшнем сне. Я видел Наталью Павл.<овну>, ее мужа и дочь[120]. Замечательно, дочь ее во сне была взрослой девочкой, т. е. в тех летах, какие она имеет теперь. Бог знает! как они живут... Утром подошли к Мануэ. Приехал к нам штегер[121] горных работ Иванов (он послан обследовать уголь на восточном берегу Сахалина). Молодой человек, веселый, здоровый. С ним мы (я и Петр Кир.<иллович>) съезжали на берег. Итак, этот день я провел на берегу Охотского моря или проще – на берегу Великого Океана. В 11 ч. утра снялись (после того как сдали солдатскую провизию около 500 пудов) и отправились в Александровку. Погода – штиль. Благополучно вошли в пролив Лаперуза по границе Российской Империи и в *среду 14 августа* имели удовольствие плыть в проливе при ясной, тихой, теплой погоде. Море усеяно разнообразными морскими птицами. По временам вдали показываются киты. Около 10 ч. утра подошли к известному

---

[117] Мануэ – пост, находящийся между Тымовским и Корсаковским округами на восточном побережье.

[118] Позже вверху следующей страницы написано: «Епископ Гурий прибыл в устье р. Гижичи».

[119] Ювачев был арестован 13 августа 1883 года. В дневниках он постоянно возвращается к этой дате, как и к другим знаменательным датам своей жизни, отыскивая в ней провиденциальный смысл. Например в записи, озаглавленной «Замечательные дни моей жизни с показаниями луны относительно Иерусалимского меридиана»: «13 авг.<уста> 1883 г. Арест за 7 дней до Новолуния (прибл.)» (Дн. 2. Л. 119).

[120] Есипова Наталья Павловна – жена судового врача Николая Анемподистовича Есипова (1854–1909), с которой у Ювачева был роман. 28 декабря 1893 года в дневнике он восстанавливает историю своего знакомства с ней (Дн. 3. Л. 104). Через год после смерти Марии Антоновны, летом 1893 года, вступил с ней в переписку. В воспоминаниях писал о ней как об интеллектуальном центре кружка николаевской морской молодежи. Возможно, история отношения с ней и ее мужем отразилась в сюжете рассказа «Из семейной драмы».

[121] Штейгер – горный мастер.

камню «Опасности»[122] у мыса Крильон. Тут представилось невиданное зрелище! На голом скалистом островке среди открытого моря тысячи громадных животных (сивучи?)[123] как громадные камни показались нам издали. Когда [мы] приблизились на одну[124] от них, мы увидели, что эти громады кишат, как черви, на рифах этого островка. Их рев далеко разносится по морю, как бы морские сирены предупреждают об опасности. Погода – штиль, и это в том месте, где мы 7 августа терпели шторм. Свободное время провожу в беседах с Командиром, здоровье которого[125] поправляется.

15 августа. Четверг. Погода прекрасная. Тихий попутный ветер и легкая волна. Мои вахты по-прежнему с 8 до 12 ч. днем и ночью. Наконец в 10 ч. вечера увидели огонь Александровского маяка, а в 3 часа ночи *16 августа в пятницу* стояли на якоре напротив пристани. Вскоре пришел за нами паровой катер, а потом и лошади. В 5 ч. утра я уже имел удовольствие читать Ваше письмо у себя в комнате. Относительно поездки в Сертунай (на юг) я ничего Вам не могу сказать. Может быть, и без меня поедут, потому что тут не надо ни компаса, ни штурманского знания, чтобы идти вдоль берега от мыса до мыса. С этим согласился сам Сергей Николаевич, хотя для лоцманских заметок мне надо бы проехаться вблизи берега. Кроме казенных дождевиков, здесь не достанете их ни за какие деньги. Хорошие высокие сапоги не спасут от воды на катере, когда обдает с головы до ног. Опыт показал, что быть мокрым 2–3 дня не опасно. Старые моряки советуют, чтобы не простудиться и не заболеть ревматизмом, ложиться спать мокрым не раздеваясь. Конечно, Вы хорошо сделали, что поспешили найти Дидона[126]. Я Вам скажу, где находится книга Ив.<ана> С.<еменовича> Карауловского «Вечная мука грешников»[127]

---

[122] Камень Опасности – «голый каменистый островок – лежит среди пролива Лаперуза, т. е. там, где разделяются две империи и соединяются два моря – Охотское и Японское. В туманную погоду он действительно очень опасен для мореплавателей, потому что от него на далекое расстояние тянутся подводные рифы» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 162).

[123] Сивучи – крупнейшие представители семейства ушастых тюленей.

[124] Вписано: «милю?»

[125] Вписано: «быстро».

[126] Вероятно, речь идет о книге: *Дидон А.* Иисус Христос. – СПб., 1891. 15/27 мая 1891 года Ювачев записывает в дневнике: «Начал читать соч.<инение> Дидона» (Дн. 2. Л. 78), потом регулярны записи о том, что читает и пишет свои замечания; вернувшись из Александровска, 17 сентября он возобновил чтение (Дн. 2. Л. 85).

[127] *Попов Е.А., прот.* Вечная мука грешников. – Пермь, 1885.

в розовой бумажке. Я ее дал Скороходову, а он поселенцу, который уехал на материк, и книга с ним. Не ищите. Копия таблицы наблюдений у меня. Если 1-ое сентября по нов.<ому> стилю буду в Александровке, опять Вы пришлите пустые бланки, и я с ними скоро покончу, Бог даст. Жаль, что указать некому относительно некоторых вещей в Церкви. Хорошо бы было нам отпраздновать наше «обновление храма» 22-го октября в храмовой праздник[128]. Правда, медикаментов для Де-Кастри было немного, но я пополнил недостаток лекарствами для души: положил в ящик 5 экземпляров «Нового Завета» с приличным письмом по сему поводу. Видел сегодня Алексея Александр.<овича>, рассказывал о Вашем чудесном сне относительно стволов ружья. Получил Вашу шапку; как раз впору. Сшита очень хорошо, и вид ее изящнее старой. Мне остается за нее целовать Ваши добрые руки.

Итак, прочитавши раза 2–3 Ваше письмо, я поспешил хорошенько вымыться с ног до головы (на пароходе от сажи из трубы сильно пачкаешься) и [зач.] пойти к Сергею Никол.<аевичу>. Там по обычаю застал полный стол чиновников, но беседовать с ними долго нельзя было: уже звонили к обедне. 15 и 16 августа[129] – это дни моего обращения к Богу[130], и потому я с удовольствием поспешил в Церковь и попросил отца Николая отслужить молебен Заступнице Усердной, а он от себя прибавил и Нерукотворенному образу Спаса (сегодн.<яшнему> празднику)[131]. После обедни отослал Вам телеграмму и сходил на пристань с секстаном. Теперь, поспав немного, я дописываю Вам это письмо, да надо взять Библию ради праздника моего. За работу, может быть, примусь с понедельника. Мария Антоновна, когда же Вы мне скажете, что Вам купить по хозяйству?

Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, спаси и сохрани нас под Кровом Твоим. Ив. П. Ювачев.

---

[128] 22 октября – праздник Казанской иконы Богородицы, престольный праздник в Рыковском.

[129] Позже вверху страницы вписано карандашом: «Чрез 10 месяц.<ев> † М.<ария> Ант.<оновна>». На этой же странице на полях чернилами: ««Еп.<ископ> Гурий терпит бедствие на катере около устья Гижичи в ночь [с] 16 на 17 августа».

[130] Не обнаружены материалы, которые бы объясняли 15 и 16 августа как дни обращения Ювачева к Богу. Но вполне вероятно, что важен не месяц, а числа – 15 и 16: по словам Ювачева, изъявив в Шлиссельбурге «желание изучать греческое писание», он после всенощного бдения с 15 на 16 января 1886 года получил Библию на греческом языке (Дн. 2. Л. 26).

[131] 16 августа – праздник Перенесения Нерукотворенного Образа.

10-ое августа[132]

С приездом Вас, Иван Павлович! Хотя сейчас-то Вы и отсутствуете, но надеюсь, что Господь благополучно приведет Вас в Александровку после удачного плавания. Я очень довольна, что Вы поехали на «Стрелке», – отчасти интересно хорошенько ознакомиться с островом, а к тому же Вы развлечетесь и физически больше окрепнете. Очень сожалею только, что погода мешает Вам работать и ветер разбрасывает Ваши вехи. Так-то Вам долго придется провозиться с ними, да и скучно не двигаться вперед. Август, конечно, Вы пробудете весь в Александровке да, пожалуй, захватите и сентябрь? Ведь Вам еще на юг надо съездить? Хорошо бы пораньше съездить, а то наступят холодные ночи, а у Вас и одежды подходящей нет. Если тот дождевик, в который Вы заворачиваетесь, принадлежит Вам, то Вы очень умно сделали, что приобрели его. Хорошо бы было еще Вам купить на пароходах кожаную куртку на фланелевой подкладке да запасти сапоги из хорошего матерьяла, чтобы не промокали. Оно и калоши резиновые не мешало бы купить.

Посылаю Вам шапку, сшитую из лоскутков, а потому очень бесформенную, но, по крайней мере, чистую, а то я воображаю, на что теперь похожа Ваша старая. Ведь Вы хотели себе купить фуражку с козырьком, потому я раньше и не позаботилась сшить, да без мерки и неудобно, мерила по своей голове, на Вас, пожалуй, будет немного велика. Не надо ли чего Вам сшить, пожалуйста, пишите, не стесняйтесь.

Отославши белье с Вашей запиской, я почти уже 2 недели отдыхаю и большой работы еще не начинала никакой. Если не примут, то вероятно, отошлют Вам, ну а Вы можете распорядиться по собственному усмотрению. Вещь недорогая: четверо подштанников и 2 рубахи из бязи, а 2 рубахи только из коленкора.

Не знаю, будете ли Вы на меня в претензии за то, что я дала доктору Дидона. Уж очень ему захотелось его достать, так что он начал самые деятельные розыски. Был у батюшки, у Ливина, требовал Гриценко[133] к себе, наконец узнал, что ключ у Лоцина, его призвал. Думаю, что же, обратится к Вам и скажете, что они у меня, тогда уж мне совсем стыдно будет, и я дала ему, сказавши, что нашла их между вашими книгами.

Вы спрашиваете, какую книгу я спрашивала у отца Александра? У него ведь книга Карауловского «об исходе грешной души».

[132] Некоторые темы этого письма предшествуют письму Ювачева от 15 августа.

[133] Гриценко – певчий Рыковской церкви.

Я не помню буквально название этой книги, но содержание ее заключается в странствовании грешной души по мытарствам. Сейчас получила бланку за июль месяц, но только Александровской станции, неужели Вы забыли оставить копию Рыковской станции? А может быть, она у Вас? Если забыли, то попросите у Головацкого копию.

Про себя сказать Вам нечего. Сижу дома, немного работаю, немного лежу и еще меньше гуляю. Здоровьем не поправляюсь, но, кажется, благодаря Бога, и не ухудшаюсь, болей не чувствую никаких, но очень слаба.

Церковь уже обтянули холстом и становят печи, будут и полы красить. Говорят, что еще месяца на 2 хватит работы. Очень жаль будет, если к Покрову не будет церковь готова. Да жаль, что и на Воздвижение службы не будет. Мне показалось, что Вы не совсем довольны присланными медикаментами, если надо что-нибудь еще, то напишите, можно будет прислать, а то так очень трудно [будет] догадываться. Но только имейте в виду, что александровские доктора не очень снисходительный народ, в особенности Давыдов[134], так Вы уж лучше будьте поосторожнее.

Сейчас приходила Малявкина, завтра едет в Александровку, так уж я ей передам шапку и письмо, а то, пожалуй, Фрикен, которого сегодня ждут сюда, прогостит здесь долго. Если шапка Вам не будет годиться, то можете отдать кому-нибудь.

Будьте здоровы, сердечно желаю Вам полного успеха в делах и надеюсь, что Господь Бог и Божия Матерь сохранят Вас от всяких бед и напастей.

Преданная Вам
Кржижевская[135].

---

[134] Давыдов А. Д. – военный врач Александровского лазарета, пользовавшийся на Сахалине дурной славой, что подтверждают и слова Кржижевской. В. Дорошевич приводит его как пример «осахалинивания» «даже образованных и, казалось бы, развитых людей» (*Дорошевич В. М.* Указ. соч. Ч. I. С. 210). Характерно название брошюры, изданной Давыдовым в 1894 году, – «О притворных заболеваниях и других способах уклонения от работ среди ссыльнокаторжных Александровской тюрьмы».

[135] На оставшейся части страницы следы от изъятой вклейки, справа – относящаяся к ней карандашная подпись: «13 февр.<аля> 1890 г. Мария Антоновна». В дневнике Ювачева есть запись, датированная 13/25 февраля 1890 года: «Рисовал утром М.<арию> Ант.<оновну>» (Дн. 2. Л. 7). Возможно, это тот единственный известный нам портрет Кржижевской, который впервые был воспроизведен в журнальном издании книги Ювачева «Восемь лет на Сахалине».

†

Во имя отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

1891 г., Александр.<овский> пост. Мир и любовь!

17 августа, суббота. Утром занялся писанием Лоции. В это время пришел из Николаевска пароход «Байкал», который привез к нам нового начальника Полковника Димитриева[136]. Встреча, представление, обед, музыка и проч. Я поспешил с Софией Ильинишной на «Байкал» к Моисееву. Сделал ему поручения относительно покупок рублей на 15. Встретил кума Юркевича[137]. Он объездил волости около Амура и решил остаться на Сахалине, который ему представляется раем сравнительно с Амурскою областью. Ему не понравился народ, их нравы, нравственность и взгляды; не понравился и климат. Наши крестьяне бедствуют и сожалеют, что покинули хорошие хозяйства на острове. Заработка почти нет. Климат, по его мнению, хуже нашего. Хлебá хорошие, но сбыт плохой. К тому же бедному крестьянину не угоняться за манзами[138] и китайцами, которые засевают хлеба несколько десятков десятин и продают очень дешево. Остаток дня провел в Церкви во время всенощной.

18 Августа, воскресенье. Ходил в Церковь. До обеда писал Лоцию, а после обеда ходил к А. Головацкому за Атласом Метеорологическим, но не нашел у него: [взял] его отправили к Петру Ивановичу[139] вместе с книгами.

19 Августа. Понедельник. С утра до вечера пролежал на доске – чертил карту. *20 Августа. Вторник.* Утром составлял карту, а после обеда

[136] Дмитриев – полковник, чиновник при командующем войсками Амурского края, временно исправлявший должность начальника острова в 1891–1892 годах (*Теплинский М. В.* Указ. соч. С. 198). Л. Я. Штернберг писал о Дмитриеве как о «кутиле и развратнике» (*Штернберг Л. Я.* Петр Карлович Домбровский. – М.: Изд. политкаторжан, 1928. С. 10). В дневнике Ювачева есть запись о приезде Дмитриева в Рыковское 17 сентября 1891 года (Дн. 2. Л. 85).

[137] Юркевич Степан (Стефан) Григорьевич – бывший ссыльный, в юные годы по несчастной случайности попавший на Сахалин; учительствовал в Рыковской и Дербинской школах, служил тюремным надзирателем, работал десятником на постройке Уссурийской железной дороги (*Миролюбов И. П.* Восемь лет на Сахалине. С. 92–94), впоследствии вернулся в Рыковское. В 1891 году Ювачев крестил у него ребенка (Дн. 2. Л. 70 об.).

[138] Манзы – китайцы в Уссурийском крае, оседлое население или сезонные рабочие.

[139] Супруненко Петр Иванович (род. 1844) – доктор медицины, с 1880 года заведующий медицинской частью на Сахалине, старший врач Александровского лазарета и заведующий метеорологическими станциями на Сахалине.

выехал на промер. Погода бурная. Немного сделал и бросил. Писал вечером Лоцию. Получил от Вас телеграмму. Да сохранит Вас Матерь Божия под кровом своим.

Л. Я. Штернберг

21 августа, среда. С утра до полдня делал промер реки, потому что в море бурная погода. Потом до обеда писал письма. – Мария Антоновна, почему мне не пишете, как поживают мои знакомые и родные? Надежда Михайловна (кланяюсь ей), Доктор (и ему поклон)? А исполнили ли мою просьбу – написать письмо моим родным? Получил ли Феодор Никифорович (кланяйтесь от меня) выписанные мною книги? Получаете ли Вы «Русский Паломник» от Батюшки? После обеда беседовал с гостем Львом Яковлевичем Штернбергом[140], потом пошел к Загарину составлять план. Мария Антоновна, не могу похвастаться, чтобы работа была удачна. Я очень недоволен. Уже подумывал отложить до весны. Молите Бога, пусть Он поможет мне покончить успешно мое дело и освободиться от Александровки. Теперь 9 ч. вечера, спешу сейчас идти к Арсению Михайлов.<ичу>. Слышны удары грозы. Бедная, добрая моя Мария Антоновна. Дай Бог Вам силы и здоровья для Ваших дел. Особенно сегодня молил Бога и Божию Матерь, чтобы Вам прожить мирно, покойно, без нужды. Да даст Вам Господь теплое покровительство и приста-

[140] Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) – бывший студент Новороссийского университета, член «Народной воли», в административном порядке высланный на десять лет на Сахалин в 1889 году. С 1890 года начал изучать жизнь сахалинских гиляков, впоследствии и других коренных народов Сахалина. Видный этнограф; за свои этнографические труды по ходатайству Академии наук был досрочно освобожден в 1897 году (см.: Памяти Л. Я. Штернберга. 1861–1927. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930). В дневниках Ювачева многочисленны записи о встречах с ним.

нище. Целую сердечно Ваши милые добрые руки. Матерь Божия! Все упование мое на Тя возлагаю, спаси и сохрани нас под Кровом Твоим в мире и любви.

Иван Павлович[141].

21 августа

Вы, вероятно, простите меня, Иван Павлович, что я проспала поездку Арсения Михайловича в Александровку и задержала немного отчет. Дня три меня такой сон одолевал, что я ничего не могла делать, с великим принуждением и в аптеку ходила.

Вы все спрашиваете, что мне купить по хозяйству? Верьте, что ничего не надо, и при всем желании что-нибудь придумать, я ничего не могла. Может быть, я сама чего-нибудь и купила бы, не потому что мне надо, а так, из любви к покупкам, но за глаза ничего не придумаю. Говорила по поводу это и с Надеждой Михайловной, и она ничего не выдумала. Да она сама собирается на будущей неделе в Александровку и подтвердит Вам это.

Сегодня у меня начался ремонт: с утра прислали человека набивать колышки в стене для обмазки глиною[142]. Но так начали колотить, что я испугалась за барометр и побежала в 6 часов утра к Ливину с просьбою остановить. Но он пришел сам, велел сперва делать надрезы, так что забивка пошла потише, хотя и было содрогание в стенах, но незначительное. Я все-таки сильно боялась, но кажется, Бог даст, обойдется благополучно. Говорит он, что и рамы готовы. Слава Богу! Сам Господь позаботился об этом деле, я же никого ни о чем и не просила.

Вчера помешали мне окончить письмо, отложила еще на день. Сегодня опять с утра рабочие и смотритель все ходит и смотрит, чтобы хорошо делали и потише. Слава Богу!

Как скоро рассчитываете приехать, Иван Павлович? Предупредите заранее, чтобы Лоцин успел еще раз побелить Вашу комнату. Вчера я ему отдала четвертый рубль от Вашего имени. По-видимому, он очень доволен, спрашивал, скоро ли приедете? Насчет книги Вы опять забыли. Когда батюшка просил Вас доставить ему все книги о загробной жизни, тогда Вы взяли у меня эту книгу и отдали ему. Она

[141] После этого, возможно, было еще одно письмо: сохранились следы вырванных двух страниц.

[142] Сверху вписано: «снаружи».

в синей обложке, и там описаны все сорок дней странствования души и прохождение ее по мытарствам, заглавие ее я забыла, но только это не та, что Вы дали Скороходову. Это я говорю так, больше я у него не спрашивала. Он получил новые книги и на днях принес мне «Дни богослужения православной церкви» Дебольского[143], без моей просьбы. Как настольная книга она хороша, но читать ее трудно, все равно удержать всего в памяти невозможно.

Кому Вы дали читать «старца Даниила», у меня Скороходов спрашивал. Не давали Вы кому-нибудь мою «Физиологию», просил у меня Ливин, и я не нашла. Ну да это не важно, может и после прочесть, ничего не потеряет.

Что Вам сказать, Иван Павлович? Все сижу дома, никуда не выхожу и у Над.<ежды> Мих.<айловны> с Вашего отъезда была только один раз. Работаю худо, читаю еще меньше, не особенно и валяюсь, а время все уходит. Погода у нас худая: все дожди да ветра, и чувствуется себя что-то плоховато. Получила я кагор и пью вторую бутылку, как будто немного лучше стало. Купила у Овчинниковой[144] пальто за 18 рублей, да отдавала перешить за 1 р. 50 коп., зато теперь в будку хожу по вечерам в пальто, а то раньше все мерзла. Положим, оно не ахти, но все-таки приличное.

Иван Павлович купите себе дождевик, он во Владивостоке стоит 7–8 рублей. Право, не худо было, да и калоши купили бы, ведь прошлую зиму хотели купить.

На гостей у меня время все уходит, сейчас опять три часа потеряла. Но зато у меня сейчас вставляют рамы, и хорошие, толстые рамы. Слава Богу!

В церкви делают печи по новой системе под руководством Вейера, доктор от них в восторге. В алтаре уже печь готова и хотят красить, пол тоже будут красить. Хотя бы Господь дал, чтобы к Покрову была

---

[143] Речь идет о книге Г. С. Дебольского «Дни богослужения православной кафолической Восточной церкви» (7-е изд.: СПб. Т. 1. 1882; Т. 2. 1887).

[144] Овчинникова Зинаида Ильинична – жена смотрителя Дербинской тюрьмы (Дн. 2. Л. 29 об). О ней упоминает Чехов, описывая обстановку жизни В. В. Овчинникова: «Новые тюремные постройки, всякие склады и амбары и дом смотрителя тюрьмы стоят среди селения и напоминают не тюрьму, а господскую экономию. Смотритель все ходит от амбара к амбару и звенит ключами – точь-в-точь как помещик доброго старого времени, денно и нощно пекущийся о запасах. Жена его сидит около дома в палисаднике, величественная, как маркиза, и наблюдает за порядком» (*Чехов*. С. 150).

бы церковь готова, а 22 октября я надеюсь от Божьей Матери получить исцеление.

Досвидание (sic!), Иван Павлович, право, писать нечего, все идет по-старому. Будьте здоровы, и да сохранит Вас Господь Бог и Божия Матерь от всех бед и напастей.

Преданная Вам
Кржижевская.

†

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Александровка. Мир и Любовь!

22 августа. Четверг. Только утром сегодня, когда уже Арсений Михайлович поехал домой, я увидел его на улице. Занимался сегодня черчением планов и писал лоцию. Медленно двигаюсь.

23 августа. Пятница. Писал и чертил. Вечером в 9 часов собралась гроза (небольшая), а я в это время ходил по балкону и сочинял [стихот] надпись на Библию в стихах[145] наподобие Некрасовских стихов:

В этой книге вся жизнь отразилась,
В ней, как в зеркале, видим весь свет,
Тайна Божиих дел нам раскрылась[146],
Здесь на все есть готовый ответ.
Что уж было, что есть и что будет
Чрез пророков Господь показал…
Милый друг! и тебя не забудет:
«Только верь и люби» Он сказал.
И не бойся, когда ты читаешь
Правду вечную Божиих слов:
Помолись, потерпи и узнаешь –
В ней скрываются *Мир* и *Любовь*.

Эти стихи я напевал на голос «Назови мне такую обитель» (из Парадного Подъезда): размер тот же.

24 августа. Суббота[147]. Я начинаю беспокоиться: обещали скоро выслать бланки – и до сих пор нет. Я подозреваю – не пишете ли

---

145 Сверху вписано: «размер которых».

146 Сверху вписано: «от-».

147 Позже вписано сверху: «† Мих.<аил> Осип.<ович> Коялович, профессор. В это время я рекомендовал его Плоцкому, но он разругал его». М. О. Коялович (1828 – 23.08.1891), историк и публицист славянофильского направления, противник полонизации западной России.

Вы сами их? Голубушка, дорогая Марья Антоновна! Послушайтесь меня – не мучьте себя вычислениями. Голубушка, Мария Антоновна! Умоляю Вас: пришлите ко мне бланки. И то много, если Вы только книжку подсчитаете; но я Вас прошу ничего не писать и не подсчитывать – *просто* высылайте мне.

Утром сегодня ветра не было. Я рано поспешил на работу – делать промер. Дождь измочил нас сильно. Спасибо Загарину, он работал как матрос, как рулевой и как лотовый. Мне он очень нравится. Иногда пожалею, отчего у него не остановился. Вечером сходил ко всенощной, а после [вечернего] ужина наблюдал до 12 часов звезды. Холодно становится, – озяб, да и рука устала от секстана.

25 августа. Воскресенье. Утром обмыл себя и комнату, прочел про мучеников Гуса и Иеронима[148] и после завтрака пошел в Церковь. Просил я Бога за Вас, дорогая Мария Антоновна, чтобы прибавил Вам мирной земной жизни и успокоил в вечной обители на небесах. Читал и писал хронологию по Библии (лениво).

Попросите, пожалуйста, от моего имени Феодора Никифоровича, чтобы при оказии в Александровку заходили *его посланцы*[149] и ко мне, в дом Плоских, может быть, я что-нибудь передам в Рыковское. Я его об этом просил еще в Рыковском, да, вероятно, он забыл. Скажите Надежде Михайловне, чтобы телеграммы на мое имя она передавала Вам, а Вы с ними распоряжайтесь по своему усмотрению (я жду от брата). Вот еще отголосок вчерашних стихов:

Эта Библия – Ангел-Хранитель;
С ней, как с спутником, в жизни пойдешь;
Приведет тебя в Божью обитель;
Там опять новый свет в ней найдешь.

26 августа. Понедельник. Занимался составлением карты и писанием лоции. Получил от[150] пакет. Сегодня утром заходил к Алексею Александровичу. У него наскоро набросил маленькую записочку и попросил ее передать Вам Николая Павловича[151]. Получил жалованье. Вечером в 5 часов заходил опять к Алексею Александровичу. Он снял

---

148 Чешский религиозный реформатор Ян Гус и его единомышленник Иероним Пражский приняли мученическую смерть на костре.

149 Видимо, позже подчеркнуто карандашом.

150 Позже вписано: «вас».

151 Попов Николай Павлович, телеграфист в Рыковском, муж Н. М. Поповой.

с меня фотографию. Сегодня же пришло к нам на рейд английское военное судно, но к их неудовольствию, вероятно, поднялась сильная буря в 9 ч. вечера.

Я бы хотел видеться с Надеждою Михайловною в Александровке. Скажите ей, чтобы она дала мне знать о себе. Слава Богу! Вам поправляют квартиру.

Если Лоцин белил комнату, то зачем же еще раз белить? Приеду я, вероятно, в начале сентября. Мне бы надо съездить еще в море – сделать промер в некоторых местах. Составление плана тоже оттягивает время; а писать Лоцию, вероятно, буду в Рыковском.

Книгу о «Данииле» я дал Владимиру Алексеевичу, а он – Феодору Никифоровичу, а он – Арсению Михайловичу, а дальше я не знаю. Надо спрашивать или у Доктора, или у Феодора Никифоров.<ича>. Ваша книга «Физиология» у Бронислава. Я приеду – спрошу у него. Хорошо, что Вы написали о своей покупке, а то и я хотел Вам купить пальто. Мария Антоновна, зачем мне дождевик? Крупных летних дождей не много, а осенью – мелкий дождь, который немного смочит пальто и только. Калоши – другое дело, но они очень дороги. Помилуйте! 4–5 рублей!

В Вашем письме есть очень интересное сообщение, но оно неполное. Вы 22 окт.<ября> надеетесь получить исцеление от Божией Матери. Да будет воля Божия. Охотно и я присоединяюсь к Вашим молитвам. Не знаю только, как это Господь или Божия Матерь Вам внушила эту мысль. Да утвердит Вас Владычица в вере Вашей и да будет Вам по вере Вашей и по надежде. А я, грешный человек, редкий день не спорю *с поляками*. Они ужасно ненавидят русских; Вы понимаете мое двусмысленное положение у них.

Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, спаси и сохрани нас под кровом Твоим в мире и любви.

Божий и Ваш слуга Иван Павлов Ювачев.

27 Августа

Получила сейчас Вашу записку, Иван Павлович, и удивляюсь, что вы до сих пор не получили отчета, который я уже давно сдала на почту, т.е. 22 августа. Напрасно упрашиваете меня высылать Вам невычисленный отчет, я и без Вашей просьбы его не вычисляла, потому что все нездоровится. Последние же дни здоровье мое сильно ухуд-

шилось, т. е. отек страшно увеличился[152], так что сегодня я обратилась за лекарством к отцу Иоанну[153], прося его телеграммою помолиться обо мне. Понимаю, что для полного успеха нужно и мое покаяние, но я и этого надеюсь достигнуть от его молитвы. Однако я не решилась просить его помолиться о моем выздоровлении, думаю, Господь лучше знает, что мне надо, да и на прозорливость его сильно надеюсь тоже. Дал бы Господь и мне мирный дух, чтобы одновременно с отцом Иоанном и я бы могла сердечно и горячо помолиться Ему. Но я уверена, что получу большую пользу, и духовную и телесную. Помолитесь и Вы за меня хотя немножко.

Пока досвидание, будьте здоровы, и да сохранит Вас Господь Бог и Божия Матерь от всякого зла.

Преданная Вам
Кржижевская.

Сегодня мне лучше, и я еду провожать Над.<ежду> Мих.<айловну> в Дербиново, надо расплатиться за пальто с Овчинниковыми.

†

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Александровский пост. Мир и Любовь!

27 августа, вторник[154]. Ночная буря прекратилась, и англичане попрежнему стоят на рейде. Сегодня их пригласили на обед с музыкой. Портрет мой не вышел. Вчера Алексей Александрович [когда] работал с негативом в темной комнате, тогда собака что-то сделала и испортила. Я составлял план, писал, а главное – вычислял отчет.

28 августа. Среда. Сегодня день Ангела Аннушки, и мне пришлось, не завтракая, пойти на работу в море. Погода была отличная,

---

[152] Ювачев писал о том, что у Марии Антоновны «вслед за чахоткой стала развиваться водянка ног и она с трудом двигалась» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 160).

[153] О. Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) имел славу молитвенника за больных. Жители Рыковского, в том числе и Ювачев, проявляли большой интерес к нему. В марте 1890 года Ювачев записывает, что получил в посылке фотографию Иоанна Кронштадтского (Дн. 2. Л. 13); к 1890 году относятся также записи о чтении его сочинений (Дн. 2. Л. 30 об. и др.) и беседах о нем с близкими знакомыми (Дн. 2. Л. 42). В 1893–1894 годах есть записи о денежных пожертвованиях Ювачева и благодарственных ответах о. Иоанна (Дн. 3. Л. 38, 105 об.).

[154] Позже надписано: «Епископ Гурий прибыл в Охотск».

Иконостас Александровской церкви

рейд оживлен английскими шлюпками. Я в 12 ч. кончил промер. Как раз выходя из шлюпки, встречаю Сергея Николаевича со свитою чиновников (они ехали на обед к англичанам[155]). Он спросил о работе, я объявил, что кончил, и попросил позволения уехать в Рыковское. В Сертунай не поедут, потому[156] Алексей Александрович не соглашается рисковать в [такие] осенние погоды. Лоцию, Бог даст, буду дописывать в Рыковском. Остается докончить план рейда и выставить промер. Если Вы можете потерпеть, то, пожалуйста, позвольте остаться до вторника 3 сентября (это будет ровно 2 месяца).

Получил от Вас, голубушка, письмо и масло. Спасибо Вам, Мария Антоновна, но теперь для моих хозяев масло не диковинка, потому что сами имеют двух коров и продают много молока, масла и проч. Отвечаю на письмо: Отчет Ваш получил в понедельник, 26 августа.

[155] Вспоминая о своих трудностях в работе по промеру бухты Александровского поста, Ювачев писал, что особенно обиден был контраст с англичанами, выполнявшими аналогичную работу, но с помощью отличного оборудования. По его мнению, англичане «не имели права делать промера бухты», но сахалинское начальство не придавало этому значения, оно, «с русским добродушием раскрыв все двери широкого гостеприимства, в это время было только озабочено получше принять и занять своих гостей» (*Миролюбов И.П.* Восемь лет на Сахалине. С. 161).

[156] Вписано: «что».

Книжки и бланки везу с собою. Вычисления отчета уже покончил. Но... я сильно опечалился, прочитав Ваше сообщение о серьезной болезни. Голубушка моя, Мария Антоновна, просите Бога, да даст Вам здоровье, да продолжит Ваши дни в мире и в любви. Не и́мамы иныя помощи, не и́мамы иныя надежды, разве тебе, Пресвятая Богородице, Ты нам помози, на тебе надеемся и тобою хвалимся. Твои бо есмы рабы, – да не постыдимся[157]. – Милая, дорогая моя матушка Мария Антоновна, если надо мое присутствие теперь, то, пожалуйста, телеграфируйте, и я поспешу тотчас же в Рыковское. Это Вы хорошо сделали, что просите помолиться Отца Иоанна. Конечно, да будет воля Господня благословенна, но я молю Его о Вашем здоровье и спокойствии. Не пренебрегайте и советом врачей. Не имеет ли значение какое-нибудь гигиена, диэта на воду (чай)? Я хотел привести (sic!) соленой рыбы или копченой для Вас, но теперь, я думаю, Вам надо ее избегать, чтобы не чувствовать позыва на питие.

Сегодня Алексей Александрович позвал меня и снял с меня фотографию. Как то теперь выйдет?! Немножко занимался планом и пошел в церковь. После всенощной, выходя из церкви, встретился с Надеждой Михайловной. Хотя Вам и лучше вчера было, но ведь этого мало: надо Вам настолько поправиться, чтобы Вы могли легко выполнять свои обязанности. О, дал бы мне Господь услышать о Его милости к Вам. Бедная моя, Мария Антоновна, как мне Вас жалко! Добрая, хорошая Мария Антоновна, простите меня за все неприятности, причиненные мною Вам; Вы и без того много в своей жизни страдаете. Теперь праздник – память Иоанна Предтечи – моего и Вашего Ангела Хранителя[158]. Да поможет и Он нам и да ускорит и благопоспешит мой путь в Рыковское, чтобы я мог увидеть Вас после долгой разлуки и целовать Ваши милые, дорогие руки.

29 августа, четверг. Сегодня просил после обедни Заступницу и Иоанна Предтечу о вашем здоровье, мире и спасении. Поздравляю Вас с[159] праздником. Потом направился в библиотеку, где просматри-

[157] Кондак из Канона молебного ко Пресвятой Богородице.

[158] 29 августа – праздник усекновения головы Иоанна Предтечи. Ювачев называет Иоанна ангелом-хранителем Марии Антоновны, потому что родилась она 23 января, крещена была 25 января, а именины праздновала 26 января, в день памяти Иоанна (об этом он пишет в дневнике 25 января 1893 года. – Дн. 3. Л. 42).

[159] Вписано: «домашним».

вал иллюстрации. Был у Алексея Александровича. Кажется, опять портрет не вышел.

Немного поработал с планами и пошел в Церковь ко всенощной.

30 августа, пятница. Поздно проснувшись, занялся до 9 часов утра омовением (я здесь в баню не хожу, а моюсь с ног до головы дома). Ходил к обедне и видел парад с музыкой. Теперь я просматриваю иллюстрации и жду Надежду Михайловну: хотим идти сегодня в лавки за покупками. Но... дождь пошел мелкий. Не знаю – придет ли. Поднялся сильный ветер, поэтому Н.<адежда> Мих.<айловна> не пришла, но прислала мне телеграмму от Ник.<олая> Павловича, который по моей просьбе извещает, что Вы, Мария Антоновна, здоровы. Слава Богу! я немного успокоился и стал писать лоцию.

31 августа. Суббота. Пошел дождь. Как то Вы, дорогая, без зонтика? Я пишу лоцию и затем рассчитываю идти поработать над планом. Надо кончать. Не знаю, успею ли я сделать ко вторнику, а раньше выехать неудобно. Поручаю Вас, дорогая Мария Антоновна, покровительству Божией Матери и милости Спасителя.

Утоли болезни многовоздыхающия души моея, утолившая всяку слезу от лица земли. *Ты бо человеком болезни отгоняеши* и грешных скорби разрушаеши. Тебе бо вси стяжахом Надежду и Утверждение, Пресвятая Мати-Дева[160]. Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, спаси и сохрани нас под кровом Твоим в мире и любви.

Ваш Иван Павлов.

Уважаемый Иван Павлович.

Совсем забыла попросить Вас заехать за мною не ранее половины десятого. Боюсь, что раньше этого не буду готова, и Вам придется меня ждать.

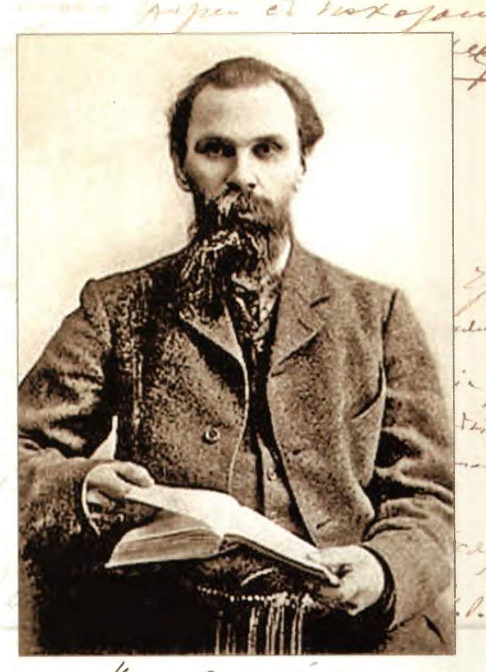
Н. Попова[161].

---

[160] Тропарь Пресвятой Богородице перед иконой «Утоли моя печали».

[161] Более поздняя приписка вверху страницы: «Писала это письмо Мне Наитаки, у которой гостила Н. М. Попова». Ноитаки – жена начальника сахалинской почтово-телеграфной конторы П. Е. Ноитаки. Записка написана ею от лица Н. М. Поповой, вместе с которой Ювачев выехал из Александровска 3 сентября. Под этим числом он записал в дневнике: «Был в гостях у Наитаки. В 11 ч. поехал с Над.<еждой> Мих.<айловной> <...>. Встреча с М.<арией> Антоновной. Худенькая, маленькая, смиренная» (Дн. 2. Л. 83 об. – 84).

Иван Павлович
Ювачев
1900-е годы

Письмо И. П. Ювачева к жене из Яранска Вятской губернии
9 сентября 1905

Надежда Ивановна
Ювачева
Июнь 1917

Письмо
Н. И. Ювачевой
к мужу в Тверь
29 июля 1907

Даниил Ювачев
Около 1907

Письмо
И. П. Ювачева из Киева
с рисунками для Дани
29 ноября 1907

Дорогой папа!
У насъ хорошо на да-
чѣ, мы всѣ здоровы, бѣгаемъ,
играемъ, катаемся на ос-
лѣ, намъ очень весело.
Утромъ я учусь съ Машей.
Оля кланяется тебѣ, она
живетъ у насъ второй
мѣсяцъ. Бабушка кланя-
ется тебѣ. Настя бла-
годаритъ тебя за
кофту. Всѣ мы тебя
цѣлуемъ. Пріѣзжай къ
намъ скорѣй.
Твой Даня.
7 іюня.
1914 г.

Письмо
Даниила Ювачева к отцу
7 июня 1914

Милый Папа.
Я узналъ что ты боленъ и посылаю
Машу чтобы она тебѣ послала коробку
конфетъ отъ нашихъ и другія лѣкарства.
Ты ихъ принимай какъ заказ-
ывашь. Дѣти здоровы. Я и Лиза
были больны но теперь тоже здоровы.
У меня маленькій кашель. Мама тоже не-
много.

Даня.

6 года или 1917 года
пишу 1 годъ такъ. Я тебѣ уже показываю
Будь здоровъ.

Письмо
Даниила Ювачева
к отцу
6 февраля 1917

Елизавета Ювачева
1915

Милый папа поправ=
ляйся скорѣе и пріѣ=
жай къ намъ. Я то=
же была больна, гу=
лять еще не хожу
очень холодно.
Цѣлую Лиза.
6/II 1917.

Письмо
Елизаветы Ювачевой к отцу
6 февраля 1917

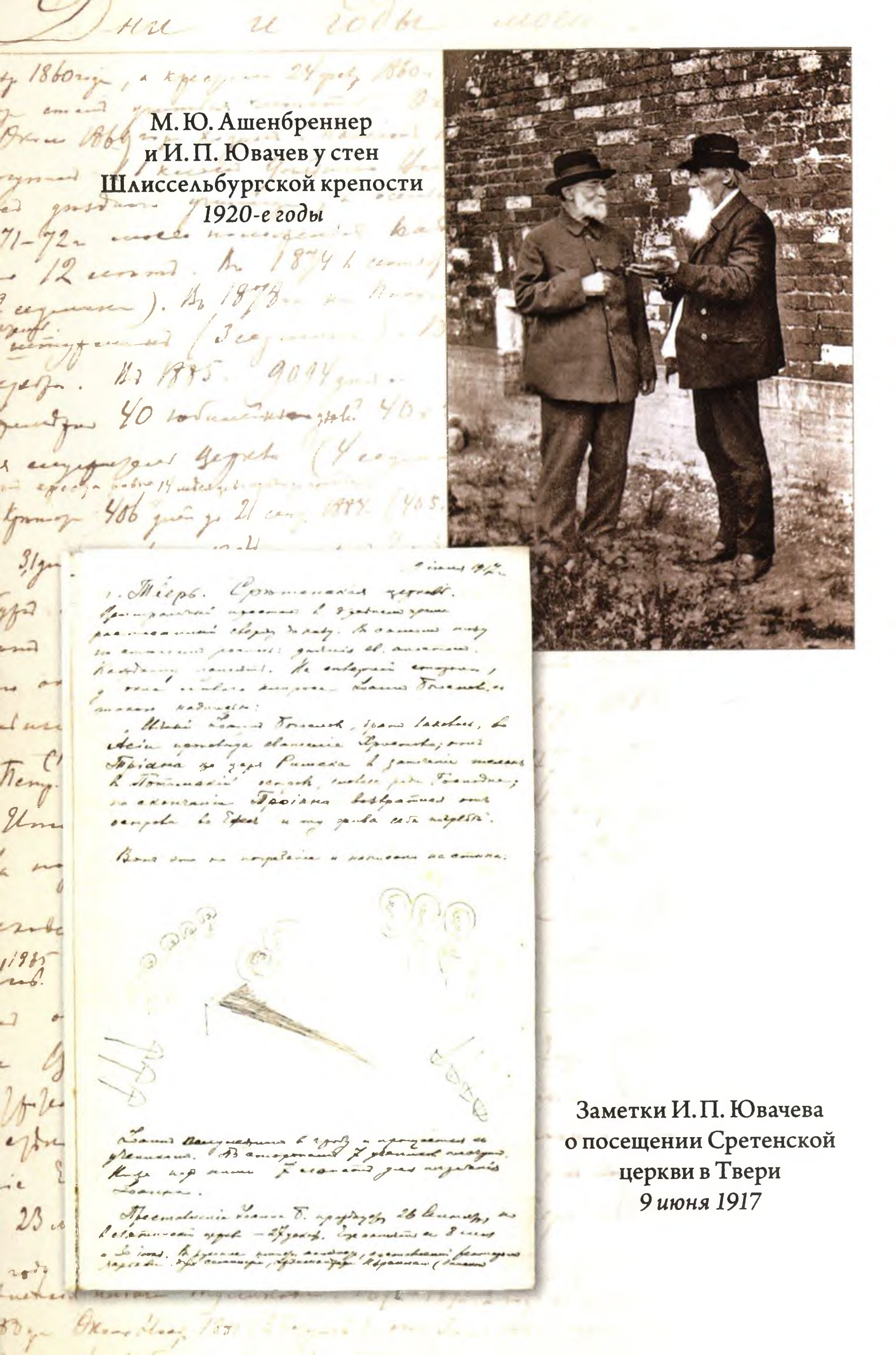
Церковь Собора Пресвятой Богородицы
в Убежище для женщин

Из тетради
«Камни Ветхого Завета»

Миниатюра
из рукописного
армянского Евангелия,
скопированная
И. П. Ювачевым.
*Из Эчмиадзинской
библиотеки*

Заметки И. П. Ювачева
о посещении Тверского музея
и Успенского Желтикова
монастыря
7–8 июня 1916

М. Ю. Ашенбреннер
и И. П. Ювачев у стен
Шлиссельбургской крепости
1920-е годы

Заметки И. П. Ювачева
о посещении Сретенской
церкви в Твери
9 июня 1917

М. А. Кржижевская

Некролог[1]

Утром 8 июня 1892 г. мы лишились замечательной акушерки-фельдшерицы Марии Антоновны Кржижевской. Считаю своим долгом почтить ее память небольшим рассказом о самоотверженной жизни этой скромной труженицы.

Мария Антоновна была одною из дочерей полковника А. Гр.<игорьевича> Хантинского, старшего полицмейстера города Харькова[2]. На 15-м году (родилась 24-го января 1854 г.[3]) она с успехом окончила частный, соответствующий гимназии, женский пансион г-жи Неклюдовой в г. Харькове. До своего неудачного и несчастного замужества, М.<ария> Ант.<оновна>неотступно ухаживала за своим больным отцем. По смерти родителей она переехала в С.-Петербург, чтобы приобрести какие-либо познания для общественной деятельности. Сначала поступила вольнослушательницею Повивального Института при С.-Петербургском родовспо-

---

1 Фельдшер. 1893. № 10. 15 мая. Стб. 308–309 (текст подготовлен Д. К. Равинским, Е. Н. Строгановой). В переработанном виде текст некролога вошел в книгу Ювачева «Восемь лет на Сахалине». В дневнике есть запись от 26 января / 3 февраля 1893 г. о работе над некрологом: «До вечера писал некролог о М.<арии> А.<оновне> для журнала „Фельдшер"» (Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 42).

2 Хантинский Антон Григорьевич (род. 1800) «из дворян Черниговской губернии Городнического уезда. Кавалер орденов Св. Анны IV степени, Св. Владимира IV степени, за беспорочную службу XXX и XXXV лет. Получил домашнее образование. В службе с 1817 г. в Томском пехотном полку, участвовал в российско-турецкой войне 1827–1829 гг., в отставке с 1830 г., служил в полиции. С 1856 г. полицмейстер г. Харькова, с 1860 г. полковник. В отставке по болезни с 1861 г. Жена Мария Ильинична. Дети: Григорий (13.04.1838 г. р.), Иван (26.01.1846 г. р.), Надежда (25.10.1839 г. р.), Людмила (20.03.1850 г. р.), Мария (23.01.1854 г. р.) ([http://forum.vgd.ru/532/19512/20.htm] [17.07.2017]).

3 В черновом варианте некролога: «Родилась января 23 дня 1854 г. 7½ пополудни. Крестили 25 января» (Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 209).

могательном заведении, а по окончании его, в 1883 г., перешла на женские курсы при Калинкинской больнице (Суворовское училище). Здесь на нее обратил внимание известный профессор В.М. Тарновский[4]. М.<ария> Ант.<оновна>пошла бы и дальше по образовательной лестнице, если бы в то время не был прекращен прием на женские врачебные курсы. Оставалось ей только выбрать место акушерки или фельдшерицы и заняться работою, что она и поспешила сделать.

В 1885 г., по предложению Главного Тюремного Управления, М.<ария> Ант.<оновна> отправилась на самый крайний восточный пункт Российской Империи – в селение Рыковское, на острове Сахалин. Она решила пожертвовать собою для несчастных ссыльных людей. Ее не испугали ни ужасные холода (до -50° С), ни дальняя дорога, ни общение с каторжниками. Занимая небольшую квартирку при женском отделении Тымовского женского[5] лазарета, М.<ария> Ант.<оновна> отдалась своему делу со всем усердием, не жалея ни сил, ни своего слабого здоровья. А дела было очень много! Утром и вечером по рецептам врача отпускала больным лекарства, собственноручно делала перевязки язв не только женщинам, но и мужчинам из ссыльнокаторжных, часто очень грязных и грубых (sic!) в обращении. В то же время беспрестанно ее просили к родильницам. Бывало ночью с фонариком идет не одну версту по мокрым местам на роды. Промокнет до пояса, устанет, но тем не менее приходит и завтра, и послезавтра и так целую неделю. Особенно трудно было М.<арии> Ант.<оновне> зимою в холодные бураны. Снег набивался в ее платье до такой степени, что, после каждого перехода, надо было переодеваться. В то же время, видя кругом себя нищету, грязь, голод, она не могла не отозваться своим добрым сердцем на помощь беднякам и стала уделять им маленькие пособия из небольшого жалованья. Она даже стала давать уроки детям здешнего Окружного начальника, чтобы иметь возможность больше помочь материально горю ссыльных поселенцев. Иногда, отпуская из аптеки лекарство, тайком завертывала вместе с ним и рублевую бумажку. Нет здесь, кажется, дома, нет семьи, где бы не вспомнили с благодарностью ее внимательность

[4] Тарновский Вениамин Михайлович (1837–1906)– основоположник русской научной венерологии. В черновом варианте Ювачев пишет, что Тарновский обратил внимание на умение Марии Антоновны «распознавать различные формы сифилиса» (Ед. хр. 4а. Дн. 3. Л. 209).

[5] В черновике: «окружного».

и участие к больным. Получить лекарство из рук симпатичной Марии Антоновны они считали за большее (!) счастье. Ее несколько ласковых слов подымали угасший дух больных и долго после оставались в памяти благодарных людей. Она им отдавала все, что могла, здоровье и даже свою жизнь. Чрез год как она приехала на Сахалин открылся у ней кашель. Потом появилась общая слабость в теле и сильная худоба. Начала лечиться, но все-таки не оставляла и службы. По-прежнему ходила в аптеку, к больным и на роды, приготовляла лекарство и вела запись расходов их. К тому же она заведовала Рыковскою метеорологическою станциею и при этом еще находила время шить платье бедным детям, хотя, кстати сказать, сама ходила в очень скромном одеянии. Летом 1891 г. у М.<арии> Ант.<оновны> открылась водянка. Ноги распухли – трудно было ходить. Но «главный провизор», как ее шутя называл местный врач В.<асилий> Я.<ковлевич> С. <цепенский>, не покидал своего поста, хотя и уставал сильно. 5 июня 1892 г., М.<ария> Ант.<оновна> встала утром с постели с сильной болью в груди. Сидя в кресле, трое суток без сна, страдала, бедная, до самой смерти[6].

Плач раздался, как по родной матери. Все искренно жалели об утрате такого родного, дорогого человека. Здешние чиновники и офицеры поочередно несли ее гроб, оплакиваемый многочисленною толпою поселенцев. Но лучшим памятником ее может служить то, что за все 7 лет многообразной врачебной практики, М.<ария> Ант.<оновна> не взяла ни от богатых чиновников, ни от бедных ссыльных ни одной копейки! Эта честь принадлежит только ей одной на Сахалине. Помогая нищим, она сама умерла бедною.

Мир ей и вечная добрая память![7]

---

6 В дневнике Ювачев передает подробности последних дней Марии Антоновны и ее похорон (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 111 об.–113).

7 Подпись под текстом: «П.»

История семьи

Из переписки с Н. И. Колюбакиной (Ювачевой)

В 1903–1917 годах И. П. Ювачев состоял на службе в Управлении государственными сберегательными кассами и по роду своей деятельности много времени проводил в разъездах. Постоянные расставания с семьей отчасти компенсировались ежедневной – за редкими исключениями – перепиской супругов. Хранящиеся в ГАТО письма Ювачевых охватывают значительный период: самые ранние относятся к апрелю 1902 года, последнее датировано июлем 1917 года. Ювачев педантично собирал свой архив. Всю переписку он упорядочил, отделив свои письма от писем Надежды Ивановны – в архивном хранении они получили соответствующие именования: Письма Ювачева к жене (Ед. хр. 1), Письма жены к Ювачеву (Ед. хр. 2), Переписка Ювачева с Н. И. Колюбакиной (Ед. хр. 5). Внутри каждой группы письма разложены по годам, некоторые связки надписаны, например: «1905 г. Май – июль: из поездки в Курскую и Воронежскую губ.» (Ед. хр. 1. Ч. 3). Хронология в целом соблюдена, хотя нередко письма оказываются не на своем месте. Письма самого Ювачева педантично датированы и всегда указано местонахождение адресанта. Надежда Ивановна менее пунктуальна, и в целом ряде случаев дата и место проставлены рукой Ювачева, возможно, при позднейшем обращении к письмам и их систематизации. Достаточно полно представлены комплекты писем Ювачева к невесте, а потом жене за 1902–1907, 1910–1914 годы и письма Н. И. Колюбакиной (Ювачевой) 1902–1907, 1910–1912, 1914, 1917 годов – общий объем переписки составляет около 2000 листов. Мы помещаем здесь лишь небольшую ее часть[1].

[1] Некоторые материалы вошли в публикацию: К биографии Даниила Хармса: предыстория семьи в письмах родителей // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 308–318.

В публикуемых письмах и эпистолярных фрагментах раскрываются история знакомства будущих супругов, их характеры и судьбы, особенности взаимных отношений. Это не просто эпистолярный диалог, но роман, написанный самой жизнью и рассказанный его главными героями, чья совместная жизнь, несмотря на их стремление к миру и согласию складывалась нелегко. Драматичные судьбы отца и матери, их непростые характеры и сложные взаимоотношения – все это воплотилось в яркой и трагической фигуре сына. В письмах немало интимно-психологических и бытовых подробностей, которые позволяют почувствовать атмосферу семейной жизни. Но в переписке отражаются не только особенности домашнего быта Ювачевых, в ней ощутимо присутствует атмосфера интеллектуальной, духовной и общественной жизни Петербурга и России 1900-х годов. Эти сохраненные эпистолярием супругов Ювачевых факты общей жизни важны и как интимные свидетельства переживания масштабных исторических процессов начала XX века.

Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами, но сохранены характерные особенности стилистики и написания отдельных слов.

Надежда Ивановна
25 апреля 1902 г. СПб.

Дорогой Иван Павлович

С большой благодарностью возвращаю Вам книги, надеюсь, и впредь Вы не откажете мне в этом удовольствии. Я хотела сама привезти их Вам, но боюсь отвлекать Вас от Ваших занятий. Если Вам не очень скучно у нас, приходите по вторникам обедать, чем очень меня порадуете, в другие дни не зову, знаю, со мною одной Вам будет неинтересно, я ведь только могу Вас слушать и восхищаться Вашим чудным, непонятным для меня сердцем – и более ничего, Мария Мих.<айловна>[2] говорит с Вами, а ее в другие дни трудно поймать.

---

[2] Княжна М. М. Дондукова-Корсакова (1827–1909) – благотворительница и религиозная деятельница, с 1904 года посещавшая политических узников Шлиссельбургской крепости. Ювачев посвятил ей несколько панегирических строк в своих мемуарах: «Есть в Санкт-Петербурге несколько самоотверженных женщин, которые, живя в великосветском обществе, время от времени проникают через крепкие стены темницы и помогают несчастным заключенным. Одна из них, княжна М. М. Д.<ондукова>-К.<орсакова>, почти всю свою долгую жизнь неослабно заботится о страждущих в тюрьмах и острогах» (*Ювачев И. П.* В Шлис-

Кажется, я не ошибаюсь, Княгиня[3] просила Вас достать карточку От.<ца> Феофана, не делайте этого, Мар.<ия> Мих.<айловна> не будет этим довольна.

Так не забывайте же, дорогой Иван Павлович, что каждый вторник буду ждать Вас к 6 ч.

Уважающая и любящая Вас НКолюбак. (Ед. хр. 5. Ч. 2. Л. 1–2).

Иван Павлович
25 апреля 1902 г.

Дорогая Надежда Ивановна!

Сейчас ничего не посылаю, п.<отому> что у Вас есть «Русский Паломник» за прежние годы, следовательно, читать скромные статьи «Миролюбова»[4] хватит Вам еще надолго.

Я, пожалуй, и мог бы урывать у себя часа два-три для приятных бесед в Вашем дорогом обществе, но мое нравственное чувство возмущается против «царских» обедов. Простите, не могу спокойно кушать в апреле месяце свежую землянику, когда знаю, что народ наш пришел в отчаяние от голода и, потеряв веками сложенные смирение и покорность, лезет на штыки и под пули[5].

сельбургской тюрьме // Исторический вестник. 1906. Т. 103. С. 491). В переписке Ювачевых иногда именуется Княжной. В архиве Ювачева хранится ее письмо от 7 июля 1906 года, где она «как милости, как дружеского подаяния» просит не печатать ничего о ней при ее земной жизни (Ед. хр. 6. Ч. 12. Л. 40 об.). В письме к жене от 18 июня 1907 года, обсуждая неудовольствие княжны, Ювачев замечает: «Я писал про М.<арию> М.<ихайловну> уж слишком хорошо. *Умышленно* ее идеализировал, чтобы дать *тип, пример* христианской любви. Конечно, если разобрать по косточкам все поступки М.<арии> М.<ихайловны>, то многое окажется в другом свете. Она живет головой, а не сердцем. Все у ней с расчетом» (Ед. хр. 1. Ч. 6. Л. 55 об.).

[3] Княгиня Елизавета Алексеевна Нарышкина, урожденная Куракина (1838–1928), статс-дама, гофмейстрина; в 1884–1909 годах возглавляла Санкт-Петербургский Дамский благотворительно-тюремный комитет. Надежда Ивановна находилась у нее в непосредственном подчинении. В письмах часто именуется Княгиней.

[4] Литературный псевдоним Ювачева.

[5] Ювачев подразумевает крестьянские волнения весной 1902 года в Полтавской и Харьковской губерниях, вызванные неурожаем 1901 года и угрозой массового голода. В результате столкновений с войсками среди крестьян были убитые и раненые.

Благодарю Вас сердечно за Ваше милое гостеприимство. Я знаю, что оно было сделано мне во имя Христа, за те слова Его, которые я имел удовольствие произнести или написать во славу Божию. А потому отношу все Ваше внимание ко мне к виновнику его, т. е. к Самому Иисусу Христу.

С другой стороны, парадные обеды для меня не достигают цели. Приучивши себя за 15 лет ссылки и неволи к простым блюдам, я не могу кушать слоеных пирожков без риску расстроить желудок.

Итак, дорогая Надежда Ивановна, горячо, много раз благодарю Вас за приглашения, очень ценю их, но воспользоваться ими не могу, если Вы не будете со мною так же просты, как с человеком, которому надо постоянно *смирять* себя (Помните последнее пожелание мне от Марии Михайловны?).

Лучше я нечаянно, негаданно буду приходить к Вам, а если захотите угостить меня, то буду рад разделить с Вами самую будничную трапезу.

Прошу кланяться Марии Михайловне и Анастасии Максимовне[6].

Будьте здоровы!

Да хранит Вас Матерь Божия под кровом своим в мире и любви.

Искренне преданный Вам

ИвЮвачев.

P. S. Эти дни я очень занят: тороплюсь покончить с «Палестиной»[7]. Да надо писать еще и в другие журналы. О Господи! Пошли мне уменье, силы и время сотворить по воле Твоей! (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 12–13 об.).

Надежда Ивановна

25 апреля 1902 г.

Дорогой Иван Павлович,

Зовя Вас обедать во вторник, у меня и в мысли не было после Вашего рассказа мне про одну Вашу знакомую делать для Вас царс-

---

[6] Княгиня А. М. Дондукова-Корсакова, действительный член Дамского благотворительного комитета.

[7] Очерки паломничества в Палестину печатались в 1901–1904 годах в журналах «Русский паломник» и «Исторический вестник» (отд. изд.: *Ювачев И. П.* Паломничество в Палестину к гробу Господню. Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. – СПб.: Александро-Невск. об-во трезвости, 1904).

Митрополит Антоний

кий обед, как Вы его называете, ведь я уже поняла, к чему Вы это рассказали, и была очень огорчена своей излишней роскошью, зная немного Вас, я бы и не стала делать такого обеда, но ждала Анаст.<асию> Максим.<имовну>, простите, дорогой, и без страха всегда приходите ко мне, у меня всегда очень просто, я сама-то ведь ем раз в день, если завтракаю, то не обедаю, и обратно. Искренно молю Бога, чтобы Господь послал Вам здоровье и силу выполнить Ваше благое и полезное дело, Ваши, как Вы называете, скромные статьи мне во многом оказали громадную услугу, за что всегда бесконечно буду Вам благодарна, дорогой Иван Павлович. Все-таки не теряю надежды, что по вторникам Вы будете, когда Вам можно, приходить к нам, но непременно обедать, веря моему слову, что я никогда не позволю делать что-либо лишнее, ожидая Вас.

Искренно уважающая и любящая Вас Н. Колюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 2. Л. 3–4 об.).

Надежда Ивановна

9 июня 1902 г.

P.S. Я пишу Вам, а вместе с тем боюсь Вас, Вы такой строгий критик, так привыкли быть между учеными и умными, а я ведь к ним не принадлежу, чувствуя свою несостоятельность, я всегда избегала всех ученых, есть многое, что мой ум отказывается воспринять, несмотря даже на мое сильное желание, я сама себе удивляюсь, как это я решилась писать и говорить с Вами, кажется, это первый случай в моей жизни, ради Бога, простите и не судите строго, если Вас иногда и коробит от моей неразвитости, как умею, так и пишу (Ед. хр. 5. Ч. 2. Л. 9–9 об.).

Иван Павлович
4 января 1903 г. СПб.

Дорогая Надежда Ивановна!

Воскресенье целый день занят церковными службами, а потому не застанете меня дома. Попросите у Митрополита[8] для себя крещеной святой воды да отлейте и мне пузырек.

В понедельник обедня, а вечером я в Академии.

Работайте, работайте и работайте. Посмотрите кругом, как люди горячо заняты трудом! Как бодро, настойчиво, с верою отдают много лет идейному делу! Ободритесь. Христос Вам помощник! Сердечно преданный Вам И. Ювачев (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 1).

Надежда Ивановна
6 января 1903 г. СПб.

Исполнила Вашу просьбу, дорогой Иван Павлович, попросила святой воды у Владыки, которую сейчас только получила, и посылаю Вам. Вечером еду сегодня к Княгине, и если она мне скажет все то, о чем говорила с Вами, попадет ей сильно от меня. Не знаю, когда увижу Вас, хочется удержать себя и бросить все, тем более что, кроме мученья, ничего не вижу. Очень легко давать советы, голубчик, но исполнять их трудно, Вам-то, конечно, легко, Вы особенный, ну а я самая обыкновенная смертная.

Ваша Н. Колюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 5).

Надежда Ивановна
8 января 1903 г. СПб.

Только вернулась домой, как опять по телефону вызвали к Елиз.<авете> Алек.<сеевне>, не ходите ко мне, я сама заеду за Вами, возвращаясь назад. Расстроили меня очень, сказав, что мы виноваты в ее болезни, голубчик, зачем Вы так думаете, я готова отказаться от всего, лишь бы не быть виноватой в чужих страданиях. Заеду, ждите меня.

Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 6).

---

[8] Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898) Антоний, в миру А. В. Вадковский (1846–1912), принимал участие в судьбе работниц, живших в Убежище для женщин, чем объясняется близкое знакомство с ним Н. И. Колюбакиной. Деятельности Антония посвящен очерк Ювачева «Десятилетие на кафедре С.-Петербургской митрополии первосвятителя русской церкви (1898–1908)» (СПб.: Александро-Невск. об-во трезвости, 1909).

Иван Павлович

8 января 1903. СПб.

Дорогая Надежда Ивановна!

Никакая фантазия до этого, что я узнал, не может додуматься…

Прямо страшный факт!

Из письма, положим, не знаешь подробно картины… Вообще неясно. И даже сомневаешься в своей догадке: да так ли? Вот почему хотелось бы спросить Вас о некоторых подробностях (сколько Вам было лет тогда, под каким влиянием это было сделано, как Вы отнеслись к нему, какие результаты). Что делать, к сожалению, я узнал об этом. И, конечно, лучше знать всю правду, чем давать волю фантазии и подозрениям.

Но позвольте Вам заметить: зачем Вы говорили об этом Владыке, Марии Михайл.<овне> и другим! Эту тайну Вы одна должны были знать и схоронить ее в себе. Раз ее знают 5 человек, то трудно ручаться, что не будут ее знать 10–20 и больше. Как никак, а этот факт – пятно на Вашем отце. И выставлять напоказ это пятно не следует. Власть отца над дочерьми громадна. Его судить мы не смеем. Вино чего не сделает! Вы помните библейский пример с Лотом… Но ведь *Моавитянка*[9] Руфь была прабабушкою возлюбленного Давида и праматерью Иисуса Христа. Так что благословение Господне от вас не отнимется. Напротив, если Вы со смирением [примите] перенесете обиду, то Господь воздаст Вам сторицею.

Итак, насколько это Вам возможно, свяжите обетом молчания всех лиц, кому это известно, и больше об этом *никому* ни слова. На отца не обижайтесь. Какой бы ни был отец, – все-таки он *отец*. И судить человеческие слабости нам нельзя. Разве Вы осуждаете Адама? А ведь он виновник всех наших бед… Да будет во всем воля Божия. Ему одному ведомы неисповедимые пути, которыми Он нас ведет к спасению[10].

---

[9] Ювачев имеет в виду библейский рассказ о Лоте и его дочерях, забеременевших от отца; старшая из них родила Моава, родоначальника моавитян.

[10] Узнав о личной трагедии Надежды Ивановны, Ювачев предлагает ей те аналогии, которые были актуальны для него самого, советует поступить так, как поступал сам, проецируя перипетии собственной жизни на библейскую историю, – отсюда и напоминание о мифологических прародителях. В патриархатном духе Ювачев символизирует фигуру отца, редуцируя таким образом индивидуальный характер драмы. Убеждая Надежду Ивановну не судить отца, он пытается внушить ей необходимость всепрощения, которое сделал принципом собственного существования.

Что касается моего отношения к Вам, то это сообщение только заставляет еще более сочувствовать Вам, сострадать, соболезновать. Стряхните с себя всякую мысль об этом прошлом и не думайте никогда впредь. Действительно, Вам нечего краснеть перед обществом. Итак, забудьте все, выкиньте все вон из головы. И да хранит Вас Матерь Божия под кровом своим в мире и любви. Сердечно преданный Вам ИЮвачев (Ед. хр. 1. Ч. 1. Л. 2–3 об.).

Е. А. Нарышкина

Надежда Ивановна
9 января 1903 г. СПб.

Нарышкиной лучше, слава Богу, хоть тут мне маленькое облегчение. Я более покойна, что наконец не обманываю Вас, но зато нелегко все переломить. Пришлите письмо с Сашей, я его уничтожу, оно мне более не нужно, можете даже и сами это сделать.

Всего хорошего, берегите себя.

Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 7).

Иван Павлович
9 января 1903 г. СПб.

Голубушка, не беспокойтесь, пожалуйста, ни о чем. Живите, как птица Божия: день и ночь – сутки прочь, и слава Богу! Самые счастливые люди, которые живут сегодняшним днем, не задумываясь о будущем. Все Ваши мигрени, головные боли и пр., – все это заботы и тяжкие думы. Встряхните себя, возьмите в руки и живите королем.

Письмо Митрополита читал и в тот же вечер под первым впечатлением написал свое замечание. Не огорчайтесь: верьте в Бога и в Его промысл. Каждому свое. «Возьми *свой* крест», – сказал Спаситель. Друзья Ваши, Митрополит, Мария Михайловна, Княгиня и я, помо-

жем Вам забыть это *прошлое*. Пожалуйста, никому, никогда, ничего про это не рассказывайте...

<...> За Вас буду молиться, чтобы Вы были здоровы и веселы.

Вы пишете: «Хоть тут мне маленькое облегчение». А где еще тяжесть? В чем? И как ее облегчить – скажите.

Да хранит Вас Матерь Божия под кровом своим в мире и любви.

Сердечно преданный Вам

ИЮвачев.

P. S. Письмо прилагаю (Ед. хр. 1. Ч. 1. Л. 4–5).

Надежда Ивановна

10 января 1903 г. СПб.

Голубчик, дорогой мой, спасибо Вам за Ваши письма, Вы не поверите, как успокоили меня, у меня был такой страх, что Вы отвернетесь от меня и что я не увижу Вас больше. Хотела Вам ответить на Ваши вопросы письмом, и даже я Вас так и просила, теперь же решила лучше лично передать все. Сегодня, если только будет возможность мне одеться во что-либо белее приличное, чем я теперь, то около 6-ти ч. вечера могу приехать к Вам, желаете ли Вы только видеть меня, напишите с Сашей. Голова моя хотя и болит, но лучше сегодня. К Нарышкиной не еду сама, она непременно хочет, чтобы я к ней приходила, а доктор сердится, да я сегодня без корсета, а там всегда кого-нибудь встречаешь из важных.

Всей душой Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 8–8 об.).

Надежда Ивановна

30 января 1903 г. СПб.

<...> В монастырских очерках[11] узнала Вас, мой дорогой, верно, от того и глазки были грустные вчера, что прочли и вспомнили старое (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 5).

Надежда Ивановна

4 февраля 1903 г. СПб.

Сейчас еду к Нарышкиной и от нее прямо домой, а вечером должна буду в 8 ч. поехать к одним знакомым на рождение. Исполните мою

---

[11] «Монастырские очерки» публиковались в журналах «Русский паломник» (1901) и «Душеполезное чтение» (1901–1903); отд. изд.: *Ювачев И.* Монастырские очерки. – М.: Университетская типография, 1903.

просьбу, мой дорогой, если, конечно, она Вас устраивает, придите ко мне сегодня обедать в 5 или 6 часов, а в 8 ч. вместе уедем, Вы домой, а я в гости. Забыла у Вас часы, если, завозя это письмо, найду их, то возьму, а то Вы захватите. Здоровы ли Вы, голубчик, и сильно ли браните меня, следует меня хорошенько отчитать за то, что смущаю Вас, *никогда* себе этого не прощу.

Да хранит Вас Бог. Целую и жду Вас, родной, приходите, хочу Вас видеть. Ваша НКолюбакина.

P.S. Привезла Вам три платка носовых, для свадьбы, Ваши неудобно, я не хочу, чтобы у моего дорогого было бы что-либо не так. Флакон с духами нарочно тоже привезла, думаю, что лучше этими надушиться.

НК (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 6–6 об.).

Надежда Ивановна

19 февраля 1903 г.

Вот уже мне и скучно, тянет взглянуть на Вас, мой хороший, но до 5-ти часов сижу дома, а потом надо к Княгине поехать, обижается, что не бываю у нее. Если Вы, голубчик, дома в 8 ч. веч.<ера>, то я, конечно, заеду. Посылаю письмо Остафьевой, хотите, можно будет послушать в воскресенье, одна я, конечно, не пойду, а с Вами другое дело. Не могу сказать, чтобы хорошо себя чувствовала, не сбылось бы правда предсказание Княгини о маленьком Ювaченке, но что же делать, это меня не так волнует.

Обнимаю и целую Вас, мой дорогой.

Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 9).

Надежда Ивановна

22 февраля 1903 г.

Ввиду Вашего скорого поступления на службу[12], прекрасно делаете, что серьезно занялись своими делами, а обо мне на время забудьте, я даже не буду и искать возможности Вас видеть. <...> Ждите скорого вызова Вас на службу, более ничего не скажу, не приказано. <...>

[12] Речь идет об устройстве Ювачева на службу в Управление государственными сберегательными кассами.

Вчера целый вечер сидела у меня Княгиня, неприятны мне очень все ее намеки на Вас, но что делать, надо как-нибудь переносить ее чрезмерную грубость. <...> Получила от М.<арии> Мих.<айловны> письмо, сильно меня огорчившее, мне жаль ее очень, пишет, что откуда и не ждала, на нее приходят напасти, может быть, приедет в Петер.<бург>. Напишите мне все-таки за то время, что не увижу Вас, мой дорогой, не забывайте, что все мои мысли, хотя и не вижу Вас, о Вас же, и не могу сказать, чтобы мне было все равно не видеть так долго Вас, но раз надо, не может быть и разговоров об этом. Да хранит Вас Бог, мой хороший. Нежно обнимаю и целую Вас и очень прошу беречь себя. Всей душою Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 10–11).

Надежда Ивановна

26 февраля 1903 г.

Исполнила Ваше желание, сейчас был доктор Хетагуров и нового мне ничего не сказал. Голова болит, конечно, вследствие расстройства нерв и от потери крови, дал мне сейчас принимать бром, а потом велел железо, но я ни того ни другого не буду, пичкать себя всякой гадостью не люблю, да мне сегодня лучше, голова почти не болит, только тяжелая, и Вы, мой хороший, не беспокойтесь и не заставляйте меня исполнять предписания доктора. Были ли Вы у Княгини и что говорили, напишите мне все, а сами не приходите, не надо тратить время на меня, я завтра сама зайду к Вам от Нарышкиной, если она пожелает, чтобы я приехала, хотя вряд ли, у нее завтра уезжает дочь. Да хранит Вас Бог, мой дорогой, очень прошу Вас не беспокоиться и не думать обо мне.

Целую Вас крепко и благодарю за вчерашний приход.

Ваша НКолюбакина.

Посылаю книгу, а переписка будет готова завтра к вечеру, в пятницу получите (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 15–16).

Надежда Ивановна

4 марта 1903 г.

Дорогой мой, Княжна приехала с другим поездом, у нее не хватило денег на почтовый. К Нарышкиной не поеду, что мне ей говорить, обманывать больше не могу, а правду не знаю какую говорить. К Вам решила пока не ходить, чтобы не навлечь и со стороны Мар.<ии>

Мих.<айловны> подозрения. Ради Бога, пишите мне о себе, если можно, каждый день. Да хранит Вас Бог.

Всей душой Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 18).

Надежда Ивановна

11 марта 1903 г.

<…> Владыка присылал узнать, как мое здоровье и как идут дела, ждет нас вместе к себе, но просит заранее дать ему знать, когда приедем. Я ему написала, что надо подождать, что я еще к нему сначала одна приеду <…>

Да хранит Вас Бог.

Нежно обнимаю и целую Вас, родной мой, и мысленно с Вами.

Ваша Надя.

P.S. <…> Княгиня собирается ездить каждый день ко мне, все объясняется мне в любви, что она очень нас обоих любит, Вас хочет видеть, но я взяла с нее слово, что говорить с Вами не будет обо мне.

Надя (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 38–38а).

Надежда Ивановна

19 марта 1903 г.

Родной мой, я терпеливо жду и надеюсь на Бога, веря именно в то, что за все Ваши прежние годы терпения Господь устроит как лучше для Вас, а мне первое, чтобы Вы были довольны и счастливы. Конечно, я не могу сказать, чтобы мне было легко, если Вас от меня отнимут, лучше смерть, но опять не теряю надежду, что Господь не оставит и меня. Сегодня была в церкви, помня, что память Вашей Мамы, хотелось очень к Вам заехать, да была уверена, что Вы тоже в церкви или на кладбище. Пойдете ли Вы завтра от 2-х до 3-х ч., идите, дорогой, лучше знать, чем быть в неведении, а я приеду к Вам в 5 ч., чтобы узнать. Да хранит Вас Господь, мой хороший, дорогой.

Обнимаю и целую Вас.

Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 36–36 об.).

Надежда Ивановна

2 апреля 1903 г. СПб.

Простите меня, мой дорогой, я много огорчала Вас, завтра перед обедней буду исповедываться, если есть время, придите ко мне завтра в 10 ч. утра, обедня начнется в 8 ч. утра, а если хотите, то для меня еще

бы было приятнее видеть Вас в начале обедни. После мы можем поехать вместе и купим кольца и Вам пальто.

Целую Вас и много, много люблю. Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 45).

Иван Павлович

4 апреля 1903 г. СПб.

Если рассчитываете Вы курить, то предупредите меня заранее, тогда я пойду разговляться к отцу. Я не могу с Вами христосоваться, когда Вы курите.

Вы хвастались своею силою воли. Где она? Ее не хватает и на такие пустяки, как бросить папироску.

Сказано: «Если любите меня, – соблюдайте заповеди мои». И я Вам тоже скажу:

Если любите меня, то покажите свою любовь не на исполнении *своих* прихотей (покупки рябчиков, варенья и пр.), а хоть на маленьком послушании своему жениху.

Право, мне страшно обидно, что я столько должен говорить с Вами из-за поганой папироски. И это теперь, когда Вы невеста! Что же будет дальше?

Неужели Вы думаете, что если я говорю кротко, спокойно, то можно и не делать того, о чем я прошу? Неужели надо кричать, волноваться, выходить из себя, чтобы заявить, что просьба моя *крайне сериозна*.

Я опять повторяю: я не могу, понимаете, *не могу* допустить, чтобы *моя* жена курила бесам. И когда же? Когда мы вспоминаем крестную смерть Спасителя! Когда люди не смеют съесть куска хлеба! А Ваш жених воздерживается даже от глотка воды.

Опять повторяю, если хотите идти со мною рука об руку по пути нравственного совершенства, – то милости просим! Если же желаете *распуститься* по широким свободным дорожкам, то... я Вам не товарищ. Вы взгляните хорошенько, за кого Вы хотите выходить замуж.

Денег у меня довольно много, а расходов до Пасхи не предвидится. Приду, вероятно, *поздно* в субботу. Купите и запеките насухо две рыбки к Пасхе (чтобы поменьше только костей). Да хранит Вас Матерь Божия под кровом мира и любви. ИЮв. (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 2–3).

Надежда Ивановна

5 апреля 1903 г. СПб.

Я не курю, напрасны все Ваши беспокойства, одна папироска, выкуренная мною при Княгине, не означает, что я начала опять курить. Потом, голубчик, Вы совершенно напрасно думаете, что меня строгость с Вашей стороны могла бы заставить бросить курить, я бросила только[13] ради любви к Вам, грустно очень, что в такие дни заставила Вас написать такое письмо.

Еще раз повторяю Вам, дорогой Иван Павлович, что если Вы не верите мне и боитесь, что я собираюсь идти по «широким свободным дорожкам», то бросьте, пока есть время, я не хочу видеть Вас несчастным, я слишком много люблю Вас и пожертвую своим личным счастием, лишь бы Вам было хорошо. Я предчувствовала, что будет мне какая-нибудь неприятность, так болело сердце вчера вечером и ночью.

Рыбу велела сделать.

Да хранит Вас Бог. Деньги Ваши все целы и тратить их не буду. Если не придете, то хоть словечко черкните об этом.

Не могу успокоиться, так мне больно от Вашего письма, дорого мне слишком папироска, если она только могла заставить Вас написать такое письмо.

Всей душой Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 46–47).

Надежда Ивановна

Апрель 1903 г. СПб.[14]

Была у Вас с Сашей, чтобы взять остальное белье. Сейчас еду с Княгиней покупать белое платье, но шить его не отдам, пока верно не узнаю Вашего решения. Сегодня так жарко, как Вы, мой голубчик, в ватном пальто, надо купить скорее, если я зайду к Вам после Княгини, то поедем купим. Целую и люблю Вас.

Ваша НКолюб.<акина>.

Уходя, открыла форточку, а очень душно у Вас (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 43–43 об.).

---

[13] Часть предложения начиная со слова «совершенно» Ювачев выделил красным карандашом.

[14] Карандашная записка, датирована Ювачевым.

Надежда Ивановна

13 апреля 1903 г. СПб.[15]

Голубчик, посылаю Вам лошадь за шкафом, чемодан и корзинку, сама же сейчас еду к Митрополиту, который желает меня видеть по какому-то делу, но я скоро от него вернусь, так что Вы приходите, и если меня не будет, то немного подождите меня.

Целую Вас, мой родной.

Ваша НКолюбакина (Ед. хр. 5. Ч. 4. Л. 44).

Надежда Ивановна

16 апреля 1903 г.[16]

Дорогой мой, посылаю Вам с Василием фрак, рубашку, платок и носки. Как себя чувствуете, я, слава Богу, хорошо. Да хранит Вас Бог.

Ваша НКолюбакина[17] (Ед. хр. 5. Ч. 3. Л. 4).

Иван Павлович

16 апреля 1903 г. СПб.[18]

Дорогая Надежда Ивановна.

Сегодня хотел служить молебен Казанской иконе[19], но отстоял только обедню. А молебен служил в часовне близ Думы. Отдал Тузову свою книгу[20]. Получил несколько поздравлений вместе с извинениями, что не могут приехать.

Приготовьте на дорогу новые сапоги, которые я снял третьего дня.

Принесли ли шампанское? Надо предупредить, чтобы, ставя в лед, не испортили ярлыков на бутылках.

---

[15] Карандашная записка, датирована Ювачевым.

[16] Карандашная записка, датирована Ювачевым.

[17] До 16 апреля были разосланы извещения о бракосочетании Ювачева и Колюбакиной. См. письмо к Ювачеву от автора работ по истории древнего Востока Зинаиды Алексеевны Рагозиной, датированное 16/29 апреля, где сообщается о получении «сегодня» извещения о его браке. Она сетует, что узнала о его браке не приватно, а из извещения, которое «рассылается первым встречным знакомым» (Ед. хр. 6. Ч. 9. Л. 102).

[18] Датировано позже.

[19] Икону Казанской Богоматери Ювачев считал своей покровительницей. Впоследствии домашняя икона в семье Ювачевых.

[20] Вероятно, речь идет о передаче издателю И. Л. Тузову рукописи книги «Между миром и монастырем. Очерки и рассказы» (СПб.: И. Тузов, 1903).

Я обедаю, слегка, а потому, вероятно, поем и вечером в вагоне.

Д. прислала картину Васнецова и лампаду. Эти вещи надо будет передать потом С.<естре> Варваре[21].

Посылаю их вместе с пиджаком и рубашкой. Последнюю можно еще одеть. Мне в чемодан захватите один воротничок лишний.

Будьте здоровы. Да хранит Вас Бог мира и любви.

Сердечно любящий Вас.

Ив. Ювачев (Ед. хр. 1. Ч. 1. Л. 12–13).

Надежда Ивановна

1 июня 1903 г.

<…> Сасапарель[22] сейчас был. Как он любит тебя, мой хороший, за это сразу заставил и меня полюбить себя <…> Очень хочет видеть тебя, рад, что ты женился. Много рассказывал мне про тебя. Чем больше я слышу про тебя и убеждаюсь в своем мнении о тебе, моя радость, тем больше и больше люблю тебя, только бы мне тебя скорее дождаться. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 10. Л. 100 об).

Надежда Ивановна

8 июня 1903 г.

Что же такое, Ваня? За что ты меня так отчитываешь? Я лишаю тебя сна, отнимаю энергию. Меня поразило все это, как громом. Обвиняешь меня в необузданной страсти. Я чуть ли не виновница твоего несчастия. Неужели я большего не заслужила? Хорошо, мой друг, больше не услышишь от меня ни звука, и, если я виновата, прости, пожалуйста, успокойся, спи, кушай, запасайся силами. Предчувствие меня не обмануло, я ждала чего-то ужасного, что же ужаснее, как узнаешь, что человек, на которого я чуть что не молюсь, говорит мне, как я его мучаю. Нет, не буду больше ничего говорить. Я совершенно здорова, докторов мне не надо пока. У нас все благополучно. Папа намного лучше себя чувствует, говорят, стал выходить. На этих днях поеду

---

[21] Варвара Александровна Шкляревич, дворянка, «светская подвижница», открывшая близ Любани бесплатную столовую для странников и босяков и посвятившая себя заботам об отверженных. Очерк Ювачева «Сестра Варвара» (Женское дело. 1899. № 7–8) позже вошел в книгу «Между миром и монастырем».

[22] Доктор В. А. Сасапарель, сахалинский знакомый Ювачева.

Приют для арестантских детей-девочек и Убежище для женщин

к нему[23]. < … > Несмотря и на гостью, к молебну в часовню Спасителя я все-таки поехала, а то бы народ мой обиделся на меня, да я и сама хотела быть с ними, оне меня любят и не считают такой скверной, как ты меня считаешь. Играю я очень мало, нет время, да еще и рояль не настроили, сколько раз настройщик меня обманывал, что придет, я жду – и нет. Ты говоришь, брось занятие, что же тогда я буду делать, тебе не оказалась полезной, так я уж буду наоборот более дорожить тем делом, где я полезна. Ты пишешь, что я хочу построить нашу жизнь на безумных началах, на каком основании ты можешь это думать. Зачем только ты написал столько горького, обидного. Ты наказываешь меня за мою любовь к тебе. Правда мне говорили, что нельзя показывать мужьям очень сильную любовь. Да хранит тебя Бог, голубчик, не надо так, родной мой. Это последнее письмо в таком духе, прости еще раз, что не разобрала сразу, чего ты от меня хочешь.

Твоя Надя (Ед. хр. 2. Ч. 10. Л. 103–104 об.).

Надежда Ивановна

[23] Отец Ювачева долго болел (см.: Ед. хр. 3. Л. 20, 23, письма Ювачева от 11 и 12 марта 1903), умер 24 июня 1903 года. Дата устанавливается по письмам Надежды Ивановны от 4 сентября 1903 (Ед. хр. 2. Ч. 2. Л. 23 об.) и 26 июня 1912 (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 190).

9 июня 1903 г. СПб.

Ты не огорчайся, дорогой Ваня, если я теперь буду реже писать. У меня каждый день одно и то же, писать же так, как раньше писала все, что думаешь, я более уже не могу, ты слишком строго наказываешь за это. Обо мне, прошу тебя очень, не беспокоиться, я совершенно здорова, покойна и занята сильно делом. Ожидаю Елиз.<авету> Алек.<сеевну> и надеюсь, что она даст мне возможность еще послужить в Убежище. Конечно, мой друг, и говорить нечего, что я сейчас же бы приняла самое искренное участие, если чего не дай Бог случилось бы что-нибудь с Папой, но Бог милостив, ему как будто лучше. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 10. Л. 105–105 об.).

Надежда Ивановна

4 сентября 1903 г.

<...> Зачем ты, моя дорогая деточка, плакал, родной мой, может быть, тебе тяжело, не от меня ли? Так и защемило у меня сердце, когда я прочла. Сегодня я служила панихиду, день рождения Над.<ежды> Ив.<ановны>, и, конечно, Папу и Маму записала и помолилась за них и Мар.<ию> Ан.<тоновну>, все они мне дороги, так же как и мои родные, даже гораздо больше, так как ты, мой хороший, для меня все на свете и твои слезы для меня просто страдание. Целую тебя, мой родной, нежно. Да хранит тебя Бог и Матерь Божия.

Твоя Надя (Ед. хр. 2. Ч. 4. Л. 23 об.).

Надежда Ивановна

9 окт.<ября> 1903 г.

Дорогой Ваня! Сразу сегодня получила твоих два письма, прости, голубчик, за все прежние огорчения, которые делала по своей необузданности, ты прав, родной, нельзя роптать и жаловаться. Иногда, по присущей всем нам женщинам нервности, мы сами не знаем, чего хотим, во многом я виновата перед тобой, но ты прости, дорогой мой. Вот что пугает меня, скажу тебе откровенно, не ошибся ли ты во мне, не прав ли Пругавин[24]? Нет во мне ничего хорошего, как видно, и любить-то я не умею так, как другие, и что теперь делать, я просто

[24] Пругавин Александр Степанович (1850–1920), публицист, автор работ по истории сектантства и старообрядчества.

теряю голову, смогу ли я дать тебе все то, что тебе хотелось бы видеть во мне? <…> (Ед. хр. 2. Ч. 4. Л. 78–78 об.).

Надежда Ивановна
февраль 1904 г.[25]

<…>мне трудно быть покойной, зная, что я сама сгубила нашего крошку, не могу примириться с этой мыслею. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 2. Л. 1).

Иван Павлович
13 февраля 1904 г., СПб.

Дорогая Надя!

Вероятно, Ты переселилась в другой номер. № 13 твоей первой комнаты не был счастлив. Дай Бог, чтобы теперь Тебе было хорошо, спокойно и удобно.

Сегодня я буду в церкви приготовляться к исповеди и причастию. Прости меня, дорогая! Вечером собираюсь в баню. Завтра, Бог даст, я покажусь Тебе. Только Ты не грусти! Вчера была мать Ноткина <…> и говорила, что Тебе надо беречься теперь, пока молоко не пропало. Да и природа этому учит. Когда мать родила ребенка, то ее радостное настроение подымает нервы в благоприятную сторону, и она легко справляется со своим положением. Вот и Тебе надо иметь *радостное* настроение, чтобы и Ты скорей оправилась. Я понимаю, искусственно не создашь радость; но во всяком случае не переходи в другое положение: не допускай себя ни плакать, ни печалиться. Ведь мы добровольно не отдали бы своего первенца Богу. У Тебя и в мыслях этого не было. А между тем так полагается: первого посвящать Богу. Я тебе об этом вчера говорил. Наконец, вспомни, как плакала библейская Анна и не ела. И сказал ей муж: «Анна! Что ты плачешь и почему не ешь, и отчего скорбит сердце твое? *Не лучше ли я для тебя десяти сыновей?*» И что же? Бог дал им сына – пророка Самуила. Верно, что Господь и нас утешит и даст нам хорошего сына. Да и мы, имея опыт, будем к этому акту – беременность и деторождение – относиться более серьезно и внимательно (Ед. хр. 1. Ч. 2. Л. 3–4).

---

[25] Записка из больницы, датирована Ювачевым. В смерти первенца Павла мать винила себя.

Надежда Ивановна

1 июня 1904 г.

<...> Я опять в горе, сегодня явились признаки того, что я не в таком положении[26], я даже поплакала, так мне хочется иметь ребенка, хотя знаю, что сама виновата, что не сберегла первого. Когда поеду к Отцу Алек.<?> заеду к Маме и Павлику на могилку и, если не очень дорого, велю устроить могилку, обложить дерном. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 2. Л. 47 об.).

Иван Павлович

24 сентября 1906 г., Могилев – губ.

<...> Один раз был в театре В.Ф. Комиссаржевской. Она играла Нору («Кукольный дом»), как всегда, прекрасно, увлекательно, но сама пиеса глупая, не в обиду будь сказано Г. Ибсену. Выставлена какая-то глупая, легкомысленная, наивная, взбалмошная, необразованная женщина, которая заняла у шантажиста для поездки за границу большую сумму денег. Урезывает из хозяйства и тихонько от мужа уплачивает по векселю, на котором *подделала* подпись поручителя. Ей приходится лгать с мужем все 8 лет. И вот такая-то женщина вдруг возводится на пьедестал как защитница прав человека. Говорит чепуху, бросает ни с того ни с сего мужа, который любит ее, детей, дом. Такая галиматья! Неестественная, нежизненная, не веришь пьесе в высшей степени[27]. Но ведь теперь, в век декадентства и переоценки всего в мире, молодежь ужасно любит, когда автор выставит вдруг все шиворот-навыворот, вверх ногами. Это, по-вашему, глупо и подло? Объявим же мы, что это и умно и благородно! И так эта вещь проносится по всей России и взвинчивают ею умы неустойчивых девушек.

Мне больно за Тебя, когда я слышу, что Даня не спит и капризничает. Я знаю, как матери бывает трудно по ночам! Будем ждать милости Божией. Проверь, пожалуйста, мои письма. Каждый день пишу. Много открыток с видами, бумаги, конверты, тетради и пр. – все заключено в верхнем деревянном ящике конторки. Ключи в коробке, где все мои ключи. Только пиши, пожалуйста, в Могилев *губернский*, ина-

---

[26] Пишет о том, что признаки беременности оказались ложными.

[27] Ювачев интерпретирует коллизии драмы Г. Ибсена в соответствии со своими взглядами, отвергая ее эмансипационный пафос.

че ушлют в Подольскую губ.<ернию>. Кланяюсь Нате и М.<арии> Ив.<ановне>. Да хранит вас Бог мира и любви.

Сердечно целую. Твой ИЮвачев (Ед. хр. 1. Ч. 4. Л. 54 об. – 55 об.).

Иван Павлович

[1906][28]

Что бы ни случилось, принимаю как из рук Господа.

Ты хочешь расходиться? Пожалуй, у тебя найдутся некоторые основания:

1) Ты меня не любишь. Жена, которая любит мужа, ни под каким видом не покинет его. А для Тебя довольно мимолетной вспышки, чтобы разойтись с мужем.

2) Ты меня не уважаешь. Ты знать не хочешь и ни в грош не ставишь мою прошлую борьбу за святые принципы до самопожертвования и навязываешь мне то, от чего отвращается душа моя.

3) Ты измучила меня угрозою уйти. Что за подруга жизни, за которую надо бояться, что вот-вот она не сегодня-завтра уйдет от тебя! Невыносимо три года балансировать на супружеском вулкане, ожидая каждую минуту взрыва.

Можно бы указать еще много других оснований расходиться, но зачем, когда Ты этот вопрос *для себя* давно решила?

Я со своей стороны одно предложу: Если действительно хочешь разойтись, то давай расходиться мирно. Никаких посредников между мужем и женой, кроме Бога и ангелов его, не допускаю (Ед. хр. 1. Ч. 4. Л. 31–31 об.).

Иван Павлович

27 мая 1907 г., Нижний Новгород

<...> Голубушка моя, а почему Ты так тоскуешь обо мне? Ведь Ты же окружена родными, у Тебя много хлопот и забот, так время ли скучать обо мне?! У Тебя есть на глазах милая радость – Даня. Он один может заставить забыть все на свете. Развивай его понемногу и приучай к воздуху, чтобы он среди лета мог в одной рубашонке бегать по песку голыми ногами. <...> (Ед. хр. 1. Ч. 6. Л. 24 об.)

---

[28] Черновик неотправленного письма: недатированный тетрадный листок среди писем к Надежде Ивановне за 1906 год (относится именно к этому времени – третьему году супружеской жизни).

Иван Павлович
24 ноября 1907 г., Киев

<...> Ты пишешь: «Не могу понять, почему у нас, когда ты дома, идут все время раздоры... Я же тебя так люблю...» и пр.

Разве Ты не знаешь, что семейный мир хранит жена. Это от нее вполне зависит. Припомни, когда Ты *хочешь*, чтобы у нас были хорошие отношения, – все хорошо, мирно, ладно. Но когда вдруг найдет на Тебя, и Ты сразу меняешь тон и позволяешь выкрикивать, напр.<имер>, такие фразы: «Ведь ты же жрешь булку!» О, если бы я мог *жрать* булку! то я бы благословлял Бога, да и Ты бы радовалась моему аппетиту и здоровью. Но...

Временами мне бывает ужасно грустно. Я бываю очень расстроен и не могу заниматься ничем. И всему Ты причина. Ты отлично знаешь, что я нежный, ласковый, скромный человек. Только надо подойти ко мне по-человечески, а не по-звериному. Тогда и я замыкаюсь и молчу. Впрочем, все наши ссоры я отношу к духовным врагам, а не к Тебе лично, и потому этот весь семейный сор бросаю вон, в корзину забвения <...> (Ед. хр. 1. Ч. 5. Л. 84 об.–85).

Иван Павлович
28 ноября 1907 г., Борзна

Дорогая Надя! Я получил здесь 2 Твоих письма («заклеюшки»[29]) от 23 и 24 ноября. В Дубне[30]– от 19 и 20 ноября. Ну а 21 и 22 ноября? Писала ли Ты или нет? Отчего Ты не нумеруешь письма? Я не могу тут требовать, не зная наверное – писала ли Ты или пропустила эти дни. Мои письма идут в одно место, и я всегда пишу о пропуске дней. По моим письмам Ты всегда узнаешь, все ли Ты получила. Другое дело Твои письма. Они идут в разные города. Почем я знаю – где их искать? Почти каждую командировку упрашиваю Тебя писать мне *нумерованные* письма или с таким перечислением посланных писем, чтобы у меня не оставалось ни малейшего сомнения. Ты мне напишешь что-нибудь важное и будешь думать, что я получил это письмо, и в следующем пись-

[29] В материалах архива кроме писем на писчей бумаге, пересылаемых в конвертах, есть и так называемые открытые письма (открытки без картинок на лицевой стороне), и двойные открытки, которые склеивались по краям. Видимо, Ювачев имеет в виду такие «заклеюшки».

[30] Город Дубно Волынской губернии.

ме уже не станешь повторять. А я могу и не получить. Напр.<имер> Борзну часто смешивают с Борзняками и засылают туда письма. Неужели Ты не можешь в таком для Тебя дорогом деле быть снисходительна и внимательна к моей просьбе?! <...> (Ед. хр. 1. Ч. 5. Л. 86–87).

Надежда Ивановна

1 декабря 1907

Дорогой мой Ваничка! Получила сегодня твое письма с целой нотацией за письма, но я немного тебя не понимаю, какую нумерацию я буду делать на письмах, число я всегда ставлю. Вероятно, 21-го и 22-го[31] я не писала, теперь я не помню. Я буду теперь ставить римские цифры на письмах, начну с этого письма, это будет первое[32]. <...> Сейчас ты скажешь, что я придираюсь к тебе, но я обратила внимание в твоем письме вот на какие строки: «Неужели Ты не можешь в таком для Тебя дорогом деле быть снисходительной и внимательной к моей просьбе». Почему это дело дорого только мне, а тебе разве нет? Я стараюсь как можно больше, т. е. чаще, писать тебе, для того чтобы ты был покоен, а по этой фразе можно вывести заключение, что для тебя это лишнее, что это только для меня нужно. Да, для меня во время твоего отсутствия действительно важны твои письма, я только тогда и покойна, когда их получаю и знаю, что ты здоров и все идет хорошо.

К себе я у тебя не прошу любви, я знаю, что ты во мне разочаровался, как ты мне об этом и сказал, даже лучше, ты находишь, что я обманула тебя, но Даня, он ничем не виноват, ради него, чтобы ты об нем все знал, я пишу тебе, а о себе я более в письмах не упоминаю. Да хранит тебя Господь и Матерь Божия. Любящая тебя, твоя Надя (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 212, 213 –213 об.).

Надежда Ивановна

8 февраля 1910 г., СПб.

Сегодня совершенно неожиданно узнала, что ты получаешь из Пермской губ.<ернии> письма, которые даже нельзя адресовать на мою квартиру. Значит ко всем прелестям еще прибавляется обман. Святоша! Одной рукой Богу молишься, а другой всякие скверности

---

[31] На первой странице письма Надежды Ивановны от 22 ноября 1907 года Ювачев зеленым карандашом поставил № 3 (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 201–203 об.).

[32] На первой странице римская цифра I.

делаешь. Я нахожу, что мне самое лучшее быть дальше от таких грязных людей, а потому более не жди ни писем, ни известий. Я не могу, мне слишком противно.

Ювачева[33] (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 26).

Надежда Ивановна

22 февраля 1910 г.

Эда Ивановна привезла мне 2 книги – твою и потом «Church Quarterly Review»[34], которую я сегодня же посылаю о. Петру. Твою книгу высылаю тебе[35]. Поздравляю тебя еще раз с днем Ангела и желаю тебе счастья во всем, только не такое, как у меня. На твое письмо и отвечать не считаю нужным, только одна перебранка. Бог с тобой, делай и живи, как хочешь, более я ни слова *никогда* не говорю. Ты меня не понимаешь, а я, верно, тебя. Дети здоровы. Мамка осталась старая, так как молоко опять появилось[36]. Посылаю письмо. 20-го я жалованья не получила, и Сергеев ничего не говорил. Дети тебя целуют, все кланяются.

Н. Ювачева (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 28–28 об.).

Надежда Ивановна

11 марта 1910 г.[37]

Хотела тебе, Ваничка, послать еды, да вспомнила, что сегодня четверг. Посылаю Дуню за фляжкою, чтобы она купила тебе масла для лампады. Если чего-нибудь тебе надо, то напиши или скажи Дуне, я пришлю.

Целую твоя Надя (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 33).

Надежда Ивановна

20 апреля 1910 г.[38]

Сейчас мне сказал Владыка по телефону, что он будет у нас завтра около 12 ч. дня. Надеюсь, ты придешь, а к нему, значит, тебе идти не надо.

Надя (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 31).

---

[33] Письмо без обращения.

[34] Английский журнал, издавался обществом распространения христианских знаний.

[35] Вероятно, речь идет о книге: *Ювачев Ив.* Монашество и трезвость. – СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1909.

[36] 2 декабря 1909 года Надежда Ивановна родила дочь Лизу (Ед. хр. 14. Л. 57).

[37] Записка датирована Ювачевым: «4 ч. веч.<ера> 11 марта. 1910 г. Спб.».

[38] На обороте записки: «Ив. Павл. Ювачеву. д. 7 кв. 51» (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 31 об.).

Надежда Ивановна
21 июня 1910 г.

Дорогой мой Ваничка!

Меня очень и очень тревожит твое здоровье, тебе более, чем кому-либо другому, надо быть осторожным с желудком, чего ты не делаешь, меня не хочешь слушать, а сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не наедался всякой дряни, а ел бы так, как делают все люди, но ты глух к моим просьбам и смотришь на меня как на злейшего своего врага. О холере пишут и говорят со всех сторон, и я все время живу в страхе за тебя, но молчу, зная, что если буду говорить, что (sic!) все равно безрезультатно. <...> Дети здоровы, Лиза просто одна прелесть, а Даня, хотя и здоров, но буквально ничуть не поправляется, а скорее, как-то слабее сделался, часто бывает не в духе, желудок иначе, чем с клизмой, не работает, чего в Луге не было, он, как приезжал туда, был всегда весел, и все шло совершенно нормально, из чего я заключаю, что ему вредно жить на берегу моря, и потому уже, конечно, более не поеду. Теперь пошли ягоды, я ему даю их, вообще не стесняю его едой, молоко пьет сырое, но ничего не помогает, все его крепит и крепит, жалко смотреть на него, когда он старается что-либо сделать без клизмы. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 51–52).

Надежда Ивановна
15 августа 1910 г.[39]

Иван Павлович! У тебя так сильно пахнет краской, что я положительно боюсь за тебя. Ночью ты будешь один, мало ли что может быть. Если ты боишься терять время на разборку твоих книг, то, если хочешь, я помогу тебе, сколько могу. На всякий случай посылаю тебе еды, если пойдешь ко мне, то вези ее обратно. Потом тебе пока и пить нечего, так что лучше уже приходи в Убежище, у меня прямо болит сердце оставлять тебя там.

Надя (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 59).

Иван Павлович
17 сентября 1910 г., Люблин

Дорогая Надя! Купил Тебе вчера кожаную сумочку (как у Маши) на память твоих именин. В Варшаве болтался с 11 ч. до 3 часов. Был

[39] Записка датирована Ювачевым: «15 авг.<уста> 1910 г. Спб. 9 ч. вечера».

в костеле и вспомнил, как мы ходили по утрам молиться [1 нрзб.]. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 63)

Надежда Ивановна
20 сентября 1910 г.

<...> Спасибо тебе, что думал обо мне, и за твой подарок. Еще бы мне не помнить Варшаву, когда мы с тобой гуляли, тогда так было хорошо. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 66).

Надежда Ивановна
1 ноября 1910 г.

<...> В окружном суде встретила Сопоцьку, ты, вероятно, знаешь, что его из Академии выгнали, он подавал прошение министру о обратном приеме, и ему отказали. Он женился уже два года, нашлась какая-то дура, пошла за него. В суде он по делу о клевете в газетах на него, он подал жалобу[40]. Граф-то Толстой отличился, ушел из дому совсем. Вероятно, ты уже знаешь это из газет, а потому подробностей писать не буду. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 79 об.–80).

Надежда Ивановна
17 января 1911 г.[41]

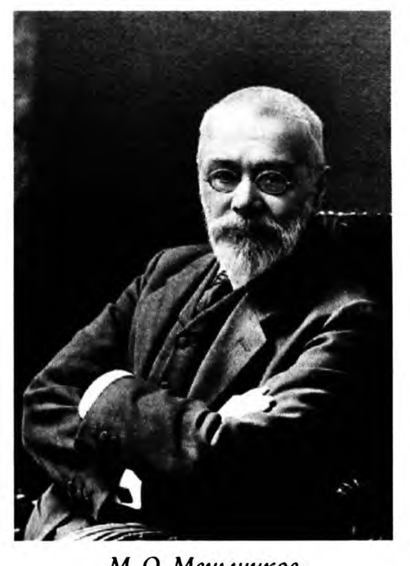
Посылаю тебе сюртук и деньги, которые ты оставил в моем кошельке. Надеюсь, что ты сознаешь, Иван Павлович, что не мы виноваты, а ты, говоря не думая. Ни я, никто из моих никогда не заведем ссоры. Я думаю, что это можно даже видеть, что мы не из таких. У меня *никогда* ни с кем не бывает неприятностей, только с тобой. Почему?

Надя (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 54).

---

[40] Сопоцько Михаил Аркадьевич (1869–1938), в молодые годы последователь Толстого, позже отошедший от него («раскаявшийся толстовец», о котором С. А. Толстая писала в 1893 году: «Пренеприятный был он человек, этот Сопоцько, и всегда». – *Толстая* С. А. Моя жизнь: В 2 т. – М.: Кучково поле, 2011. Т. II. С. 312). Активный сторонник православной церкви, «издатель вероучительных листков», черносотенный публицист. В 1910 году предъявил обвинение в клевете автору статьи в журнале «Русское богатство» (1910. № 11) А. Б. Петрищеву и редактору-издателю В. Г. Короленко. Суд состоялся в 1912 году, обвинения с журнала были сняты. Н. И. Ювачева упоминает об отчислении Сопоцько из Военно-медицинской академии, но впоследствии он завершил медицинское образование и стал врачом.

[41] Записка датирована Ювачевым: «17 янв.<аря> 1911 г. СПб. 9 ½ ч. утра».

М. О. Меньшиков

Иван Павлович[42]

Сколько лжи в каждом слове! И она и ее родные постоянно ссорятся и между собою и с другими. Сама она убежала из Терешек от семьи своей, потому что невмоготу было оставаться там среди родных. А в Убежище? Напротив, если еще живем вместе, то этому обязана она *исключительно* мне.

Ив. Юв.

21 дек.<абря> 1911 г. Спб. (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 54–54 об.).

Иван Павлович

17 января 1911 г. СПб.[43]

Ты спрашиваешь: *почему* у Тебя ни с кем не бывает *никогда* неприятностей, только со *мной*?

Что же я могу Тебе ответить? Что вы, женщины, загипнотизируете себя в какой мысли, – и ничем вас не разубедишь. На мой взгляд, у Тебя каждый день *неприятности* с людьми. Ты до того привыкла браниться, что не замечаешь ни своих криков, ни своей брани. У меня каждый день зуд – сказать Тебе во время крика и брани, чтобы Ты остановилась, да, думаю себе, «под горячую руку» не стоит говорить.

Ты осуждаешь сестру мою Анну за окрики на ребят. Но, право, Ты стала второй Анной. Ты на Даню целый день кричишь. Хорошо, что он привык к твоим окрикам и они его не трогают. Но худо и то, что он перестал слушаться… Но это другой вопрос.

Что же отвечать? Сказать Тебе в глаза неправду. Так и без меня Тебе много льстят в глаза.

[42] Карандашная приписка на том же листе. Датировка не вполне понятна.

[43] На конверте: «Над.<ежде> Ив.<ановне> Ювачевой» и карандашная помета: «Не послано»; дата красным карандашом: «17 янв. 1911 г. Спб.» (Ед. хр. 1. Ч. 9. Л. 1).

Что касается вчерашнего инцидента, то тут и разбираться нечего. В 9-ом часу очень естественно я мог спросить: «Как Маша еще не уехала?» Она всегда уезжала днем (в последнее время). Но вдруг Ты этому вопросу придала окраску какого-то оскорбительного вызова.

Мне, конечно, было это неприятно, что Ты «гувернанткой» по моим пятам привязываешься к каждому моему слову. Слава Богу, я настолько знаком с Машей, что мог бы переговорить с нею и без Твоего посредства. И раз мне предъявляют какое-то обвинение, то я говорю уже дальше в тоне вашего обвинения: «Не думайте, что ваш приезд доставляет мне удовольствие» (или что вроде этого). Дело в том, что Маша со мною не стесняется в выражениях, так почему же мне стесняться? И, право, у нас были подобные разговоры много раз. Но с Твоим вмешательством все приняло другой вид: обида! оскорбление!.. И пошла писать губерния... Сейчас же Ты завела свою волынку обличений меня, и тут уж ничего не остается, как взять в охапку кушак и шапку и бежать без оглядки из дому вон. Что я и сделал, несмотря на то, что я устал очень и с наслаждением помышлял об отдыхе.

Приметил и то: Ты всегда в присутствии своих родных накидываешься на меня ни с того, ни с чего. Каждый приезд Маши связан с Твоими нападениями. Прошлый ее приезд – Ты накричала на меня, что мои друзья – Сопоцько и Меньшиков[44]. Оставим их характеристику в стороне, но Ты отлично знаешь, что я Меньшикова не видел лет 5, столько же и Сопоцько. А если и видел, то случайно. Никаких у нас сношений нет. Но это Тебе [нрзб.] *с чужого голоса* [нрзб.] и объявить себя врагом Меньшикова и Сопоцько и меня – другом.

Да ведь я для вас, для ваших суждений слишком недоступен! Ведь Ты не дала себе труда познакомиться с моим духовным миром. Ты усвоила только одну точку зрения: найти во мне что-нибудь худое. С какой *радостью* Ты высказываешь мне, если где подслушаешь какую-нибудь занозу по моему адресу. И сама, конечно, первая разносишь по всему свету скверную аттестацию своего мужа. И какая Тебе прибыль? не понимаю.

---

[44] Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), товарищ Ювачева по Техническому училищу (см.: *Ювачев Ив.* Из воспоминаний старого моряка. С. 71–73), публицист, литературный критик, общественный деятель.

Все жены, обыкновенно, гордятся своими мужьями и стараются показать его в лучшем свете, а если слышат о нем что-нибудь худое, готовы вцепиться за него. У Тебя как раз обратное. Придут ли мои родные, – Ты только и говоришь о дурных сторонах своего мужа. Ты очень любишь ссылаться на свидетелей, чувствуешь, что Твоим словам нельзя верить. Ссылка на Е. А. Н.<арышкин>у только Тебя обличает. Ты услышала от нее *свои собственные слова*. Так ведь Ты старалась расславить всем и каждому, какой у Тебя дурной муж. Ей и передали Твои же собственные обличения. Но… кто копает яму, тот сам в нее упадет.

Слава жены – муж. Если она свою славу помрачает, то остается бесславною, конечно.

А вся худость мужа в том, что он дал волю, дал главенствовать жене. Это против природы и против закона Божия. И все в семье перевернулось вверх ногами. Вся вина моя – я не хочу никакой борьбы, никаких объяснений, т. е. ссор и пререканий. Я бегу. Для сего завел и отдельную комнату – куда бы мог бежать от Твоих нападок. И всегда это случается, когда я сижу за столом и ем…

К чему я все это говорю! Для Тебя нового в этом ничего нет, а только для Тебя повод прочесть что-нибудь между строками, как Ты это всегда ухищряешься делать, и снова накинуться на меня с рядом обвинений.

А я, право, иногда себя чувствую, как Христос, когда Он говорит иудеям: «За какую вину вы хотите побить меня камнями? Что я худого тебе сделал?»

Если Ты меня так сильно ненавидишь, то я согласен поменьше показываться Тебе на глаза. (Скоро и без того уезжаю в Вильно). Одно время Ты объявила (после поездки в Тверскую губ.<ернию>), что мы должны окончательно разойтись и что Ты не нуждаешься в моей помощи. Это так было сказано гордо и самодовольно, что я, помню, спросил Тебя: «Сошлась что ли Ты с кем?»… Но потом Ты сама поискала со мною сближения. А для сближения надо два условия: любить и уважать. Если нет ни любви, ни уважения, то, конечно, нечего и ждать мирной жизни…

Итак, вот еще одно Твое письмо, в котором Ты хочешь заявить [нрзб.], что вот Ты какая хорошая, а вот я какой худой.

Старая история!

Обидно, что за 7 лет Ты не постаралась ни разу заглянуть в мою душу. А ведь Твой же авторитет сказал: «Не может быть дурным че-

ловеком, кто написал Т.<айны> Ц.<арства> Н.<ебесного>[45]». Можно списать у другого, переписать уже известное, но в данном случае оказывается у него все оригинальное, свое собственное. Где же тот источник этого добра у него? А? Тебе за 7 лет ни к чему было... Ив. (Ед. хр. 1. Ч. 9. Л. 2–7 об.).

Н. А. Морозов

Надежда Ивановна

2 февраля 1911 г.

<...> Вчера пришла посылка из Грайворна[46], твой портрет, нельзя сказать, чтобы ты там был хорош, но для самоучки он очень хорошо сделан, рама зеленая плюшевая и вся расшитая, как уверяет Даня, «легкими бриллиантами». Вторая картина в бумажной раме – Мария Магдалина. Но какова ее сестра, она тоже присылает тебе картину, изображая ей твой внутренний мир. Картина – известная головка в облаках, которую целует амур. При картине записка, которую тебе посылаю. Несчастная, вероятно, помешана на любви, вроде Полины Карповны в Обрыве[47]. Пришлю тебе на этих днях и набросок, который художница прислала, я заказала для нее (sic!) конверт, который будет готов к субботе. Совершенно случайно узнала, что Н. А. Морозов в своих воспоминаниях о Караулове[48] писал о Шлиссельбурге и между про-

[45] *Ювачев И. П.* Тайны Царства Небесного. – СПб.: Тип. Александро-Невск. об-ва трезвости, 1910.

[46] Уездный город Грайворон Курской (ныне Белгородской) губернии.

[47] Упоминается одна из героинь романа И. А. Гончарова «Обрыв».

[48] Речь идет о написанном Н. А. Морозовым некрологе «Памяти В. А. Караулова (Из личных воспоминаний)» (Речь. 1910. 22 декабря). Н. И. Ювачева в чужом пересказе, но верно передает его содержание. Не называя имени, Морозов вспоминал о том, что первым его товарищем по ежедневным получасовым прогулкам был сумасшедший, страдавший галлюцинациями, так что эти прогулки превратились в тяжкое испытание: «Волосы начинали шевелиться на голове

чим пишет, что когда начальство разрешило вам гулять по два, то ему дали сначала сумасшедшего с какими-то (галюцинациями) не умею это слово писать, и он был в ужасе, так что на место удовольствия он испытывал ужас перед тем, как ему отправляться на эти прогулки, и пишет, что так продолжалось довольно долго, пока наконец начальство не поняло, как ему это тяжело, и вот наконец его соединили с Карауловым, и так дальше. По всему видно, что сумасшедшим он называет тебя, хотя сам куда более сумасшедший и по сие время. Написала в Царское, прошу поискать их эту статью в «Речи», они выписывали прошлый год «Речь», а я знаю, что Ната сохраняет газеты. Говорят, эта статья была в декабре. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 9–10 об.).

Иван Павлович

8 февраля 1911 г., Вильна

Дорогая Надя! Получил Твое письмо от 5 февр.<аля>. Но и оно меня не утешает: у Тебя продолжается кашель, притом «ужасный». О докторе не пишешь ни слова. <...> Вчера отправил статью о. Петру Алексеевичу[49]. Принимаюсь за воспоминания о Потанине[50]. Пав.<ел> Ив.<анович> кланяется. Кланяюсь всему Убежищу. Да хранит вас Бог мира и любви. Сердечно Твой ИЮв. (Ед. хр. 1. Ч. 9. Л. 8 об.)

при приближении следующей прогулки...» Известно, что первую пару Морозова на прогулках составлял Ювачев. Караулов Василий Андреевич (1854–19.12.1910) – народоволец, арестован в 1884 году, осужден на 4-хлетние каторжные работы, провел этот срок в Шлиссельбурге. В 1889 году по этапу отправлен на поселение в Сибирь, в 1906 году амнистирован и восстановлен в политических правах. В 1907 году был избран от Енисейской губернии в Государственную думу 3-го созыва, где представлял партию кадетов; председатель комиссии по старообрядческим вопросам, товарищ председателя комиссии по вероисповедным делам (3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. – СПб.: Изд. Н. Н. Ольшанского, 1910. С. 104).

[49] Миртов Петр Алексеевич (1871–1925), священник, редактор журнала «Отдых христианина».

[50] Потанин Гавриил Никитич (1823–1910), беллетрист, мемуарист, педагог, с которым Ювачев познакомился в 1902 году в Симбирске и состоял в переписке. Очерк о Потанине: Исторический вестник. 1911. Т. 124. № 5. С. 515–526.

Надежда Ивановна

10 февраля 1911 г.

<…> Мне лучше, хотя кашель сильный, Хетагурова не звала, попросила его подписать мне его же рецепт, он прислал мне сказать, чтобы я подумала о том, чтобы поехать куда-нибудь на юг полечиться. Это глупости. Я не очень-то доверчиво отношусь к этим лечениям, ездят богатые люди и умирают так же, как и мы. Будет спокойно мое сердце, и все хорошо, а не будет, так никакой и юг не поможет. Относительно курения, я ведь не махорку курю, как ты пишешь, и курю более половины своей жизни, так что теперь мне трудно, даже невозможно эту привычку оставить. <…> Своим курением я никому не мешаю, как трудно мне бывает при тебе, когда приходится уходить иногда на сквозняк курить, лишь бы тебе не сделать неприятное, но я это делаю и молчу, другая бы ни за что этого не делала, а потому лучше оставь твою вражду со мной относительно курения. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 14–15).

Иван Павлович

27 февраля 1911 г., Вильна

Дорогая Надя! Благодарю за поздравления. Именины мои прошли здесь более чем скромно. Я хотел говеть, да нахожу неудобным: времени нет.

Относительно приезда Мамы[51] в СПб. я понимаю Твое положение. На Твоем месте и я всеми силами старался бы оказать ей всяческое внимание. Но, с другой стороны, боялся бы исполнения и того, о чем народная мудрость говорит так: «Теща в дом, – все вверх дном». Что касается ее взгляда на меня, я отлично его знаю. Между прочим, она сказала мне, что ее муж (т. е. Твой отец) ни одной минуты не жил бы с женой *на моем месте*. То есть повторила то, что в это время я слышал в разных вариациях и от Натальи, и от Маши. Я был поражен: Сама мать дает понять, что надо мне разойтись с женою! Но это я все отнес тогда к тому, что Мать, как и все Вы, была под влиянием Натальи[52].

Не понимаю, зачем Колюбакиным так хочется нашего развода? <…> (Ед. хр. 1. Ч. 7. Л. 8–8 об.).

[51] Речь идет о приезде Варвары Сергеевны Колюбакиной.

[52] Примечание Ювачева: «Пусть все это останется между нами».

Надежда Ивановна

31 августа 1911 г.[53]

Все эти дни я ждала тебя, Иван Павлович, но ты, вероятно, совсем не хочешь видеть детей. Я знаю, что ты не желаешь ехать из-за меня, так как ты с трудом переносишь меня, но чем виноваты дети, или ты и к ним питаешь такие же чувства, как ко мне? 4-го мы все приедем в Петербург, я вижу, что далее оставаться нельзя, я не могу ездить, простужаюсь. Завтра, если мое горло совершенно пройдет, я приеду чтобы сделать распоряжение относительно нашего переезда. Дети тебя целуют. Н. Ювачева (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 100).

Надежда Ивановна

4 октября 1911 г.

<...> Еще тебе скажу одну вещь, ведь я опять в таком положении, об этом никто не знает, буду молчать, пока возможно. Ничего не могу есть, рвет меня ежедневно по несколько раз и, как нарочно, приходится так волноваться[54]. Ну что поделаешь, так видно угодно Богу, я все же верю, что Господь нас не оставит. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 123 об.).

Надежда Ивановна

22 октября 1911 г.

Дорогой мой Ваничка!

Поздравляю тебя с праздником, ведь Казанская Божия Матерь – это наш праздник, нас благословляли Ей, и у тебя образ тоже Каз.<анской> Б.<ожией> М.<атери>. Вчера и сегодня были в церкви. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 135).

Надежда Ивановна

10 декабря 1911 г.[55]

Дорогой Ванечка!

Посылаю тебе 5 руб. и кусочек пирога, может быть, идя на службу, ты немного закусишь.

Целуем тебя. Надя (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 148).

---

[53] Адресовано в Петербург: «Казачий плац, Глинская ул., д. 1. Убежище. Ивану Павловичу Ювачеву» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 100 об.).

[54] В этом же письме Надежда Ивановна говорит о служебных неприятностях, связанных с директором Убежища Е. С. Рахлиным.

[55] Записка датирована Ювачевым.

Надежда Ивановна
12 февраля 1912 г.[56]

<...> Охота тебе ходить обедать в Толстовский клуб[57], удобства нет, да и страшно за желудок. Лучше бы тебе где-нибудь найти домашний стол. Я очень боюсь, не готовят ли там на коковаре[58], это яд для тебя, а потому очень прошу тебя быть острожным в еде, помни всегда свою кишку. <...> Вчера была у Ел.<изаветы> Ал.<ексеевны> опять и просила напомнить о тебе Коковцеву[59] ввиду открывшейся вакансии, но она сказала, что сейчас неудобно опять говорить, надо ждать, и вот если не дадут, тогда она просила ей сказать. Застала ее очень взволнованной Распутиным, который в Царском и все более и более берет в руки..... (sic!). Умоляла меня просить тебя влиять на иерархов, чтобы они отлучили Распутина от церкви, как они это сделали с Толстым, тогда, она говорит, Г.... поймет, что он не от Бога пророк, а от сатаны, «хлыст»[60]. Пробовала она говорить с Митрополитом, но тот сейчас же прикрылся болезней. Она в полном отчаянии. Я на это ответила ей, что вряд ли возможно тебе вести эту пропаганду, что есть люди с более прочным положением и не решаются даже громко высказывать свое мнение, так куда же нам идти на неприятности. В среду Ел.<изавета> А.<лексеевна> будет у нас. Несколько дам из Комитета

---

[56] Адресовано в Москву.

[57] Имеется в виду Московское Вегетарианское Общество (МВО), которое было основано 28 февраля 1909 г. (просуществовало до 1929 г.). 9 октября 1909 г. была открыта центральная столовая МВО (Газетный пер., ныне ул. Огарева, 12), потом еще две столовые (Моховая, 26 и 3-й Смоленский пер., 1/5). При центральной столовой существовали книжный склад и библиотека; в Главном зале почти ежедневно проводились лекции, беседы, концерты. На протяжении двух десятилетий МВО было «неофициальным ядром толстовского движения» (см.: *Зубарева Д. И., Рогинский А. Б.* Примечания // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы / Сост. А. Б. Рогинский. – М.: Книга, 1989. С. 460–462). Благодарю Людмилу Викторовну Гладкову (Калюжную), заместителя директора Государственного музея Л. Н. Толстого по научной работе, за справку.

[58] Кокосовое масло.

[59] Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), министр финансов (1904–1914).

[60] В феврале 1912 года по указу Николая II было возобновлено дело о принадлежности Распутина к хлыстовской секте, в результате с него были сняты все обвинения. Письмо относится к тому времени, когда еще была надежда на другой исход дела.

выдумали поставить у нас ей бюст и привезли уже его, и в среду будет открытие. Я нахожу это более чем глупым, живому человеку ставить памятник, мне это ужасно неприятно. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 158 об.–159 об., 161–161 об.)[61].

Надежда Ивановна

17 февраля 1912 г.

<…> Поставили какую-то фигуру, ничего общего с Нарышкиной, пригласили ее, съехались дамы, между дамами От. Миртов, который, конечно, сразу сказал, что это не Ел.<изавета> Ал.<ексеевна>, а Вольтер, этим все и кончилось. Только от дела оторвали. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 163).

Надежда Ивановна

25 февраля 1912 г.

Дорогой мой Ваничка! Твои именины вчера у нас кончились ужасным несчастием. Одну из девочек втянуло в новую гладильную машину, где она стояла, пропускала белье, втянуло под валы всю руку, почти до локтя, пришлось сломать машину, чтобы высвободить ее. Руку, конечно, сейчас же в больнице отняли. Можешь, конечно, представить мой ужас и что я испытала. Сегодня должна была ехать к Ел.<изавете> Ал.<ексеевне> доложить ей о случившемся, оттуда еле-еле доехала, пришлось звонить доктору и акушерке, чтобы они были наготове. Вся время у меня легкие схватки и все в нутре трясется, и ребенок бьется. Сейчас лежу, доктор велел лечь, дал брому и думаю, что, может быть, обойдется все благополучно. Во всяком случае, ты не беспокойся, если что-нибудь, то тебе велю дать телеграмму. Ты спрашиваешь, который месяц, я так думаю, что 7-й[62]. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 153–153 об.).

---

[61] Нумерация листов в письме перепутана.

[62] 13 мая 1912 года родилась Наташа (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 244). (см. телеграмму от 13 мая: «Двенадцать десять утра дочь Наталия все благополучно все здоровы». – Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 244). Наташа умерла в раннем возрасте, судя по всему, после января 1917 года (см. письмо Надежды Ивановны от 31 января 1917 года. – Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 4).

Надежда Ивановна

4 апреля 1912 г.[63]

Делаешь себя посмешищем своими капризами. Все твои выходки показывают, что ты любишь только одного себя, у тебя и к детям-то нет любви. Помни одно, что этим ничего не достигнешь, а только в конце концов и дети начнут понимать, и их от себя оттолкнешь. Не лучше ли быть проще и меньше восхвалять какие свои доблести и чуть ли не требовать себе преклонения, как Богу. Мы должны работать, чтобы кормить семью, и этим хвалиться нечего.

Надя (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 195).

Надежда Ивановна

21 сентября 1912 г.

Дорогой мой Ваночек! Была сегодня у Елиз.<аветы> Алек.<сеевны>, упросила, умолила ее скорее хлопотать о тебе, она дала мне слово. Сейчас нет Коковцева, но она сказала, что это все равно, она сумеет все сделать и чтобы я не беспокоилась: «Я это дело Вам сделаю». Потом она стала говорить о Распутине, который теперь здесь. Стала спрашивать, как ты к нему относишься, за кого его считаешь. «Я, – говорит, – его ненавижу, лучше уйду от всяких дел, нежели признаю его за святого». Просит все узнавать о нем и ей говорить, чтобы быть в курсе дела и преодвратить (sic!) его натиск, если таковой последует в сферах. Я, конечно, сказала, что ты не состоишь в его почитателях и стараешься как возможно менее о нем высказываться. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 264–264 об.).

Надежда Ивановна

27 сентября 1912 г.

<...> Коля[64] живет еще у нас, делаю это для того, чтобы облегчить брата, а то ему форму делают, да еще за квартиру и за стол платить уже трудно. Авось, когда мои милые детки вырастут и если нас не будет, то, может быть, найдется добрая душа и моих ребят пригреет. Часто я задумываюсь об этом, и как моя душа болит при мысли о них. Господи, сохрани их и помилуй! <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 269).

---

[63] Карандашная записка на листке, исписанном вкруговую; датирована Ювачевым: «4 апр.<еля> 1912 г. 8 ч. вечера. Спб.».

[64] Племянник Надежды Ивановны.

Надежда Ивановна
8 декабря 1912[65]

Посылаю тебе деньги, 30 руб., отдай их, у кого ты брал или возьми их для своих расходов, а мне их не нужно. Посылаю тебе молоко и еды. Где ты обедал? Хотя я, на твой взгляд, прачка[66], и такая и сякая, но все же эта прачка никому зла не желает и прозвищ никому не дает. Меня сегодня целый день не было дома, и ты мог бы прийти к детям. Тебе, вероятно, нужно что-нибудь из твоих вещей, скажи Нюше или приди сам за ними, меня не увидишь, я уйду из квартиры, пока ты в ней.

Любить друг друга и жить в мире, как видно, нам не суждено, а потому лучше не видеться. При детях, которые теперь все понимают, немыслимы такие сцены, что и заставляет меня при первом твоем грубом возгласе просить тебя уйти скорее. Поверь мне, что ты так ужасен в твоем исступлении, что, если дети увидят тебя таким, они потеряют любовь к тебе и будут тебя бояться только, а чтобы этого не было, нам лучше и не встречаться. К детям, я считаю, что ты должен ходить, если ты их любишь, а может быть, и они тебе так же ненавистны, как я, ну тогда делай, как знаешь. От себя я тебя освобождаю и не желаю даже и видеть тебя, так как в конце концов я чувствую, что мои нервы не выдержат, я и без того совсем разбита. Верю и тебе, что ты болен, но только не от меня, а от себя. Ты только и ищешь поклонения себе, ты упоен собою, но другие-то тобой не восторгаются – в этом все твое несчастие, и тут уже не моя вина. Поживи без меня, может быть, будешь счастливее, чему буду очень рада. Завтра приди к детям, они спрашивали о тебе, меня же не будет.

Н. Ювачева.

8-го декабря 1912 г.

---

65 Письмо без обращения.

66 Главным занятием женщин в Убежище была стирка, поэтому на его территории находились прачечная и гладильная (см.: «В убежище представляется полное содержание и работа, с платой от 2 до 5 руб. в месяц по стирке белья женщинам, выходящим из Санкт-Петербургских мест заключения, в продолжение шести месяцев, после чего им приискиваются места или работа. Кроме того в убежище девочки от 12 лет принимаются в обучение чулочному ремеслу в продолжение 4-х лет» (см.: Благотворительность и милосердие: Рубеж XIX–XX веков: Историко-документальное издание / Сост. В. Н. Занозина, Е. А. Адаменко. – СПб.: Лики России, 2000. С. 147).

Обедать можешь приходить сюда, я в 4 ч. всегда в конторе, да наконец, зная, что ты наверху, я могу не ходить (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 193 об.–194 об.)

Надежда Ивановна

20 мая 1914

<...> В Петербурге и во всех окрестностях этот год тучи коромыслов[67], я сама видела около Горской, как они летели, все думали аэроплан, а оказалось целый рой коромыслов. Все говорят, что это к войне. <...>

Ради Бога, Ванюшка, не экономь в деньгах в ущерб своему здоровью, меня тревожит мысль, что ты благодаря нашей поездке в Москву будешь теперь себе во всем отказывать, а это ужасно меня беспокоит. Помни, дорогой мой, что хоть ты меня и ругаешь и говоришь, что ты 12-ый год несешь каторгу со мною, но я все же люблю тебя, и так иногда тяжко на сердце, что ты не с нами, и боюсь за тебя ужасно. Путаная ворона и куста боится. Да хранит тебя Господь и Матерь Божия. Все мы тебя крепко целуем. Почему пишешь все такие короткие письма и о себе ничего. Обнимаю и крепко целую.

Любящая тебя твоя Надя (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 12–12 об.).

Надежда Ивановна

2 июля 1914 г.

<...> Получила вчера от Ел.<изаветы> Ал.<ексеевны> письмо, она дает мне кой-какие поручения и просит скорее к ней приехать. Придется ехать к ней около 15-го июля. Лид.<ия> Алек.<сеевна>[68] только 9-го возвращается, пока она не приедет, я не могу ехать. Может быть, и ты к 15-му освободишься и приедешь за мной в Елизаветино, т. е. с. (sic!) вернее, в Волосово[69]. Боюсь ужасно, что она меня долго продержит, а я совсем не хочу. Я все надеялась отвертеться от этой поездки, но, по-моему, не вышло. А с Распутиным-то история! Но он, кажется, в огне не горит и в воде не тонет. Мы все надеялись, что он

[67] Коромысло – крупная стрекоза.

[68] Лидия Алексеевна Смирнитская помогала Надежде Ивановне вести домашнее хозяйство.

[69] Волосово – имение Куракиных в Зубцовском уезде Тверской губернии. Е. А. Нарышкина была последней его владелицей.

помрет, а сегодня грустное для всей России известие, что он поправляется и скоро появится в Петерб.<урге>[70]. Я начинаю думать, что это какой-нибудь опять обман, нарочно все это подделали, чтобы еще больше его возвысить. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 22–22 об.).

Иван Павлович

17 июля 1914 г., Сычевка Смоленской губ.

Дорогая Надя! Последний № «Нов.<ого> вр.<емени>» получил от 12 июля. Жду следующих. Здесь нельзя купить газеты, а хочется знать, что делается на свете. Постараюсь приехать пораньше. Как у Тебя дела с углем? с машинистом? Иван Алексеевич[71], вероятно, тоже уйдет. Вероятно, Ты остаешься в СПб-е и не поедешь к Е.<лизавете>А.<лексеевне> Н.<арышкиной>. Да хранит вас Бог мира и любви. Твой Ив. Пиши в Сычевку (Ед. хр. 1. Ч. 7. Л. 11 об.).

Надежда Ивановна

6 февраля 1917 г.

Дорогой мой Ваничка, сердце мое никогда меня не обманывает, все время, не переставая, оно болит у меня, и именно о тебе, и твое сегодняшнее письмо оправдало мое беспокойство. Надо было отложить поездку, не все ли равно было, лучше дома два дня перегодить, чем теперь сидеть без всякой помощи в номере. Не приехать ли мне к тебе, дорогой мой. Скажи мне правду, я сумею и билет достать, и хорошо доехать, если это нужно. Завтра высылаю тебе по почте порошки от кашля, принимай их по три раза в день, и по настоянию Дани – конфеты от кашля. Обязательно поставь горчишники на грудь и под лопатки. Ради Бога, до полного [возвраще] прекращения температуры ненормальной не выходи на *волю*, этим только затянешь бронхит. Я тебя прошу, пишу тебе, но не имею веры, что ты послушаешь меня и исполнишь мою просьбу, ты всегда споришься (sic!) во время болезни и воображаешь, что ты что-то понимаешь, а ты ничего не понимаешь, а потому слушайся меня. Скажешь, что ворчу, но это ворчит мое беспокойство о тебе, если бы ты знал, как ты меня волнуешь, так из чувства сострадания ко мне берег

[70] 29 июня 1914 года произошло покушение на Распутина, он был ранен ножом в живот, но остался жив.

[71] Елсаков Иван Алексеевич работал в Убежище для женщин, упоминается в целом ряде писем.

бы себя и делал бы то, что нужно. Была у Е.<лизаветы> А.<лексеевны> сегодня, нового ничего не привезла, она сидит здесь и не очень хочет ехать туда. Вчера были у нас блины, вспоминали тебя, дети даже предлагали послать тебе блинов по почте. Белой муки совершенно нет, приходится со всеми делиться моими запасами, боюсь, чтобы потом самой не сесть без муки. Если Господь даст, будешь здоров и найдется мука, сколько возможно, купи. Послала тебе «Голос Руси» с статьей Меньшикова, но сама ее не успела прочесть, вообще это время мало читаю газеты, некогда, все разные дела по Убежищу.

Будь же здоров, мой родной Ваничка, береги себя ради детей. Да хранит тебя Господь и Матерь Божия. Целуем тебя все крепко. Жду ежедневных известий о тебе.

Твоя Надя (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 10–11 об.).

Надежда Ивановна

13 февраля 1917 г.

Дорогой мой Ваничка, мы сидим в ожидании чего-то, чего – никто не знает, но все боятся, все чего-то ждут, ну и мы ждем. Я лично не боюсь и почти уверена, что все обойдется, а если что и будет, то какая-нибудь небольшая демонстрация хулиганов, так как вряд ли из сознательных людей кто-либо пойдет на такие выступления. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 27).

Надежда Ивановна

25 июня 1917 г.

<...> У нас опять беспокойство, Кронштадт снова волнуется из-за ареста на даче Дурново матросов[72], и сегодня [нрзб.] в Петрограде нашествие их на пересыльную тюрьму, что, конечно, грозит и нам как соседям[73]. Матросы все эти дни шныряют около нас, по ночам, говорят, приезжает таинственный автомобиль, и чего они творят на берегу, боюсь, не устраивают ли они взрывы. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 33).

---

[72] На бывшей даче Дурново размещался штаб анархистов. 19 июня в ходе выселения их войсками Временного правительства произошло вооруженное столкновение, один человек был убит, более 60 матросов, солдат и рабочих арестованы.

[73] Пересыльная тюрьма с 1894 года размещалась на Казачьем плацу, на берегу реки Монастырки, неподалеку от Убежища.

Надежда Ивановна

4 июля 1917 г.

Дорогой мой Ваничка, вчера только успела приехать с дачи, как началась революция, которая и сейчас продолжается. Говорят, что-то ужасное творится в городе, масса убитых и раненых. На дачу попасть не могу, все движение остановлено, жел.<езная> дор.<ога> хотя еще ходит, Ив.<ан> Алек.<сеевич> сегодня пошел пешком, пробирается к Приморскому вокзалу, не знаю, дошел ли, очень опасно. Конечно, очень беспокоюсь за детей, телефон не работает, если завтра будет потише, пойду и я до вокзала пешком с передышками. <...> Стрельба идет по всему Невскому, чуть не убили моих развощиц. Теперь больше не посылаем, пока не затихнет. Весь Кронштадт здесь, бросают бомбы, ездят на грузовых автомобилях с пулеметами. «Новое время» и «Веч.<ернее> время» захватили большевики и «Речь» тоже, вечером сегодня ни одна газета не вышла. Пишу тебе впотьмах, боюсь зажигать огонь, уже 11 ч. вечера, стрельба понемногу начинает утихать. Завтра еще больших беспорядков ждут. Как я рада, что тебя нет здесь, а то бы ты ходил на службу и я сходила бы с ума, вообще хорошо, что ты не слышишь и не видишь, твоим нервам это было бы ужасно. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 36, 37 об., 38 об.).

Надежда Ивановна

15 июля 1917 г.

<...> Все неурядицы нашего продовольственного дела в Петрограде и вообще по всей России я приписываю не тому, что в России нет хлеба и всего необходимого, а просто тому, что ставят людей неумелых или людей на службе у Вильгельма, которому выгодно такое положение в России, да притом голодных людей легче направить на такие позорные дела, которые совершаются сейчас на фронте и которые были у нас 3–5 июля. Россия кормила всю Европу, а теперь не может себя прокормить. Какая чепуха! Повсюду слышишь, что все есть и из-под полы все достают, но сами Громаны[74] ставят палки в колеса, чтобы создать мнимый голод. Обидно и горько за бедную Россию, треплют ее все, кому только не лень. Я умираю от злости и обиды, но все мы бессильны. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 47–47 об.).

---

[74] Громан Владимир Густавович (1874–1940), председатель Центральной продовольственной управы во Временном правительстве.

Отец и сын

Из переписки с Н. И. Ювачевой

Переписка супругов Ювачевых, главным образом письма Надежды Ивановны, дают представление о жизни Даниила Ювачева почти от рождения – 17 декабря 1905 года – до 15 июля 1917 года (дата последнего из имеющихся в ГАТО писем). История литературы вряд ли знает примеры подобной документированности ранних лет жизни писателя, малейшие подробности его роста и развития. Среди писем матери находятся и первые автографы Даниила Ювачева – несколько его писем к отцу[1].

Известно, что отец *«оказал важное влияние на духовное формирование Хармса»*[2]. В. Н. Петров в своих мемуарах писал, что у отца и сына было *«какое-то сходство в стиле мышления»*[3], и материалы тверского архива безусловно подтверждают это, позволяя понять, как велико было сходство их умственных интересов и занятий. Примечателен сделанный Хармсом в 1933 году перечень того, что его интересует, значительная часть перечисленного не просто интересовала, но занимала существенное место в жизни его отца: *«Числа. Знаки. Буквы. Шрифты и почерка. <...> Приметы. Индивидуальные суеверия. <...> Сон. Записные книжки. <...> Ежедневная запись событий. <...> Метеорология. <...> Фазы луны. Запись погоды. Запись событий. Кабалла. Пифагор»*[4]. Иван Павлович Ювачев, любивший математику, физику и астрономию, профессионально занимавший-

---

[1] Некоторые материалы вошли в публ.: *Строганова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса (архивные материалы) // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 67–80.

[2] *Кобринский А., Устинов А.* Комментарии [к публ.: «Дневниковые записи Даниила Хармса»] // Минувшее. Исторический альманах. 11. – М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. С. 510.

[3] Цит. по: *Кобринский А., Устинов А.* Комментарии. С. 510.

[4] *Хармс Даниил.* «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние». Записные книжки. Письма. Дневники / Публ. Вл. Глоцера. // Новый мир. 1992. № 2. С. 193–195.

ся метеорологией[5], был склонен и к «трансцендентальным наукам»[6]: он стремился обнаруживать провиденциальный смысл явлений, искал сакральное значение чисел и слов, выработал ряд индивидуальных суеверий и имел обыкновение связывать события земные с фазами луны[7].

Частые отлучки Ивана Павловича не препятствовали, а, скорее, способствовали тому, что в доме создавался культ отца, с приездом которого связывались определенные ожидания и надежды, например, покачаться вместе на трапеции или узнать подробно о кислороде и других газах. Из писем матери выясняется, что малыш Даня, подражая отцу, повторяет его молитвенную позу и заставляет окружающих делать то же самое; что он почему-то воображает, будто его «Папа» учит гимнастике; что отцовский портрет он вешает над своей кроваткой, подолгу носится с письмами отца и хочет подарить ему на день рождения «пуд бриллиантов».

С рождением дочери Лизы определяются родительские предпочтения: говоря о сыне, Надежда Ивановна употребляет местоимение «наш», о дочери порой пишет мужу «твоя»: «твоя дочка», «твоя Лилька». Главной заботой, центром жизни матери, видимо, всегда оставался сын. Письма же Ивана Павловича не дают оснований говорить, что к кому-то из детей было больше расположено его сердце. Однако документальные материалы позволяют заключить, что воспитание сына, а впоследствии его образ мыслей, жизнь и занятия постоянно заботили отца.

Материалы ГАТО показывают, как велика была роль отца в жизни сына, и представляют «фантазии юного Данилы Ювачева»[8], сохраненные письмами его матери.

---

[5] Отбывая ссылку на Сахалине, Ювачев неофициально заведовал метеорологической станцией в селении Рыковском (см.: *Ювачев И. П.* Обзор погоды 1894 года в селении Рыковском на о. Сахалине. – О. Сахалин, 1895; *Ювачев И. П.* Свод метеорологических наблюдений в селении Рыковском на о. Сахалине. – Хабаровск, 1896). В 1899 году за работы по метеорологии он был утвержден корреспондентом Николаевской главной физической обсерватории.

[6] См., напр.: Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 12 (письмо от 25 мая 1905 года).

[7] Такие записи постоянны в его дневниках. Например, в дневнике 1890–1892 годов сохранился отпечатанный по приказанию начальника о. Сахалин официальный «Бюллетень о состоянии здоровья Государя Императора», в котором сообщается: «Государь Император Александр III, в 2 часа 15 минут пополудни, 20 Октября, в Бозе почил». После этого Ювачев делает приписку: «т. е. 3 дня 18 часа после новолуния, или 3 ¾ суток» (Ед. хр. 4а. Дн. 2. Л. 132а). Даты записей в дневниках и некоторых письмах сопровождаются астрономическими символами.

[8] См.: «К сожалению, фантазии юного Данилы Ювачева до нас не дошли ни в письменной форме, ни в пересказе» (*Александров А. А.* О первых литературных опытах Даниила Хармса // Русская литература. 1992. № 3. С. 155).

Надежда Ивановна

11 сентября 1906 г.

<…> Данилушка наш прекрасно выговаривает теперь «папа» и все время смотрит на твой портрет. Зуба все еще нет. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 7. Л. 159).

29 января 1907 г.

<…> Данилушка очень беспокойно заснул, еле его уложили, верно, чувствует его сердечко, что Папа уехал. <…> Даня, когда его спрашивают, где папа, машет ручонкой: гулять ушел. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 3, 4 об.).

30 января 1907 г.

<…> Данилушка все целует твой портрет и всем другим дает. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 7 об.).

4 февраля 1907 г.

<…> Данилка положительно не дает мне ничего делать, все время просится ко мне, и если не беру, то ревет, а мне, правду сказать, теперь немного и тяжело его носить. Он теперь всю свою любовь на меня одну перевел, хотя твои портреты не может равнодушно видеть, все целует. Научился он креститься и все крестится и кланяется! <…> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 14 об.).

11 июня 1907 г.

<…> Как ни хорошо в Царском, а правду тебе скажу, я не чувствую здесь себя дома, есть какая-то натянутость в отношениях Наты, что меня бесконечно стесняет, и не будь тут Данюши, конечно, я бы с большим спокойствием жила бы дома[9] <…>. Ты спрашиваешь, помнит ли Данюк своего Папу?[10] Да еще как, каждый день требует с моего столика твой портрет, всем его показывает, целует и говорит ПАПА, ПАПА. Я думаю, он тебя бы сейчас же узнал, если бы ты пришел. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 115 об.–116).

22 июня 1907 г.

<…> Данилка все время бегал с горки, и так смешно на него смотреть, когда он бежит, удержаться не может под гору, голову как-то

---

[9] Подчеркнута часть предложения начиная со слова «правду».

[10] В письме от 7 июня 1907 года Иван Павлович спрашивал: «А помнит ли Данюк своего „Папу“?» (Ед. хр. 1. Ч. 6. Л. 137 об.).

опускает. Ужасно любит смотреть у Наши в шкафу книги, и, когда она ему говорит, что вот это сочинение Пушкина, он начинает стрелять во всех. <...> Мне так жаль, что он не вышел на карточке[11], мне хотелось тебе его послать, чтобы ты видел, какой он стал. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 128, 130–130 об.).

Иван Павлович

26 июня 1907 г., Васильсурск[12]

<...> Очень радует меня и Данюк наш. Относительно твоих соображений относительно поездки с Даней по Волге я, кажется, уже высказывал. Ребенок еще настолько мал, что от поездки у него ничего не останется для будущего. Для него гораздо лучше, если он находится в одной и той же обстановке и ведет растительную жизнь. Сейчас поменьше внешних впечатлений, чтобы он хорошо усвоил те, которые для нас так обыденны в обыкновенной обстановке. Вот когда ему будет более 4 лет, – тогда другое дело! Но и то я против дальних поездок. <...> (Ед. хр. 1. Ч. 6. Л. 59–59 об.).

Надежда Ивановна

27 ноября 1907 г.

Даня все время мешает писать, непременно дай ему писать чернилами, как Папа. Ната привезла ему кегли, а Лидия Алексеевна часы с кукушкой, которые оне продают, так Даньку не отогнать от часов, все ждет, как дверца откроется и выскочит кукушка. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 208–208 об.).

Надежда Ивановна

30 ноября 1907 г.

Дорогой мой Ваничка! Собралась тебе написать вчера длинное письмо, а и короткого не написала. Даня вчера совсем расхворался, поднялась температура, я послала за Фаресовой[13], ее не оказалось, уехала к кому-то за город на два дня, я подождала до вечера, думала, может быть, ничего, но к вечеру жар усилился, пришлось по телефону

---

[11] Между Л. 129 об. и 130 неудавшаяся фотография Дани.

[12] Васильсурск (также: Васильгород, Василь) – город в Нижегородской губернии.

[13] Фаресова Александра Адамовна (род. 1855), врач, автор «Очерков земской медицины в Псковской губернии. (Из записок женщины-врача)» (Дело. 1887. № 3. С. 61–76, паг. 2-я).

вызывать Абрамовича, который сейчас же приехал. Нашел, что у него сильная инфлуенция, велел его выдержать в кровати и дал ему лекарство. К утру ему стало лучше, я всю ночь давала ему микстуру, но все-таки еще немного повышена температура. Очень трудно его удержать на руках, все время просится на пол, все говорит «топ, топ». <...> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 210–210 об.).

13 декабря 1907 г.

<...> Сегодня получили 3 твоих письма, от 10 и 11 и открытку для Дани. Данюк в восторге, все время носит это письмо и всем читает, но никто ничего не понимает. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 184).

14 декабря 1907 г.

<...> Была у Нарышкиной, а от нее поехала в гостиный двор купить Дане к именинам игрушку, он теперь все время играет в лошадей, так я ему купила сани с лошадью, которая впрягается и выпрягается. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 180).

Иван Павлович

17 декабря 1907 г., Владимир Волынский[14]

Милый Даня!
Твой Папа скоро вернется домой.
Да хранит вас Бог мира и любви.
Сердечно целую
Ив. Ювачев (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 181 об.).

Надежда Ивановна

16 июня 1910 г.

<...> Даня всем рассказывает, что у него Папа студент и учит гимнастике, откуда он это взял, неизвестно, вообще врет много. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 49).

25 июня 1910 г.[15]

<...> Даня и Лиза тебя целуют. Даня все время изображает из себя кондуктора, ходит с сумкой через плечо и всем дает билеты. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 54).

---

[14] Цветная открытка с изображением голубя, несущего в клюве письмо.
[15] Дата проставлена Ювачевым на последней странице письма.

25 июня 1910 г.[16]

<…> Хотели Даню на море купать, но оказалось, что нельзя, ему-то очень хотелось бы, но он так бледнеет и потом у него на весь день нервы расстроены, что решили купать его дома, для чего я выношу ванну в сад на солнце и там его купаю в морской воде. Лиза цветет, с каждым днем она лучше и лучше делается. Ей ты должен быть доволен. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 55).

30 июня 1910 г.

<…> У Дани сейчас распухла щека, в пятницу еду с ним, если только опадет опухоль, к зубному врачу запломбировать зуб. Здесь, вероятно, такая вода, всех крепит. Двигается Даня столько, что, вероятно, благодаря этому он и худеет, вообще, Иван Павлович, я не враг своему ребенку, ими только и живу, и все у меня для них, а уже все это от Бога, вот Лиза здорова, так и у меня здорова, и потому все твои слова напрасны, посмотрела бы я, что стало бы с Даней в твоих руках. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 56).

19 сентября 1910 г.

<…> С твоей легкой руки теперь ежедневно Данька заводит граммофон[17], надоел так, что я прямо бегу в контору, но Лиза в восторге и так и пляшет. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 64 об.–65).

20 сентября 1910 г.

<…> Даня с восторгом вспоминает, как ты его водил в кинематограф, всем об этом рассказывает. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 66).

22 сентября 1910 г.

<…> Сегодня получила твое письмо с картинкой, которой Даня остался очень доволен и повесил ее перед своей кроваткой. <…>

Собачонка наша развернулась, целыми днями носится с Даней, за день просто оглушат, лай, крик Дани, я уже спасаюсь в контору от них, но Данька и туда является за мной. Он вообще удивительные фокусы выстраивает, на этих днях отправился в гладилку, где девушки

---

[16] Письмо-«заклеюшка» датировано Н. И. Ювачевой.

[17] Тема граммофона возникает еще в ряде писем: «Граммофон спрятала, а то буквально Данилка заглушил меня. Покупать пластинки мне жаль денег, не стоит, для детей пока и эти хороши» (23 сентября 1910. – Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 70).

пели, и говорит им: «А я лучше вас умею петь и громче» да как начал орать, «ах, дербень-дербень Калуга»[18], Машенька[19], которая была с ним в это время, говорит, что она даже покраснела, ей стыдно стало. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 68 об., 69 об.).

28 сентября 1910 г.

<...> Данилка здоров и целыми днями носится или по двору, или по комнатам с собакой, которая так развернулась, если нет Дани, так она ищет и лает <...>.

Даня тебя велел целовать и сказать тебе, что у него есть письменный стол лучше, чем у тебя. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 56, 57 об.).

10 октября 1910 г.

<...> Сейчас Данюша уже спит, но часто просыпается из-за кашля. Сегодня все тебя вспоминал и уверял, что у него начинает так же, как у Папы, борода расти[20]. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 1).

18 октября 1910 г.

<...> Данюк поправился, шалит и бегает целый день. Ужасно занят книгами, теперь это его более всего занимает, но я не позволяю ему много читать, а то по ночам во сне все болтает, если ему много читать. Наизусть катает целые рассказы. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 19 об.).

19 октября 1910 г.

<...> Данилка тебя целует и велел тебе сказать, что он такой сильный, может всех в порошок раздавить. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 15 об.).

---

[18] Русская народная свадебная песня с припевом: «Ах, дербень-дербень Калуга, Дербень Ладога моя, Кто на Ладоге бывал Да кто про Ладогу слыхал». Слово «дербень» означает *дерюга, мешковина* (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык. Т. I. С. 427; *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс. Т. I. С. 500).

[19] М. И. Колюбакина.

[20] Ср. с анекдотом Хармса о Пушкине: «Как известно, у Пушкина никогда не росла борода» (*Хармс Даниил.* Полет в небеса / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. А. А. Александрова. – Л.: Сов писатель, 1991. С. 392).

22 октября 1910 г.

<…> Сегодня был молебен, Данила все время стоял молился и когда клал земной поклон, то руки на полу складывал так, как делаешь это ты, и следил, чтобы и все так делали. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 14 об.).

1 ноября 1910 г.

<…> Детвора наша здорова. Данилка страшно увлекается опять книгами и даже просил меня ничего ему на именины не дарить, кроме книг. Я ему опять купила Задуш.<евное> Слово за 1910 г., и он не расстается с ним. <…> (Ед. хр . 2. Ч. 5. Л. 80).

4 ноября 1910 г.

<…> Данюша ужасно сначала был удручен, когда узнал, что ты болен, и все просил, чтобы я его взяла с собой к тебе[21]. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 87).

30 января 1911 г.

<…> Лиза теперь искать тебя перестала, но когда спросишь, где папа, она показывает на улицу и машет ручкой. Данила изучает географию, все время заставляет Маню отыскивать на карте Вильно и потом всем рассказывает, где его Папа и как он туда ехал. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 6 об.).

3 февраля 1911 г.

<…> Твой новый портрет Даня просил повесить перед его письменным столом, где теперь он и висит[22]. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 11).

20 февраля 1911 г.

<…> Данилка гуляет целыми днями, сегодня два раза ходил до твоей квартиры пешком, утром я ходила с ним, а после обеда дети пошли в кинематограф, и его я с ними пустила, на этот раз программа была там хорошая, все детские картины показывали, он пришел в таком восторге, глазки горят, радостно смотреть на него было. <…>

Все время Даня заводит граммофон, очень ему нравятся новые пластинки. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 25–25 об., 26 об.).

---

[21] В Люблине Иван Павлович заболел тифом и попал в больницу, Надежда Ивановна собиралась ехать к нему.

[22] В письме от 19 сентября 1911 года Надежда Ивановна упоминает о своем портрете: «Ты угадал, Даня немедленно повесил портрет над своей кроватей и был очень доволен, что папа с мамой друг против друга висят» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 107).

22 февраля 1911 г.

<…> Сейчас Даня схватил у меня с окна духи Иллюзион «Роза»[23], пролил их и, что нехорошо, в глаза ему попало, конечно, стало их кусать, кричал он очень, я сначала напугалась, но когда увидела, что все благополучно кончилось, отшлепала его и посадила на стул, теперь сидит и хнычет. В другой раз авось не будет блудить. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 28 об.–29).

26 февраля 1911 г.

<…> Сегодня Данька лазал по креслам, упал и ушиб голову, напугал меня ужасно, боюсь, как бы что не случилось. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 34).

Иван Павлович
март 1911 г.

Милый ДАНЯ.

Получил Твое большое письмо и в ответ на Твое пишу Тебе маленькое.

Узнал я, что Ты облил себе лицо духами, отчего у Тебя была сильная боль в глазах и Ты много плакал.

Потом я узнал, что Ты вертелся на стуле, упал на пол и сильно ушиб голову.

Еще я узнал, что Ты простудился, заболел и слег в постель.

Все это очень огорчает меня, и я не придумаю, как бы так сделать, чтобы Ты никогда не шалил и не болел.

Посылаю Тебе и Лизе десять разноцветных яичек. Если есть у Тебя лоточек, то хорошо их катать с лотка.

В пятницу, 11 марта, Ты должен получить посылку. Маме посылаю пряников, а Тебе небольшую, но толстенькую книжечку. Читай ее на здоровье каждый день, но понемножечку. Сразу всю не прочитывай. Если понравится Тебе эта книга, то пришлю и вторую часть. Только будь здоров и не шали.

Поцелуй за меня Твою сестрицу Лизу и пожелай ей доброго здоровья. Каждый день, и утром и вечером, когда молишься, проси у Бога здоровья и ей и себе.

Кланяйся Насте, двум Маням (Богдановой и Сорокиной), Дуне и всем, кто у нас сейчас гостит.

---

[23] Духи известной в конце XIX – начале XX века немецкой парфюмерной фирмы Георга Дралле «Illusion» с цветочным запахом (ландыш, сирень, фиалка, роза и др.).

Недели через три, Бог даст, и я приеду домой. Я очень соскучился, не видя вас всех так долго.

Хотел Тебе написать немного, но пишу Тебе уж слишком много. Писать уже больше не могу.

Поцелуй Маму и Лизу.

Да хранит вас Бог мира и любви!

Крепко Тебя обнимаю и много раз целую.

Твой Папа (Ед. хр. 1. Ч. 5. Л. 153–154 об.)

Надежда Ивановна

12 мая 1911 г.

<...> Данька мечтает лазить с тобой на трапецию. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 59 об.).

29 мая 1911 г.

<...> Данила очень мил с Линой[24]. Всячески уговариваю мисс Лину прожить лето у нас. Ведь она хотела бежать из-за того, чтобы не быть бонной, я сказала ей, что я ничего от нее не требую, кроме того, чтобы она научила Даню говорить по-английски. <...> Данилка сейчас около меня, велит тебе написать, чтобы ты скорее ехал домой говорить с ним по-английски и посмотреть его Лину. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 67 об.–68).

4 июня 1911 г.

<...> Данила с своей мисс много занимается и очень уже много знает по-английски, пожалуй, к твоему приезду будет говорить. <...> Лиза ходит теперь прекрасно, танцует, поет и Богу молится. Вчера всех своих Ванек, Степок поставила на колени и давай молиться, и нас заставляет <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 71–71 об., 72 об.).

10 июня 1911 г.[25]

<...> Подъехали к нашей даче, и Даня встретил их и заявил губернатору, что ему в Петербурге лучше нравится, чем здесь. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 75).

---

[24] Для обучения Дани английскому языку была приглашена «милая, симпатичная» молодая англичанка мисс Лина (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 64).

[25] Надежда Ивановна описывает освящение Евгениевского приюта для арестантских детей-девочек в Тарховке, происходившее в присутствии именитых гостей. Вся подготовка легла на ее плечи: «Уезжая, конечно, все благодарили меня, кроме Нарышкиной, которая все принимает как должное» (Л. 75–75 об.).

Евгениевский приют в Тарховке

27 июня 1911 г.

<…> Ты думаешь, что девочки Даню отвлекают от Лины, куда тут, он с ними и не бывает, когда они и подойдут к нему, он их гонит вон, говоря, что он мальчик и с ними играть не желает. Он все время строит какие-то машины, водопроводы, фантазия у него так разыгрывается, что он без конца рассказывает, какая для чего у него машина состроена. Кудрявцев ему делает подарок из разных обрезков, он ему строит дом-избу 2 ½ ар.<шина> вышины, 3х3 ар.<шина>, кругом стен лавки и стол. Окны открываются и дверь, одним словом, настоящую избу. Даня ждет не дождется, когда она будет готова <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 86 об.–87).

15 сентября 1911 г.

<…> Данюк бегает. Сегодня я говорю ему, что скорее надо брать тебе, Данюшка, немку, он сразу говорит, что Лина вернется, мама, зачем другую брать, на что я ему ответила, что Лина только через год вернется, – «так дай, мама, мне отдохнуть этот год». Так это было смешно слышать. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 104).

21 сентября 1911 г.

<…> Данька и Лиза благодаря дивной погоде сегодня все время гуляют. Лиза с каждым днем делается шаловливее и понемного на-

чинает говорить[26]. Танцует при всякой музыке. Даня играет на фисгармонии чижика и собачий вальс, а Лиза так и наплясывает. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 109 об.).

30 сентября 1911 г.

<...> Сегодня у Данюшки выпал первый зуб внизу, он ужасно волновался, как бы ему не вставили, как у меня. От немки бегает, как и от Лины первое время, но думаю, что потом привыкнет, когда больше будет понимать. Лиза немку любит, охотно с ней играет. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 117).

7 октября 1911 г.

<...> Дети здоровы. Данила знать не хочет немки. Я, говорит, хочу Лину или Miss Marie (это ее подруга), а эту я не люблю, она некрасивая, скучная. <...> Даю им рыбий жир, Лиза пьет прекрасно, а Даню всякий раз чуть не рвет, но, думая, что это допинг, он пьет и ждет прибавления силы. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 125).

14 октября 1911 г.

<...> Лиза очень понравилась Ел.<изавете> Алек.<сеевне>, они гуляли, когда мы с ней подъехали к Убежищу, Данька сейчас перед ней расшаркался, а Лиза ей стала делать ручку. Потом, когда она пошла в Приют, Даня ее до дверей провожал. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 128 об.).

Иван Павлович

17 октября 1911 г., Минск

<...> Хлопот очень много. А тут еще вздумал послать вам гостинца. На днях думаю отправить большой ящик (пудов пять) по железной дороге большой скоростью. Там лежат три пуда яблоков. 2 сорта по 2 рубля за пуд и антоновка 1 ½ р. за пуд. Сотня груш за два рубля. Прибавил еще головку литовского сыра. <...> (Ед. хр. 1. Ч. 9. Л. 18).

Надежда Ивановна

22 октября 1911 г.

<...> Получили твои гостинцы сегодня, столько ты всего прислал, что, пожалуй, до Рождества хватит. Яблоки все разобрала, все крепкие

[26] Это предложение подчеркнуто красным карандашом.

уложила в сундук, переложила соломой, груши замариновала и часть сварю. Сыр великолепный, и если он не очень дорог, то, возвращаясь домой, захвати круга три. <...> Даня и Лиза принимали большое участие в разборке ящика, теперь Даня хвалится, что Папа нам столько всего прислал, что мы всю зиму будем есть, и он действительно очень усердствует. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 135).

24 октября 1911 г.

<...> Лиза ни за что не остается с немкой, плачет так, что жаль на нее смотреть. Вот кто у меня помощник – Данюшка, Лиза его так любит, и он так умеет ее занять, что прямо смотреть приятно, вот как меня позовут вниз, я уже его и прошу, и он усердно исполняет мою просьбу, просто молодец мальчишка[27]. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 136).

31 октября 1911 г.

<...> Данюк тебя все ждет, чтобы спросить про газы: водород, кислород, углекислый газ. Он очень этим занят. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 143).

23 января 1912 г.

<...> Дочка твоя день ото дня делается все озорнее, она теперь все называет первоначальным слогом, нап.<ример> «кухня» она говорит «ку». Дерутся с Даней чуть только не каждый час. Даня мечтает о машине, которую ты ему привезешь из Москвы. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 185).

29 января 1912 г.

<...> Даня стал умнее, я ему говорю, что Папа не знает, что тебе купить, а он говорит, не надо покупать, у Папы денег мало, я ему говорила, что Папа даже недоедает из-за нас, все бережет деньги для вас, он это и запомнил[28]. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 178).

---

[27] Лизина няня заболела, и, когда Надежду Ивановну отзывали по делам, некому было присматривать за девочкой.

[28] Финансовое положение семьи было непростым, а в некоторые периоды затруднительным. Тема экономии постоянно возникает в письмах, в частности выясняется, что хлопотная должность начальницы Убежища для женщин устраивала Надежду Ивановну бесплатной, хотя и сырой, квартирой. К финансовому вопросу она возвращается и в письме от 18 мая 1911 года в ответ на упреки мужа в «разности взглядов»: «Тебе не дает покою Данино зимнее пальто, единственное сделанное у Дусса за 60 руб., на что скажу тебе, что он его уже относил две

4 февраля 1912 г.

<...> Ната благодарит тебя за открытку с Толстым[29], а Машенька не очень благодарна, потому что Данька все лепешки сам поел и послал ей с Натой одну лепешку, она находит, что это очень мало для нее. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 173).

7 февраля 1912 г.

<...> Данька дня три занимался твоей машиной, которую Ив.<ан> Алексеевич>[30] пустил в ход, теперь ему, видимо, надоело, и я ее уже скорее убрала, чтобы не ломал. Лиза пока еще носится с твоей куклой. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 171).

12 февраля 1912 г.

<...> Данюк получил твои две открытки, носился с ними несколько дней подряд и потом воткнул их в альбом (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 161 об.).

18 февраля 1912 г.

<...> Дочка твоя понемногу начинает говорить и, чтобы ни случилось, обо всем доложит. Сплетница большая. Дружба это время у них большая с Даней, Лиза так его и зовет маленький Папа, а на себя показывает, маленькая Мама, а Папа большой. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 165).

23 февраля 1912 г.

<...> Даня и Лиза крепко целуют Папу и поздравляют с днем Ангела, Данька уверяет, что он тебе целый пуд бриллиантов подарит[31]. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 156 об.).

зимы и еще три относит, так как при пальто дано два ар.<шина> материи на случай, если бы пришлось немного его расставить. Это единственная вещь, купленная там и купленная на собственные деньги Дани, вырученные от продажи поросенка». Далее расписывается бюджет семьи: «Вот тебе наш расход будущий: 30 р. англичанке, 10 руб. Дуне, 8 руб. Насте, 12 руб. дворнику, 20 руб. комната (отдельное жилье Ивана Павловича. – *Е. С.*), итого 80 руб. Мы получаем 113 твоих и 50 моих – 163 руб., остается 83 руб., каждый день стоит обед и ужин 3 руб. 90 коп., я не считаю чаю, сахару, кофе, булок и, конечно, того, что то надо Дане сапоги, то Лизе, то мне <...>» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 62–63 об.).

[29] В письме от 25 августа 1912 года, обсуждая вопрос о подарке к именинам старшей сестры, Надежда Ивановна пишет: «У Наши такая масса портретов Толстого, что, по-моему, не следует их прибавлять, лучше книгу ей купи, какую она хочет, узнай у Маши» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 291 об.).

[30] Елсаков Иван Алексеевич.

[31] Иван Павлович родился 23 февраля, это был и день его именин.

25 февраля 1912 г.

<…> Данилка очень много понимает по-немецки, но сам говорить – не говорит. Бонной совсем я недовольна, она злющая, постоянно кричит, так что ее приходится усмирять. Вряд ли оставлю ее. Одеваться Даня стал сам еще до этой бонны, но совершенно одеться он еще не может. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 153 об.–154).

4 мая 1912 г.[32]

<…> Так тяжело у меня на сердце стало, как проводила тебя, очень уже далеко. Даня вернулся тоже невеселый. Л.<идия> А.<лексеевна>[33] говорит, что, когда поезд тронулся, он, говорит, задумался и сказал: «Ведь три месяца Папы не будет». <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 209).

25 мая 1912 г.[34]

<…> Лиза искусана так комарами, что жаль смотреть. От меня не отходит, целует, гладит, глядит в глаза, такая ласковая, и не хочешь, да будешь любить. Наташу тоже все целует, ссорятся с Даней из-за нее, кому около сидеть и чья она, – Данина или Лизина. Даня все время бегает или на трапеции. Поймал маленького вороненка со сломанной ногой и теперь ухаживает за ним, кормит, лечит, и вороненок уже его знает, как он к нему подходит, так тот разинет рот и кричит, есть просит. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 252).

15 июля 1912 г.

<…> Данилка очень занят писаньем, все время ходит с карандашом и книжечкой и все записывает, и представь себе, очень грамотно пишет… <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 301 об.).

4 сентября 1912 г.

<…> Данюк тебя целует крепко. Он очень тоже волновался, как Папа будет спать ночью, как ты разденешься, вообще на него неприятное впечатление сделало твое место[35]. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 288).

---

[32] Письмо адресовано в Сибирь: «Енисейская губ., г. Красноярск».

[33] Смирнитская Лидия Алексеевна.

[34] Надежда Ивановна впервые после рождения младшей дочери приехала на дачу.

[35] Даня провожал отца в очередную поездку и, видимо, заходил в вагон поезда.

27 сентября 1912 г.

<...> Ездила сейчас с Даней к Поносу[36], выдернуть его гнилые зубы, а то они ему царапали щеку. Он молодцом себя вел, один только раз «ай» вскрикнул. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 268 об.).

8 октября 1912 г.

<...> Лизочка ждет своего Папу очень. Вчера поспорили с Даней, кого ты больше любишь. Данька говорит, что его, а Лиза, что ее, и начала кусать Даньку за то, что тот так говорит. Натуся так мила, что даже словами не описать, обидно, что ты не видишь такую прелесть. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 277).

Иван Павлович

10 ноября 1913 г., Рыбинск.

<...> Все-таки мой принцип: какая бы ни была погода, – дети должны погулять на дворе. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 2 об.).

16 ноября 1913 г. Рыбинск

<...> Дане скажи, что я ему доставлю удовольствие, когда приеду домой: дам ему переменить пломбы сразу в двух зубах. Судя по Твоим письмам, дети получили насморк до моего пожелания ходить им гулять во всякую погоду на двор. <...>

Хвалю Даню за старание научиться читать. Пора, давно пора! В его годы сколько я перечитал книг! <...> (Ед. хр. 1. Ч. 7. Л. 6, 7).

29 ноября 1913 г. Рыбинск

<...> По поводу роста Дани могу сказать, что приятно видеть человека высокого и статного, с хорошо развитым костяком; но есть и отрицательная сторона. Большие оконечности требуют много крови, и случается, что на расход работы более благородных органов ее не хватает. Дай Бог, чтобы при крепком костяке он был крепок телом и полнокровен. <...> (Ед. хр. 1. Ч. 7. Л. 4–4 об.).

Надежда Ивановна

10 мая 1914 г.

<...> Дети очень довольны путешествием. Даня много и хорошо рассказывает про Сергиево и про Москву, но, конечно, более всего ему нравится пушка. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 3–3 об.).

---

[36] Фамилия врача – Понс.

24 мая 1914 г.

<...> Даник и Лизочка наводят один мальчиков, другая девочек, так что у нас все время целая куча детей, и что ужасно смешно, что у Дани 2–3 мальчика его лет, а остальные 13–14 лет, а играют так же, как наш Данька. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 14 об.).

28 мая 1914 г.

<...> Детки наши прекрасно себя чувствуют, бегают целый день, хотя 2 часа в день Даня учится, да кроме этих двух часов, он, если я дома, то вечером читает мне. Единственно, в чем он слаб, а все остальное он знает более того, что требуется, но, думаю, что за лето он и в этом поправится[37]. Лилька твоя все у меня за цветами ухаживает, поливает их, а иногда найдет на нее, начнет их рвать, букет делает. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 40–40 об.).

2 июля 1914 г.

<...> С книжками, которые ты прислал, Даня не расстается, очень доволен. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 22 об.).

8 февраля 1917 г.

<...> Мы сидим в страхе, что останемся без хлеба, все булочные закрываются, народ злится, собираются громить лавки, точно в этом будет какой толк. Вообще положение скверное, конечно, и на душе скверно. Деньги есть, покупать нечего, денег не было, было вдоволь всего, никак Богу на нас не угодить. Школу Дани распустили, все равно из-за холода не было занятий, я и рада, а то и за него у меня сердце болело, что пропускает. Теперь ежедневно учится с учительницами, 1 день француженка, другой Маргар.<ита> Александ.<ровна>, а Закон Божий уже я сама с ним занимаюсь. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 20 об.–21).

---

[37] Даниил Ювачев медленно учился читать (не спешил), и это невольно ассоциируется со стремлением Даниила Хармса через буквы постигать сущность бытия. См. текст Хармса: «Я О, я сиръ, я исъ / Я тройной, научи меня чтенію. <...>» и параллели к нему из романа Г. Майринка «Голем»: «Чувствовать буквы и читать их не только глазами, создать в себе истолкователя немого языка человеческих инстинктов – вот ключ к тому, чтобы ясным языком говорить с самим собою» (*Герасимова А., Никитаев* А. Хармс и «Голем»: Quasi una fantasia // Театр. 1991. № 11. С. 42–45).

17 февраля 1917 г.

<...> Вчера ребяты не дали мне покою с твоим письмом, правда ли гроб уходит в землю глубже, когда до него дотрагиваются, и делал ли это Папа? Более всего это их заинтересовало, любят все таинственное, страшное. Удивительный вкус у них![38] <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 29 об.–30).

25 июня 1917 г.

<...> Наши детки великолепно себя чувствуют, сейчас хоронят птичку, кот большой задушил, камень принесли, краской на нем нарисовали и сделали надпись: «здесь зарыта птичка, жертва кота», год и число – и все утро с этим возются. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 33 об.).

Письма Даниила Ювачева к отцу

Даниил Ювачев

Среди писем Надежды Ивановны сохранилось несколько писем сына. Первое было написано матерью от его лица 27 ноября 1907 года: «Милый Папа приезжай скорее я жду тебя твой сын Даня» (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 208). То же и в письме от 13 декабря 1907 года: «Милый Папа! Приезжай к нам скорее. Я тебя хочу видеть. Целую тебя за письмо. Любящий тебя сын Даня» (Ед. хр. 2. Ч. 1. Л. 185). Это был ответ на открытку Ивана Павловича, полученную 13 декабря и адресованную сыну. Надежда Ивановна, подражая детским каракулям, пи-

[38] Ср. в воспоминаниях Е. И. Грицыной: «Еще он любил усадить меня в темной комнате на диван и рассказывать разные необыкновенные истории, очень интересные: то страшные, то приключенческие» (Елизавета Ивановна Грицына вспоминает. С. 39).

шет ответ «Папе» (на это Данино «письмо» Иван Павлович отозвался открыткой от 17 декабря, адресованной Даниилу Ивановичу Ювачеву). Первый наиболее самостоятельный эпистолярный опыт Ювачева-младшего относится к марту 1911 года, и только летом 1912 года его начали по-настоящему обучать письму. Судя по некоторым замечаниям матери, писем, адресованных отцу, было больше. Мы приводим в хронологической последовательности сохранившиеся письма и упоминания об утраченных. Детские письма Даниила Ювачева публикуются с возможным соблюдением особенностей оригинала.

25 августа 1910 г.

<…> Посылаю тебе письма Дани и его рисунок. Вчера возили туда белье[39], и Даня прислал это для Папы. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 60–60 об.).

25 сентября 1910 г.[40]

Милый Папа!

Крѣпко тебя цѣлую и благодарю за карточку.

ДАНЯ

Пришел Даня писать тебе письмо, подпись сам написал, а то я водила его рукой, и то с трудом. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 54).

18 февраля 1911 г.

<…> Даня тебе пишет письмо с Пав.<лом> Ив.<ановичем>[41]. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 24 об.).

---

[39] Дети были на даче, а Надежда Ивановна в Петербурге.

[40] В тексте письма матери Надежды Ивановны.

[41] Сослуживец Ювачева приезжал домой на праздники, сам Иван Павлович, за отсутствием денег, не мог себе этого позволить (см. в этом же письме Надежды Ивановны: «Сегодня приехал Пав.<ел> Иван.<ович> и привез нам о тебе весточку. Ты теперь один сидишь, будь деньги, и тебе бы домой ехать на эти два дня». Из следующего ее письма от 20 февраля выясняется, что Даня письма не написал: «Данилка так и не написал письма, т. е., вернее, не кончил, носится сейчас с Мишей, даже звон в ушах» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 26 об.).

3 марта 1911 г.

<…> Написал тебе Даня письмо, Маня уверяет, что он писал сам, она ему написала, а он списывал[42], сочинил сам. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 37 об.).

Март 1911 г.

милый папочка
какъ твое здоровье
я самъ пишу очень много писать не
могу я усталь
ДАНЯ[43] (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 49).

26 января 1912 г.

<…> Даня пишет тебе письмо, но когда он его кончит, трудно сказать. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 181).

26 июня 1912 г.

<…> Данюшка сидит занимается[44]. Вчера начал писать тебе письмо[45], которое хотя и не окончено еще, но я посылаю. Наташа все более и более делается похожей на Даню, она начинает уже слышать и видеть, поворачивает головку, когда ее зовут. <…>

милый папа
я учусь читать[46] (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 190 об.–191).

---

[42] Этот способ Иван Павлович называл «сфабриковать» письмо: «От Дани не получил писем. Пусть он с Машей сфабрикует письмо» (17 февраля 1911 года. – Ед. хр. 1. Ч. 7. Л. 10 об.).

[43] Не датировано, рукой Ивана Павловича помечено: «СПб. Март 1911 г.». Видимо, об этом письме упоминает Надежда Ивановна 3 марта. Написано на одинарном линованном листке черными чернилами.

[44] Летом 1912 года на даче Ювачевых в Тарховке жила Наталия Ивановна Колюбакина, которая начала основательно заниматься с Даниилом.

[45] Красным карандашом подчеркнуты первое предложение и часть второго, включая слово «письмо».

[46] Написано на $^{1}/_{3}$ одинарного листа белой линованной бумаги черными чернилами, под которыми видны следы карандаша (судя по начертанию букв, карандашом тоже писал Даня). На обратной стороне рукой Ивана Павловича: «При письме от 26 июня 1912 г. жены. От Даниила Ювачева».

7 июля 1912 г.

<…> Данюшка, сам своей рукой написал тебе письмо, ему только говорили, какую букву писать, и он писал. У него очень много старания и рука очень твердая. Вообще я не думала, что он будет такой прилежный и внимательный[47]. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 236).

13 июля 1912 г.

<…> Посылаю тебе второе письмо Данюшки[48]. Он такой умник, в несколько уроков – и смотри, как он твердо пишет. Я сегодня, будучи в Петерб.<урге>, сюрпризом получила его письмо с просьбой привезти ему бумаги для рисования, что, конечно, я исполнила. <…> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 299).

13 іюля 1912 года

милый папа,

я сперва складываю слова на кубикахъ, а потом пишу ихъ тебѣ; я катаюсь верхомъ на мушкѣ[49], цѣлую тебя,

твой даня[50] (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 300).

7 октября 1912 г.

<…> Даня получил все три твои письма. Садился несколько раз тебе писать, но что-то не ладится у него, посылаю образец. Он так занят проводкой электричества, ничего другого не понимает, все

---

[47] Надежда Ивановна настойчиво подчеркивала усердие Даниила, вероятно, в ответ на пожелания Ивана Павловича более интенсивно развивать его. 5 июля 1912 года: «Развивать Даню нечего, он для своих лет развит слишком много. Занимается прекрасно, с таким вниманием, глаз не поднимет, пока идет урок, на что-либо не касающее урока, так чего еще от него ты хочешь» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 237 об.); 11 июля 1912 года: «Даня добросовестно занимается, я так благодарна Богу, что он охотно это делает, дай Бог, чтобы и всегда он так относился к учению» (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 241).

[48] Первым было письмо, о котором Надежда Ивановна упоминает 7 июля.

[49] О собаке Мушке говорится в ряде писем Надежды Ивановны. 2 июня 1910 года: «Дане здесь очень нравится, особенно его занимает море и озеро, он готов целый день проводить там. Мушка наша и та бегает по морю, смешно даже говорить, хорошо, значит, море, если такая крошка ходит по нему» (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 44).

[50] Двойной лист линованной белой бумаги, на одном письмо Надежды Ивановны, на другом – письмо Даниила, написано каллиграфически, но без заглавных букв.

время около монтеров. Завтра во всех рабочих помещениях или, вернее, в 1-ом этаже старого здания будет гореть уже электричество. С той недели начнут проводку в нашем флигеле, но раньше, конечно, в доме трудолюбия, где много работы, а свет очень плохой, так как не покупаю им новых ламп. <...> (Ед. хр. 2. Ч. 3. Л. 274–274 об.).

7 июня 1914 г.

Дорогой папа!

У насъ хорошо на дачѣ, мы всѣ здоровы, бѣгаемъ, играемъ, катаемся на ослѣ[51], намъ очень весело, утромъ я учусь съ Машей. Оля кланяется тебѣ, она живетъ у насъ второй мѣсяцъ. Бабушка[52] кланяется тебѣ. Настя благодаритъ тебя за кофту[53]. Всѣ мы тебя цѣлуемъ. Прiѣзжай къ намъ скорѣй.

Твой Даня.

7 iюня 1914 г.[54] (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 2–2 об.).

6 февраля 1917 г.

Милый Папа.

Я узналъ что ты боленъ и попрасилъ Маму чтобы она тебѣ послала коробку конфеть, отъ кашля и другiя лѣкарства. Ты ихъ принимай

---

51 Осел, которого Надежда Ивановна собиралась отправлять на дачу в Тарховку, впервые упоминается в письме от 30 мая 1910 года: «Осел очень хороший, смирный, так что Даня свободно может на нем кататься верхом, здесь все дети маленькие на нем катались, и он так осторожно с ними обращается и так и ходит за детьми. Могу себе представить восторг Дани, когда ему приведут осла» (Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 42 об.). Однако надежды матери на восторг сына поначалу не оправдались (2 июня: «Данька боится верхом на осле кататься, а Лизочка очень любит». – Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 43 об.), и лишь постепенно Даня освоился с ослом: «Научился ездить на осле и теперь каждый день катается на нем» (16 июля 1910 г. – Ед. хр. 2. Ч. 5. Л. 58).

52 Мать Надежды Ивановны.

53 Настя – мамка Даниила, помогавшая растить и остальных детей (см. ее письмо от 1 ноября 1910 года. – Ед. хр. 6. Ч. 12. Л. 22). Как явствует из письма Надежды Ивановны от 12 мая 1914 года, кофточку для Насти она купила сама, но сказала, что это Иван Павлович прислал из Москвы (Ед. хр. 2. Ч. 8. Л. 6).

54 Написано каллиграфически черными чернилами на двух склеенных вместе небольших квадратных листках. На обороте адрес рукой Надежды Ивановны.

какъ закашлишь. Дѣти здоровы[55]. Я и Лиза были больны но теперь тоже здоровы. У меня маленький кашель. Мама тоже ничего.

Даня.

9 года. или 19 6/II 17 года.[56],

пишу I годъ такъ. Я тебѣ ужъ показывалъ.

Будь здоровъ[57] (Ед. хр. 2. Ч. 9. Л. 16).

[55] Даниил называет младших сестер как взрослый – «дети».

[56] Приношу благодарность С.Н. Бобрышеву, предложившему читать значок как «1917», в чем убеждает и последующее разъяснение: «пишу I годъ такъ».

[57] Написано красными чернилами на одинарном листе плотной бумаги. Кроме обозначения года имеются и другие авторские новации: стрелки и эксперименты с буквами (по-особому написаны заглавные буквы Д и Б, т. е. заметно стремление писать не по правилам). Исправления в некоторых словах («тебѣ», «лѣкарства») свидетельствуют о неладах с буквой «ѣ». На обратной стороне листа карандашная надпись рукою Даниила: «Папѣ».

Материалы к библиографии И. П. Ювачева

Публикации в периодических изданиях

1893

П. <М. А. Кржижевская. Некролог> // Фельдшер. № 10. 15 мая. Стб. 308–309.

1898

Ювачев И. По свету Божию (из писем к друзьям) // Русский паломник. № 27. С. 427–430; № 28. С. 43–46; № 31. С. 490–493; № 32. С. 503–507; № 41. С. 655–657; № 46. С. 751–753; № 48. С. 810–812; № 49. С. 822–825 (без подп.); № 50. С. 852–854 (без подп.); № 51. С. 870–875 (без подп.); № 52. С. 899–901.

Ю. На маяке // Русский паломник. № 52. С. 892–895 (в содержании: *И. Ювачев*).

1899

Ювачев И. Не от мира сего. Отец Нестор // Русский паломник. № 18. С. 334–336.

Ю. Не от мира сего. Миша // Русский паломник. № 38. С. 651–654.

Ювачев И. П. Сестра Варвара // Женское дело. № 7. С. 45–58; № 8. С. 41–44.

1900

И. Ю. А кто Мой ближний? // Русский паломник. № 23. С. 392–394 (в содержании: Варвара, сестра).

Ювачев И. Не от мира сего. На пасеке // Русский паломник № 33. С. 551–554.

Миролюбов И. П. Восемь лет на Сахалине // Исторический вестник. Т. 79. С. 267–301, 631–669, 1060–1101; Т. 80. С. 175–220, 550–583, 896–924; Т. 81. С. 136–169.

Ювачев И.П. Борьба с хунхузами на манчжурской границе // Исторический вестник. Т. 82. № 10. С. 177–206; № 11. С. 538–564.

1901

[***Б. п.***] Русские школы в Сирии. I. II // Русский паломник. № 22. С. 386–328; № 23. С. 395–398.

И. Ю. Паломничество трезвенников на Валаам // Русский паломник. № 23. С. 406.

Ювачев И.П. Русские школы в Сирии (окончание) // Русский паломник. № 24. С. 414–418.

И. Ю. Столетие храма в селе Никольском // Русский паломник. № 32. С. 543–545.

Ювачев Ив. Монастырские очерки. IV. Флорентий // Русский паломник. № 38. С. 651–654.

Ювачев И.П. Поездка к прародителям Христа Спасителя (из записной книжки русского паломника). 1. В Хевроне // Русский паломник. № 51. С. 873–876.

Ювачев Ив. Поездка к прародителям Христа Спасителя (из записной книжки русского паломника). 2. В Вифлееме // Русский паломник. № 52. С. 892–894.

Ювачев И. Монастырские очерки // Душеполезное чтение. Октябрь. С. 258–261; Ноябрь. С. 429–434;

Ювачев И. Монастырские очерки. III. Рассказ иеромонаха Ираклия // Душеполезное чтение. Декабрь. С. 600–603.

1902

Ювачев Ив. Поездка на Иордан (из записной книжки русского паломника) // Русский паломник. № 1. С. 6–9.

Ювачев Ив. К рисункам. I. Вавилонская пещь // Русский паломник. № 4. С. 70–71.

Ювачев Ив. Место Соломонова храма в Иерусалиме (из записной книжки русского паломника) // Русский паломник. № 5. С. 75–78.

Ювачев Ив. Страшный суд (к Мясопустной неделе) // Русский паломник. № 7. С. 108–109.

Ювачев Ив. Христианское знамя (к Неделе православия) // Русский паломник. № 9. С. 142.

Ювачев Ив. Пасха таинственная! // Русский паломник. № 15. С. 258.

Ювачев Ив. Милости, а не жертвы! // Русский паломник. № 43. С. 723–725.

Ювачев Ив. Читающий да разумеет! // Русский паломник. № 50. С. 852–853.

Ювачев И. П. Паломничество в Палестину // Исторический вестник. Т. 88. Июнь. С. 962–977; Т. 89. Июль. С. 165–195; Т. 89. Август. С. 504–541; Сентябрь. С. 884–923; Октябрь. С. 209–250; Ноябрь. С. 647–682; Декабрь. С. 1044–1066.

Ювачев И. Монастырские очерки // Душеполезное чтение. Январь. С. 104–109; Февраль. С. 277–284.

Ювачев И. Монастырские очерки. VI. Любовь и послушание // Душеполезное чтение. Март. С. 467–478.

Ювачев И. Монастырские очерки // Душеполезное чтение. Декабрь. С. 614–628.

Ювачев Ив. Три дня у иноков // Отдых христианина. Декабрь. С. 152–168.

Миролюбов И. П. В заточении // Исторический вестник. Т. 87. № 1. С. 181–210.

1903

Ювачев И. П. Священный огонь в Иерусалиме. (Из воспоминаний русского паломника) // Русский паломник. № 13. С. 216–219.

Ювачев Ив. Христос в Египте // Русский паломник. № 51. С. 887–888.

Ювачев И. П. Сестра Варвара // Отдых христианина. № 1. С. 65–94; № 2. С. 45–69.

Ювачев Ив. Время близко // Отдых христианина. № 3. С. 68–75; № 5. С. 26–43.

Ювачев Ив. Друзья // Отдых христианина. № 4. С. 101–112.

Ювачев И. В затворе (из «Монастырских очерков») // Душеполезное чтение. Январь. С. 134–139; Февраль. С. 285–291.

Ювачев И. На открытие мощей // Душеполезное чтение. Сентябрь. С. 137–153 (2-я пагинация); Октябрь. С. 225–241 (2-я пагинация); Ноябрь. С. 392–410.

1904

Ювачев Ив. Иудеи в Египте // Русский паломник. № 11. С. 178–179.

Ювачев Ив. Часы молитвы // Русский паломник. № 48. С. 825–826.

Ювачев Ив. П. Мечтатель. Рассказ // Душеполезное чтение. Декабрь. С. 533–541.

Миролюбов И.П. Закавказские сектанты // Исторический вестник. Т. 95. Январь. С. 167–179; Февраль. С. 586–607.

1905

Ювачев Ив. Православная церковь в Японии // Русский паломник. № 3–4. С. 38–40.

Ювачев Ив. Дети Авраама // Русский паломник. № 5. С. 59–62.

Ювачев Ив. Апостолы откровения // Русский паломник. № 19. С. 290–292.

Ювачев Ив. Видение овна и козла // Русский паломник. № 33. С. 510–512.

Ювачев Ив. Русское паломничество. Введение // Русский паломник. № 34. с. 532.

Ювачев Ив. Русское паломничество. I. Путивль // Русский паломник. № 35. с. 544–547.

Ювачев Ив. Русское паломничество. 2. Софрониевская пустынь // Русский паломник. № 37. С. 580–583.

Ювачев Ив. Распечатанные алтари // Русский паломник. № 46. С. 731– 734.

Ювачев Ив. На Божьем деле. [Памяти А. В. Рождественского] // Отдых христианина. Сентябрь. С. 53–70.

[***Б. п.***] «Будем надеяться» (из частного письма в Редакцию о войне) // Душеполезное чтение. № 4. С. 646 (в содержании: И. П. Ювачев).

Ювачев И.П. Искание вождя Михаила // Исторический вестник. Т. 99. Февр. С. 556–562.

Ювачев И.П. Монастырь-тюрьма // Исторический вестник. Т. 99. Март. С. 871– 878.

1906

Ювачев Ив.П. К вопросу о монастырской собственности // Русский паломник. № 1. С. 8–11.

Ювачев Ив. Не мечом, а верою // Русский паломник. № 3. С. 39–40.

Ювачев Ив. Комфорт души // Русский паломник. № 7. С. 99–100.

Ювачев Ив. Русское паломничество. III. Глинская пустынь // Русский паломник. № 10. С. 151–155; № 12. С. 180–183.

Ювачев Ив. Шлиссельбургская крепость // Русский паломник. № 29. С. 463–464; № 30. С. 474–476.

Ювачев Ив. Покайтесь и обратитесь! // Русский паломник. № 36. С. 566.

Ювачев Ив. Обличение священников // Русский паломник. № 37. С. 582.

Ювачев Ив. Царь-узник (из воспоминаний паломника) // Русский паломник. № 40. С. 638–640.

Ювачев Ив. Библейское общество и указ 17 октября // Русский паломник. № 47. С. 755 – 756; № 48. С. 770.

Миролюбов И. П. Певунья // Отдых христианина. № 1. С. 53–63.

Ювачев Ив. Шестая труба //Отдых христианина. № 5. С. 30–43.

Ювачев И. О неверном управителе // Отдых христианина. № 8. С. 36–45.

Ювачев Ив. Драгоценный Иерусалим // Отдых христианина. № 11. С. 125–140.

Ювачев И. П. Распечатанные алтари // Исторический вестник. Т. 53. Январь. С. 219–239.

Ювачев И. П. Сашка-инженер. (Из шлиссельбургских воспоминаний) // Исторический вестник. Т. 54. Апрель. С. 92–99.

Ювачев И. П. В Шлиссельбургской тюрьме // Исторический вестник. Т. 103. Февраль, С. 464–492.

Ювачев Ив. Искушение ревностью. (Воспоминание о старце Варнаве) // Душеполезное чтение. № 10. С. 220–229.

Ю. Революция // Доброе слово. 1906. № 2. Стб. 61–66.

Ювачев И. П. Друзья. 1. Из книги «Между миром и монастырем». СПб., 1903 // Доброе слово. № 13–14. Стб. 535–545.

1907

Ювачев Ив. Яспис и Сардис // Русский паломник. № 17. С. 263–264.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 1. С. 31–65; № 2. С. 84–96; № 4. С. 119–134; № 6–7. С. 212–224 (подп.: Ювачев И.); № 10. С. 132–144; № 11. С. 96–112; № 12. С. 130–143.

Ювачев И. Благодатный огонь. (Воспоминание палестинского паломника) // Доброе слово. № 15–16. Стб. 483–487.

Ювачев И. П. Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. Т. 110. № 12. С. 954–980.

1908

Ювачев Ив. Русское паломничество. Свято-Троицкая женская община // Русский паломник. № 20. С. 307–309.

Ювачев Ив. Шестая печать // Русский паломник. № 36. С. 564–566.

Ювачев Ив. Сардийская церковь // Русский паломник. № 37. С. 580–581.

Ювачев Ив. Сон Навуходоносора // Русский паломник. № 39. С. 611–612.

Ювачев Ив. Страшный суд // Русский паломник. № 43. С. 673–674.

Ювачев Ив. Монашество и трезвость // Русский паломник. № 47. С. 743–746; № 48. С. 769–772.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 2. С. 153–168. № 4; С. 138–145; № 5. С. 98–114; № 6. С. 57–70; № 8–9. С. 136–168; № 10. С. 151–160.

[***Б. п.***] Из Вифлеемских впечатлений паломника. (Из книги: Паломничество в Палестину к гробу Господню) // Доброе слово. № 51–52. Стб. 1609–1614.

Ювачев И. П. По тайному священству // Исторический вестник. Т. III. Март. С. 1049–1077; Апрель. С. 289–320.

1909

Миролюбов Н. Христос и diavol (Психологический этюд) // Русский паломник. № 1. С. 7–11.

Ювачев И. П. Миниатюрная церковь (К предстоящему археологическому съезду в Костроме) // Исторический вестник. Т. 117. Июль. С. 170–172.

Ювачев И. П. Могила Гапона // Исторический вестник. Т. 118. Октябрь. С. 206–210.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 1. С. 141–153; № 2. С. 132–145; № 5. С. 125–141; № 6. С. 114–126; № 7. С. 108–117; № 11. С. 67–73; № 12. С. 116–119.

1910

Ювачев Ив. Новотихвинский женский монастырь в г. Екатеринбурге. Пермской губ. // Русский паломник. № 3. С. 42–43.

Миролюбов Д. «В духе с истиною» (К неделе о Самарянине) // Русский паломник. № 20. С. 34.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 8–9. С. 265–273; № 10. С. 525–537; № 12. С. 854– 864.

1911

Миролюбов Н. Воздержание как практическая основа жизнедеятельности христианина // Русский паломник. № 9. С. 130–131.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 4. С. 626 – 634; № 5. С. 768–776.

Ювачев Ив. На родине Ломоносова // Отдых христианина. № 11. С. 754–775.

Ювачев Ив. Гавриил Никитич Потанин // Исторический вестник. Т. 124. Май. С. 515–526.

Ювачев Ив. На родине Ломоносова // Исторический вестник. Т. 126. Октябрь. С. 313–332; Ноябрь. С. 739–762; Декабрь. С. 1143–1154 (в содержании: И. П. Ювачев).

1912

Ювачев Ив. «Сыны века сего мудрее сынов царствия» (По поводу открытых писем и граммофонных пластинок) // Отдых христианина. № 6. С. 185–189.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 9. С. 550–560; № 10. С. 753–762; № 11. С. 953–961 (без подп.).

1913

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 11. С. 714– 722.

1914

Ювачев Ив. Через два океана // Отдых христианина. № 1. С. 60–66; № 2. С. 245–253; № 3. С. 371– 383; № 4. С. 528–534; № 5. С. 672–678; № 7–8. С. 47–58; № 9–10. С. 233–241; № 11–12. С. 432–440.

Ювачев Ив. Да будут все едино! // Отдых христианина. № 3. С. 360– 365; № 6. С. 762–769.

1915

Ювачев Ив. Через два океана // Отдых христианина. № 1. С. 124–130; № 2. С. 303–307; № 3. С. 429– 433; № 4. С. 548–553; № 5. С. 760–764; № 6. С. 635 –639 (в журнале спутана нумерация); № 7–8. С. 195–201; № 10. С. 597– 602.

1916

Ювачев Ив. Мисс Хапгуд // Отдых христианина. № 11. С. 185–187.

1926

Невачев Ал. М. Ю. Ашенбреннер // Красная панорама. № 48. С. 5.

1927

Ювачев Ив. Л. Я. Штернберг и гиляки // Красная панорама. № 37. С. 6–7.

Ювачев И. П. Из воспоминаний старого моряка // Морской сборник. № 10. С. 71–90.

1928

Ювачев Ив., шлиссельбуржец. Алексеевский равелин Петропавловской крепости // Красная панорама. № 4. С. 12–13.

Ювачев Ив. И. Н. Мышкин и процесс 193-х // Красная панорама. № 23. С. 12–13.

Ювачев Ив. Как я составил план Шлиссельбурга // Красная панорама. № 38. С. 10–11.

1929

Ювачев Ив. Военная организация «Народной воли» // Красная панорама. № 46. С. 18.

Отдельные издания, статьи в сборниках

Ювачев И. П. Обзор погоды 1894 года в селении Рыковском на о. Сахалине. – О. Сахалин, 1895. – 7 с.

Ювачев И. П. Свод метеорологических наблюдений в селении Рыковском на о. Сахалине. – Хабаровск, 1896 (отт. из: Записки Приамурского отделения Русского географического общества. 1896. Т. 1. Вып. 4. С. 1–66).

Миролюбов И. П. Восемь лет на Сахалине. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. – XV, 287 с.

Отзыв: Исторический вестник. 1901. Т. 84. Апрель. С. 343–345. (А. Фаресов).

Ювачев И. П. Три дня у иноков. – [СПб.]: Типолитогр. М. П. Фроловой, 1902. – 17 с. (отт. из: Отдых христианина. 1902. № 12. С. 152–168).

Ювачев И. Монастырские очерки. – М.: Университетская типография. 1903. – 64 с.

Отзыв: Русский паломник. 1903. № 27. С. 463 (А. Бронзов).

Ювачев И. П. (Миролюбов). Между миром и монастырем. Очерки и рассказы. СПб.: И. Л. Тузов, 1903. – 208 с.

Отзывы: Русский паломник. 1904. № 26. С. 455. (А. Бронзов); Исторический Вестник. 1903. Т. 94. Ноябрь. С. 658–659. (С.).

Ювачев И.П. На открытие мощей [Рассказ]. – М.: Университетская типография, 1903 (отт. из: Душеполезное чтение. 1903. № 9–11).

Отзыв: Русский паломник. 1904. № 29. С. 506 (А. Бронзов).

Ювачев И.П. Сестра Варвара. – СПб.: Типолитогр. М.П. Фроловой, 1903. – 57 с.

Ювачев И.П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. – СПб.: Александро-Невск. об-во трезвости, 1904. – XV, 365, [2] с. (Беспл. прилож. к журналу «Отдых христианина»).

Отзыв: Русский паломник. 1904. № 38. С. 654 (А. Бронзов).

Отзыв: Исторический вестник. 1904. Т. 97. С. 290.

Ювачев Ив. Монастырь-тюрьма. – СПб., 1905 (отт. из: Исторический вестник. 1905. № 3).

Ювачев Ив. Шестая труба. – СПб.: Типолитогр. М.П. Фроловой [1905] – 14 с.

Ювачев И.П. Революция [Рассказ] – СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1906. – 10 с. (отт. из: «Доброе слово, 1906, № 2).

Ювачев И.П. Хвалите имя господне! – СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1906. – 9 с. (отт. из: Доброе слово).

Ювачев И.П. (Миролюбов И.П.). Шлиссельбургская крепость.– М.: Посредник, 1907 (предисловие И. Горбунова-Посадова). – XVI, 232 с.

Отзыв: Новорусский М. И.П. Ювачев (И.П. Миролюбов). Шлиссельбургская крепость. Книгоиздательство «Посредник». Москва. 1907 года // Товарищ. 1907. 13 апреля. № 241. С. 5–6.

Ювачев И.П. Десятилетие на кафедре Санкт-Петербургской митрополии первосвятителя русской церкви (1898–1908). – СПб.: Александро-Невск. об-во трезвости, 1909. – 23 с.

Ювачев Ив. Монашество и трезвость. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1909. – [2] 32 с.

Ювачев И. Апокалипсис и его толкователи [предисловие] // Андрей, архиепископ Каппадокийской. Апокалипсис. – СПб., 1910. С. 3–22.

Ювачев И.П. Тайны Царства Небесного. Ч. 1. – СПб.: Тип. Александро-Невск. об-ва трезвости, 1910. – 256 с. (Илл. приложение к журналу «Отдых христианина за 1910 г.).

Ювачев Ив. Павл. Да будут все едино! – СПб.: Тип. Александро-Невск. об-ва трезвости, 1911. – 12 с. (отт. из: Отдых христианина. 1911. № 4–5).

Ювачев И. П. Сыны века сего мудрее сынов царствия (По поводу открытых писем и граммофонных пластинок). – СПб.: Тип. Александро-Невск. об-ва трезвости, 1912. – 7 с.

Ювачев И. П. Война и вера. Очерки всемирной войны [1914–1916 гг.]. – Пг.: [Всерос. Александро-Невск. братство трезвости], 1915. – 304, XII с.

Ювачев Ив. Драгоценный Иерусалим. – СПб.: Типолитогр. М. П. Фроловой [1915] – 16 с.

М. Л. То было раннею весною… [Рассказ] – [Б. м.], [1915] – 12 с.

Ювачев И. П. (Миролюбов). Между миром и монастырем. – М.: Лествица, 1998. – 223 [1] с.

Миролюбов (Ювачев) И. П. Восемь лет на Сахалине. – Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2000. – 287 с. (репринт. изд.).

Ювачев-Миролюбов Иван. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 416 с.

Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. М.: Директор-Медиа. 2016. – 436 с.

Иван Павлович Ювачев

Дни и годы моей жизни

По материалам Государственного архива Тверской области

Редакционно-издательский отдел Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина
117997, Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1
e-mail: riomgudt@mail.ru

Подписано в печать 10.10.2017.
Формат бумаги 60 x 84 $^1/_{16}$. Объем 14,75 п. л.
Заказ № 1137-Н. Тираж 200 экз.
Отпечатано в РИО РГУ им. А. Н. Косыгина

Книга посвящена жизни и судьбе
Ивана Павловича Ювачева,
флотского офицера, народовольца, политкаторжанина,
мемуариста, религиозного публициста,
отца Даниила Хармса

В основу книги положены материалы
Государственного архива Тверской области